

ДЖЕРРИ

РУБИН

ДЕЙСТВУЙ!

**СЦЕНАРИИ
РЕВОЛЮЦИИ**

Час Ч

ДЖЕРРИ РУБИН

ДЕЙСТВУЙ!

Сценарии революции

**МОСКВА
ИЛЗ;**

ISBN 5-87987-048-0

Перевод с английского и примечания О. Озерова

Перевод выполнен по изданию:

Jerry Rubin. DO IT! Scenarios of the Revolution /
Introduction by Eldridge Cleaver. Designed by Quentin
Fiore. Yipped by Jim Retherford. Zapped by Nancy
Kurshan. New York: Simon and Schuster, 1970.

ЧАС «Ч»

МИРОВАЯ АНТИБУРЖУАЗНАЯ МЫСЛЬ

*Предохраняется законом РФ об авторском праве
© Олег Озеров, перевод, примечания, 2008*

*Посвящается Нэнси, наркоте, цветному ТВ
и насилиственной революции*

ОТ АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Джерри Рубин — лидер 850 миллионов хиппи.

В прошлой жизни Джерри был спортивным репортером и правильным студентом. Его отчислили, после чего он посетил Кубу и переехал в Беркли, где стал известен как П.Т. Барнум революции, организующий такие зрелищные мероприятия, как марши Вьетнамского дня, обучающие забастовки и Интернациональный день протеста.

На протяжении трех лет Джерри жил неподалеку от Университета Калифорнии, работая внештатным агитатором за развал университета. Он баллотировался на пост мэра Беркли и выиграл сердечный приступ у трех других кандидатов.

Джерри перебрался в Нью-Йорк в октябре 1967 года и стал координатором проекта Марша на Пентагон. На слушания Конгресса из серии Охоты на ведьм он являлся в форме солдата Американской революции, по пояс голым, вооруженным партизаном и Санта-Клаусом. Вместе с Эбби Хоффманом¹ Джерри создал хиппи² — смесь хиппи и новых левых — и помог собрать демонстрацию в Чикаго, посвященную съезду Демократической партии в августе 1968 года.

¹ Эбби Хоффман (1936–1989) — ближайший друг и соратник Джерри Рубина, активист, писатель.

Один из организаторов штурма Окландского терминала в 1965 г. и Марша на Пентагон в 1967-м. Автор многих других антивоенных и правозащитных акций. В 1973-м был обвинен в распространении наркотиков, скрывался семь лет, явился с повинной и отсидел один год. Выйдя на свободу, вернулся к социальному активизму. Покончил жизнь самоубийством, отчаявшись что-либо изменить в мире без 1960-х. В России вышло издание: Хоффман Э. Сопри эту книгу! Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии / Пер. с англ. и предисл. Н. Сосновского. М.: Гиляя, 2003.

² От Youth International Party (YIP) — Международная молодежная партия.

Американское правительство обвинило Джерри и еще шестерых революционеров в преступном сговоре, направленном на срыв съезда Демократической партии, что кончилось «Заговором» — возможно, самым громким политическим судебным процессом в истории страны.

ЧИТАЙТЕ ЭТУ КНИГУ ПОД КАЙФОМ!

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Я пытался найти эту книгу в Интернете, но не смог. Зато случайно познакомился — опять же через Сеть — со Стю Альбертом¹, еще не очень понимая, с кем имею дело.

Я клянчил у него электронную версию книги. Он сказал, что нету. Я попросил купить и переслать мне «живой» вариант. Он сказал, что не знает, где купить. При этом идею издания «DO IT!» в России XXI века он охарактеризовал как «фантастическую» и вызвался помочь с «объяснением тех реалий и слов, которые сейчас уже мало кто помнит». Я посмотрел на фотографии олдового хиппаря на его персональном сайте и подумал, что заручиться поддержкой человека из той эпохи, как минимум, неплохо.

Дело с поиском англоязычной версии затянулось. К моменту, когда я сел переводить «DO IT!», я уже прекрасно знал, кто такой Стю Альберт, поэтому не сомневался, что с таким «консультантом» перевод получится качественным. По крайней мере, в том, что касается фактов и слэнга.

Я пробежал первый десяток страниц и составил список вопросов, который кинул на почту Стю.

Прошла неделя — ответа не было. Я повторил отправку.

Молчание.

Спустя несколько месяцев я случайно узнал, что Стю нет в живых. Он так и не дождался издания «DO IT!» в России XXI века.

Мне кажется, сегодня уже неважно, чем занимались Джерри и Стю после 1960-х, если знать об их заслугах в дни Революции, которая, кто бы что ни говорил, состоялась. И пусть Джерри суждено было стать белым воротничком на Уолл-стрит, а Стю — незаметно уйти в тень, они сделали достаточно, чтобы заслужить право на покой.

¹ Стю Альберт (1939–2006) — соучредитель YIP, близкий друг Эбби Хоффмана и Джерри Рубина. Прославился как человек, устроивший убежище для беглого Тимоти Лири (поселив его у Элдриска Кливера в Тунисе). Альберт также выиграл дело против агентов ФБР, обвинивших его в минировании банка в Манхэттене в 1978 г., и отсудил у правительства 20 тысяч долларов.

В конце концов, они не забыли своего прошлого. Джерри был одним из двоих членов Чикагской семерки, кто пришел на похороны вечного бузотера Эбби Хоффмана в 1989 году. Стю запустил свой сайт в 2005-м, выкладывая на него рекламу собственных мемуаров, ссылки на хипповые блоги и ругательные баннеры о Джордже Буше-младшем. Информации о том, был ли он на похоронах Эбби, нигде нет. Наверняка был...

Но, главное, сейчас, когда неподражаемая троица «в сборе», самое время вспомнить, что объединяло их, что толкало на безумства храбрых и что, в конце концов, они пытались нам сказать.

«DO IT!» в этом смысле – самый честный, подробный и идеологически выверенный источник познания. И не вина автора, что сегодня эта книга, скорее всего, будет воспринята как слепок древности, а не как библия Поколения Next.

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭЛДРИДЖА КЛИВЕРА¹

Я начал писать «предисловие» к книге Джерри Рубина, проебался с ним несколько дней, но никак не мог по-настоящему воткнуть в это дело. Выходило дерьмище вроде «Я познакомился с Джерри Рубином...». Потом случилась пара позитивных вещей, они-то меня и завели. Я вновь принялся ебаться с «предисловием» и вдруг понял, что было не так. Меня глодало осознание того, что я пишу «ПРЕДИСЛОВИЕ» к книге Джерри. На хуй. Это не «предисловие». Я просто рад шансу попачкать бумагу, постебаться в контексте моего отношения к Джерри. Итак, начнем.

Первая глава книги называется «Дитя Америки». Это один из неудачных трипов Джерри. Ему невыносимо быть ребенком Америки — вне зависимости от того, как это говорится. Джерри не индеец. Он — потомок захватчиков. Я против диктатуры над индейцами. Это их земля. Мне плевать, сколько их там осталось: пускай один последний индеец выжил, я за то, чтобы сделать его абсолютным монархом. Даже если он — идиот. Индейцы это заслужили. И мне не интересны никакие аргументы против. Все аргументы были в щепки разбиты героическим сопротивлением индейцев против европейских интервентов, когда людей вели такие лидеры, как Текумзе, Сидящий Бык и Джеронимо.

Но Джерри — дитя чего-то. Он называет это Америкой. А что там думают индейцы, в расчет не принимается. Ладно. Джерри — дитя Америки, не принимающее индейцев в расчет. Если подбирать вербальное отражение всей нашей лжи, то большая часть истории Америки тогда превратилась бы в слово из пяти букв: КРОВЬ. Значит, Джерри — дитя КРОВИ.

И каково дитя! Презирающее старших за то, что они слишком древние, чтобы поддерживать Фонтан Юности. Слишком древние на особый лад — в личных

¹ Элдридж Кливер (1935–1998) — одна из ключевых фигур в «Черных Пантерах». Был кандидатом в президенты от Партии мира и свободы в 1968 г. Бежал из США в Алжир в связи с обвинением в попытке убийства. Вернулся в 1975 г. Ушел из «Черных пантер». Баллотировался в Сенат в 1984 году. В конце 1980-х пристрастился к крэку. В 1994 г. прошел курс реабилитации. В дальнейшем вел популярное ток-шоу на радио в Майами.

оценках, в своей гордости и жадности. И чересчур древние в собственном уповании на мощь их мира. Джерри хочет поднять Возраст Возможного Доверия до 40 лет. Я хочу снизить его до 20.

Когда я выдвигался на пост президента от Партии мира и свободы, Джерри Рубина я планировал на пост зама. Я учинил небольшой самокритический анализ. Однажды я не мог заснуть, размышляя над тем, что бы я сделал для своей страны, если бы окопался в Белом Доме, и кого бы я назначил вице-президентом? Кто тот мужчина или женщина, кого бы я хотел попросить заменить меня, если я вдруг не смогу исполнять обязанности? Ответ ослепил меня, как вспышка молнии: Джерри. Если бы все делали то, к чему призывает Джерри в этой книге, — придерживались его программы, в мире бы немедленно воцарился мир. Америка, в частности, прекратила бы кровоточить.

Я не рассчитываю на то, что все пойдут предложенным Джерри путем, и это огорчает, поскольку в этом случае мы должны искать альтернативы. Но не страшно. Я привык думать в условиях альтернатив любым программам, указаниям, слухам и т.д. Что-то есть не то во всех программах. Каждую из них можно доработать. Я всегда старался поддерживать лучшую программу из представленных. После моей любимая — программа Джерри. То есть я поддерживаю программу Джерри, потому что у нас под рукой всегда должна быть какая-то альтернатива. Человечество не может себе позволить зациклиться на единственной программе, но оно все время функционирует на базе одной из них.

Программа — это набор сценариев, и каждая группа актеров придерживается того сценария, который ее объединяет.

Нас с Джерри Рубином объединяют трава, хорошая музыка, хладнокровие, глубокое презрение к свиньям и необходимость изменить мир, в котором мы живем. Нас объединяют ненависть к свиньям-судьям и капитализму, всеобъемлющее желание размазать по подошве то, что принято называть общественным строем в Соединенных Штатах Америки. Нас объединяет мечта построить нечто новое на руинах.

Хотя меня мало что объединяет с Санта-Клаусом, я не встревожился, когда Джерри явился (из американских кошмаров!) на слушание Комитета по расследованию антиамериканской деятельности в костюме Санты. Я был счастлив, что он довел свиней до истерики и сорвал заседание. Элайджа Мухаммед² говорит: «Дьявол хочет украдь у вас слух». Так вот, эти свиньи сами лишили себя слуха. Они полностью зависимы от шпионов, агентов, информаторов, запросов, напалма и арестов, так как лишены какой-либо информации.

Дегенераты, на которых мы с Джерри идем войной, культурно, интеллектуально, политически, экономически и эмоционально не способны вступить в бой. Им нужны дополнительные источники умственных способностей. Источников — море. Угнетенные, эксплуатируемые, подчиненные люди угнетаемы, эксплуатируются и подчинены на всех уровнях. Интеллектуально, Политически, Экономически, Эмоционально, Сексуально и Духовно мы угнетаемы, эксплуатируемся и подчинены. Некоторые из нас работают на свиней. Некоторые из нас — свиньи. Некоторые из нас убивают свиней. Все мы заебались. Угнетаемые заебались воздерживаться от борьбы, которая помогла бы покончить с их угнетением, а угнетатели заебались сопротивляться переменам. Джерри Рубин отчаянно сражается со свиньями и их миром крови.

Хьюи П. Ньютон³ сказал, что в скором времени в партии «Черные пантеры»⁴ будут числиться миллионы членов. Джерри сказал, что детсадовцы — это нарастающая волна йиппи. И, судя по тем учителям детских садов, которых я знаю лично, уверяю вас, Джерри совершенно прав. Так же, как прав Хьюи.

² Элайджа Мухаммед (1897–1975) — духовный лидер чернокожих мусульман, глава радикальной общественной организации «Нация Ислама» начиная с 1934 г.

³ Хьюи П. Ньютон (1942–1989) — соучредитель «Черных пантер». Был судим по обвинению в убийстве полицейского в 1967 г. Также обвинялся в убийстве 17-летней проститутки в 1974 г. По некоторым данным, был застрелен своим знакомым в результате ссоры из-за кокаиновой сделки.

⁴ «Черные пантеры» — радикальная военизированная организация, построенная на принципах черного национализма и самозащиты афроамериканцев от белых эксплуататоров. Лидеры «Черных пантер» регулярно обвинялись в экстремизме, а рядовые члены неоднократно участвовали в вооруженных столкновениях с полицией и даже совершали политические убийства.

Если Хьюи и Джерри не ошибаются относительно будущего, тогда проясняется, зачем ненасытным свиньям все эти слушания. Нетрудно понять, откуда исходит мусорская тяга прослушивать телефоны, красться за кем-то и ловить по-охотничьи. Достаточно вообразить паршивую свинью, подслушивающую разговор по внутреннему телефону. Во что он, блядь, играет? Кто он, на хуй, есть со своими большими ушами? Джерри помогает нам вдоволь похохотать над свиньями при помощи своих комических презентаций, потому что знает: стоит людям разок посмеяться над королем, поскалить зубы над правителями, воспринять их как нелепую шутку и подделку, как народ восстанет, прибьет свиней и сметет их власть. Высмеянная свинья = поджаренная свинина, это стиль йиппи. Я могу в это врубиться, но не очень представляю себе свиной шашлык. Я бы сказал, что моя любимая свинина — та, которую братья и сестры называют Свининой с Уиллоу-стрит, она же — Свинина с Корочкой по рецепту шеф-повара Ахмеда.

Какой праздник мы замутим, чтобы отметить триумф над свиньями? Это не будет еще одно 4 июля! По крайней мере, мне кажется, не самая лучшая идея — учредить Инаугурацию Свинтуса и объяснить ее хиппёнкам и хиппушкам в манере «Жили-были эксплуататоры и угнетатели, и звали их люди свиньями...».

Я, как и многие другие, чувствую себя изнасилованным той игрой, которую затеяли свиньи. Это предоставляет мне шанс предложить альтернативную интерпретацию истории съезда Демократической партии в Чикаго августа 1968-го.

Большинству не терпится сказать, что свиньи утратили самообладание или что они наконец показали свое истинное лицо. Не согласен. Уверен, то, что произошло в Чикаго, — прямой результат заговора, организованного республиканцами и теми, кто поддерживал назначение Никсона на пост президента, работая рука об руку с расистом правых взглядов Джоном Бёрчерсоном, контролировавшим полицию Чикаго точно так же, как они контролируют полицейские департаменты во многих важных городах по всей стране. Республиканцы знали, что им придется действовать решительно, иначе

риск победы демократов на выборах слишком велик. Никсон, однажды уже проигравший на заключительном этапе, имел не очень много шансов. Потому кто-то выдал алчную идею шокировать американцев до страха и даже истерики, одновременно сорвав съезд демократов и подкрепив их репутацию в умах населения как партии, ответственной за все насилие, что творится в Вавилоне. Ситуация была создана для того, чтобы на трон сели свиньи. Сработало. Есть опасность для здорового развития Американской революции в том факте, что революционерами очень часто манипулирует правящий класс, чтобы представить их куда большей угрозой, чем они на самом деле являются. Делается это элементами из правого крыла, нуждающимися в истерии, идеальной для их работы; в противном случае, им никогда не привлечь народ к своим отчаянным, безнадежным стратегиям. Развязав насилие в Чикаго, правые шокировали нацию, заставили ее паниковать и дали старт сантиментам вроде «вышвырнуть мерзавцев», которым глупый мудило Хуберт Хэмфри⁵ не смог противостоять. И во всем обвинили революционные силы. А Никсон безнаказанно занял кабинет.

Вечером 27 октября 1967 года, в детское время, в сердце черного Окленда, на Седьмой и Уиллоу-стрит заскакивали выстрелы. Смерть сжимала кольцо вокруг стреляющих мужчин. Тень отбрасывало пламя, рвущееся из стволов. Одна белая свинья рухнула замертво, хорошо прожаренная в собственном соку. Вторая легла рядом с первой, отделавшись ранением. То был редкий момент смерти угнетателя и триумфа угнетаемых. Прекрасная искра славы на улице Вавилона в полумраке озарила для Лила Бобби место, где он смог обрести вечный покой воина, и послужила примером того, как противостоять свиньям, для всех, кто продолжает сражаться.

«Тюрьма, где твоя победа?», — спросил министр обороны «Черных пантер» Хьюи П. Ньютон. Черные напрочь отвергают и сражаются против расистского угнетения дома и империалистической агрессии за рубежом. В тюрьме, на улицах, в судах, за границей ответ

⁵ Хуберт Хэмфри (1911–1978) — вице-президент США в период 1965–1969 гг., кандидат в президенты от Демократической партии в 1968 г.

один и тот же: «Долой Свиней!» Пробил час для детей Америки начать убивать и умирать за себя и перестать экспортировать революцию и смерть, которой мы должны умереть.

К концу декабря 1966-го, почти три года назад, мы с

⁶ Джек Вайнберг

(р. 1940) — человек, с которого, по сути, началось Движение за свободу слова. Во время студенческих манифестаций он сидел с транспарантом Конгресса за расовое равноправие. Патрульные потребовали предъявить удостоверение личности — Вайнберг отказался и был арестован.

Машину, в которую его посадили, окружили тысячи студентов, не давая полицейским проехать. Вайнберг и патрульные провели в плена друг у друга 32 часа. Инцидент ознаменовал старт студенческих волнений в США 1960-х, обозначив начало эпохи Детей Цветов.

⁷ Free Speech Movement — студенческое протестное движение на кампусе Университета Калифорнии в Беркли, боровшееся за свободу слова и другие гражданские права.

⁸ Vietnam Day Committee — основанная Джерри Рубином в 1965 г. в Беркли леворадикальная студенческая организация, устраивавшая протестные акции против войны во Вьетнаме.

⁹ Стоукли Кармайл (1941–1998) — борец за права афроамериканцев, занимал пост «почетного премьер-министра «Черных пантер».

Беверли Аксельрод посетили хибару Стю Альберта в Беркли. Дело было ближе к вечеру. Джерри и Нэнси, Стю, Джоан, Джек Вайнберг⁶ и, наверное, кто-то еще там был, кого не помню. Я вышел из тюрьмы пару недель назад, и Беверли представила меня своим друзьям. То были кексы, об активности которых в Движении за свободу слова⁷ и Комитете Вьетнамского дня⁸ я читал, сидя за решеткой. Я с нетерпением ждал дня, когда освобожусь, чтобы иметь возможность познакомиться с этими стилягами и, вероятно, поработать с ними. Это была наша первая встреча. Мы заправились дурью и принялись говорить о будущем. Никто не знал, какие пополнения в дальнейшем предпринять. Слово «йиппи» все еще было малоизвестным, а я еще не натолкнулся на партию «Черных пантер». Мы, конечно, сошлись во мнениях относительно того, как надо действовать, но всем было ясно, что еще много чего необходимо сделать, прежде чем наши мечты осуществлятся.

На тот момент белое и черное движения еще не сотрудничали. Стоукли Кармайл⁹ был лидером Студенческого координационного комитета ненасильственных действий¹⁰ и двигался прямиком к зениту славы. Сейчас, когда я пишу это, Стю Альберт и его чувиха Джамбо гостят в моей берлоге в Алжире. Джерри судят в Чикаго¹¹ вместе

Бобби Силом¹², а также Томом Хейденом¹³, Дэйвом Диллинджером¹⁴, Эбби Хоффманом, Ренни Дэвисом¹⁵, Ли Вайнером¹⁶ и Джоном Фройнсом¹⁷. Возвращаясь мыслями в ту хату Сти в Беркли, я вспоминаю огромный постер с У.К. Филдзом¹⁸ на потолке и плакат с Че на стене — Че с его взглядом вдаль, свирепым и бесстрашным, направленным в революционное будущее и к смерти, которую он удивил своим героическим радушием. В ту ночь никто из нас не знал, каким оно окажется, это будущее. Все, что нам было ведомо, — что мы будем стараться. И мы старались. И продолжим стараться. И добьемся успехов, которые нас самих изумят. В этой книге Джерри во вполне читабельном стиле расписал кое-какие из усилий, приложенных им. Делая это, он выложил большую часть того, что знает об Америке, то, что все мы должны знать.

Как-то ночью я телефонировал Джерри — из Алжира в Вавилон, и он отжигал в трубу почти так же, как отжигает в этой книге... и так же, как отжигает в жизни. Издав этот труд, дитя Америки предстает перед судом страны. Читая его, она будет ошеломлена, узнав, что, по сути, это Америка предстает перед судом своих отпрывков. И дети вынесли Америке вердикт. Они кричат, требуя ее смерти.

Понеслась!

Вся власть народу!
Элдридж Кливер

Алжир
4 ноября 1969

¹⁰ SNCC — правозащитная организация, учрежденная в 1960 г. и боровшаяся за права женщин и чернокожих.

¹¹ Речь идет о деле Большой семерки — судебном процессе над предполагаемыми организаторами беспорядков в Чикаго в 1968 г., когда хиппи попытались отвлечь внимание масс от проходившего в городе съезда Демократической партии на себя. Результатами явились противостояние тысячного контингента полиции и 10-тысячной толпы, жестокость правоохранителей и одно из самых громких политических дел в истории США. Джерри Рубина, Эбби Хоффмана и еще пятерых «знаменитостей» обвинили в заговоре и планировании бунта. В настоящее время Стивен Спилберг планирует снять фильм по мотивам этих событий.

¹² Бобби Сил (р. 1936) — соучредитель «Черных пантер». Обвинение в его адрес рассыпалось очень быстро, поэтому в историю этот громкий судебный процесс вошел как дело Чикагской семерки, а не восьмерки.

¹³ Том Хейден (р. 1939) — активист, политик, правозащитник, сенатор от штата Калифорния и бывший муж Джейн Фонды. Хорошо известен как борец за права животных.

¹⁴ Дэйв Диллинджер (1915–2004) — пацифист, член Социалистической партии США и один из наиболее влиятельных радикалов

XX столетия. Протестовать против военной машины начал еще в 1940 г., за что отсидел в общей сложности три года. Дружил с Элеанорой Рузвельт, Хо Ши Мином и Мартином Лютером Кингом. В 1960-е возглавлял Комитет мирного вьетнамского парада Пятой авеню и сотрудничал с рядом других антивоенных организаций.

¹⁵ Ренни Дэвис (р. 1941) — антивоенный активист, занимал пост программного директора экономических исследований и акций в союзе «Студенты за демократическое общество». Сын Джона Дэвиса, начальника штаба Консультативного экономического совета при президенте США (в администрации Гарри Трумэна).

¹⁶ Ли Вайнер — антивоенный активист. В 1970 г. был полностью оправдан по делу Чикагской семерки за недостатком улик, так же как Джон Фройнс. Всех остальных приговорили к штрафу в 5000 долларов и 5-летнему сроку заключения. После оглашения вердикта Эбби Хоффман предложил судье попробовать LSD, обещая свести его со знакомым дилером из Флориды. В 1972 г. Федеральный апелляционный суд отменил приговор, сняв все обвинения.

¹⁷ Джон Фройнс — кандидат химических наук, обвиненный в изготовлении зажигательного оружия и взрывных устройств для использования в акциях против полиции участников съезда Демократической партии в Чикаго 1968 г.

1: ДИТЯ АМЕРИКИ

Я — дитя Америки.

Если я когда-нибудь окажусь в камере смертника за мои революционные «преступления», в качестве последнего ужина я закажу гамбургер, картофель фри и «коку».

Меня прикалывают большие города.

Я люблю читать спортивные и светские колонки, слушать радио и смотреть цветное ТВ.

Меня прет от супермаркетов, громадных торговых центров и аэропортов. Я чувствую себя в безопасности (необязательно будучи голодным), когда вижу один из ресторанчиков Говарда Джонсона¹ у магистрали.

Я ташусь от голливудских фильмов, даже от плохих.

Я знаю только один язык — английский.

Я обожаю рок-н-ролл.

Я коллекционировал карточки с бейсбольными игроками, когда был ребенком, и мечтал играть на второй базе за Cincinnati Reds, команду моего штата.

У меня появилась машина, когда мне исполнилось шестнадцать, после срыва первого экзамена на вождение и недельного ожидания второй попытки в слезах.

Я пошел во что-то наподобие средней школы, для поступления в которую нужно сдать тест.

Закончил ее с очень низкими оценками.

Однокашники называли меня самым «занятым» старшеклассником.

У меня была короткая-короткая стрижка.

Я врубался в «Над пропастью во ржи».

Прыщей у меня не было.

Я стал молодым репортером-асом Cincinnati Post и Times-Star. Сан, главный редактор, говорил:

— Однажды ты станешь охренительным репортером, может, даже лучшим репортером, когда-либо работавшим в этом городе.

Мне нравился Адлай Стивенсон².

Мой отец водил грузовик с хлебом, а позднее стал секретарем в Союзе хлебобулочных шоферов. Он рубился от Джимми Хоффы³ (как и я сейчас). Умер от сердечной недостаточности в возрасте 52 лет.

У моей матери было высшее образование. Она играла на пианино. Умерла, когда ей было 51, от рака.

Я заботился о брате Джиле с тех пор, как мне исполнилось 13.

Я увернулся от призыва.

Пошел в Колледж Оберлина, где проучился год, закончил Университет Цинциннати, провел 1,5 года в Израиле и начал учиться в Калифорнийском Университете в Беркли.

Благополучно оттуда вылетел.

Я выпал из Белой Рассы и Американской Нации.

Я просекаю всю крутость свободы.

Я люблю курить траву.

У меня нет ни пиджака, ни галстука.

Я живу ради революции.

Я — йиппи!

Я — сирота Америки.

¹⁸ У.К. Филдз (1880–1946) — актер и фокусник, создатель наиболее ярких комедийных образов первой половины XX века.

¹ Howard Johnson's — основанная Говардом Джонсоном (1897–1972) в конце 1920-х сеть ресторанов быстрого питания. По состоянию на 1961 г. сеть была представлена 605 заведениями в 32 штатах.

² Адлай Стивенсон (1900–1965) — американский политик, губернатор штата Иллинойс в период 1948–1952 годов, кандидат в президенты от Демократической партии в 1952 и 1956 гг. (оба раза проиграл Дуайту Эйзенхаузру).

³ Джимми Хоффа (1913–1975) — икона американского пролетариата. Занимал пост президента Международного братства водителей грузовиков с 1957 по 1964 г., пока не был обвинен в подделке документов и присвоении профсоюзных денег. Получил 13 лет, вышел через 7 — помилован Ричардом Никсоном. В 1975 г. Хоффа бесследно исчез с парковки в пригороде Детройта, где у него была назначена встреча с двумя представителями итальянской мафии.

2: ЭЛВИС ПРЕСЛИ УБИЛ АЙКА ЭЙЗЕНХАУЭРА

Новые левые расправили плечи. Предсказанные отмучанные дети из приурковатого припева Элвиса.

*Давай, скажи своему брату,
Где можно переждать конец –
Вниз по Аллее Одиночек,
В Отеле Раскуроченных Сердец.*

На поверхности мир 1950-х был безмятежен, как Эйзенхауэр. История к обложке «Мне нравится Аик», авторитет и достаток.

За красивой витриной молчаливые люди матюгали цепи, сковавшие их души. Латентная драма подавления эмоций и недовольства.

Америка угодила в капкан собственных противоречий.

Папа глядел на свой дом, машину и красиво подстриженный газон возле них. Он был горд. Всю его жизнь определяло имущество.

Он пытался учить своих детей: твердил – не делать ничего, что могло бы отвлечь нас от пути к Успеху.

**работай не дурачься
учись не тунеядствуй
подчиняйся не задавай вопросов
вписывайся не выделяйся
мысли трезво не принимай наркотики
зарабатывай деньги не сей ветер**

Нас воспитывали в догмах самоотречения: нам талдычили, что ебаться плохо, потому что это аморально. Что залетевшая телка стоит на пути к Респектабельности и Успеху.

Нас предупреждали, что онанизм приводит к сумашествию и угрям.

Мы смущались. Мы не могли врубиться, зачем нужно вкалывать с утра до ночи ради покупки дома большей площади. Или более крупных машин. Или фили-

гранно подстриженных газонов.

Мы сходили с ума. Терпеть было уже невмоготу.

Элвис Пресли отымел Айка Эйзенхауэра, пронзив наши юные, неспокойные, скованные сердца своим голосом. Энергия тяжелого животного рока ставила нас на дыбы, заводной ритм давал волю подавленным страстиам.

Музыка, освобождавшая дух.

Музыка, сплотившая нас.

Бадди Холли¹, The Coasters², Бо Диддли³, Чак Берри⁴, The Everly Brothers⁵, Джерри Ли Льюис⁶, Фэтс Домино⁷, Литтл Ричард⁸, Рэй Чарльз⁹, Bill Haley and The Comets¹⁰, Фабиан¹¹, Бобби Дэррин¹², Фрэнки Эвалон¹³: все они подарили нам жизнь/бит и освободили.

Элвис велел нам *раскрепоститься!*

Культура богатеев, произведя авто и авторадио для каждого семейства среднего класса, подарило Элвису базу для вербовки.

Пока радио в машинах у передних сидений рокотало «Turn me loose»¹⁴ («Дай мне оттянуться»), дети на задних сидениях срывались с цепи. Не мало вечеров мы провели на темных и пустынных дорогах, изгаляясь под ритмы тяжелого рока.

Заднее сиденье породило сексуальную революцию, а радио в машине стало инструментом диверсионной деятельности.

Отчаянные родители использовали разрешение на вождение машины для демонстрации силы:

¹ Бадди Холли

(1936–1959) — пионер рок-н-ролла, оказавший существенное влияние на сам стиль и на многих ранних исполнителей, в том числе на The Beatles и The Rolling Stones. Погиб в авиакатастрофе.

² Группа чернокожих музыкантов, собравшаяся в 1955 г. и игравшая ритм-энд-блуз и рок-н-ролл.

³ Бо Диддли (р. 1938) — влиятельный американский рок-певец.

⁴ Чак Берри (р. 1926) — один из родоначальников рок-музыки.

⁵ Основанная в 1957 г. братьями Филом (р. 1939) и Доном (р. 1937) Эверли рок-группа, испытавшая на себе сильное влияние кантри.

⁶ Джерри Ли Льюис (р. 1935) — американский рок- и кантри-певец, включенный журналом Rolling Stone в топ 100 лучших исполнителей в истории.

⁷ Энтони Доминик «Фэтс» Домино (р. 1928) — классический ритм-энд-блуз- и рок-н-ролл-певец и пианист.

⁸ Преподобный Ричард Уэйн Пенниман (р. 1932) — певец и музыкант, в 1940-е исполнявший ритм-энд-блуз, а в 1950-е перешедший на рок-н-ролл.

⁹ Рэй Чарльз (1930–2004) — певец и пианист, король джаза, сформировавший звук ритм-энд-блюза.

¹⁰ Основанная Биллом Хейли рок-н-ролл-группа.

¹¹ Фабиано Энтони Форте (р. 1943) — кумир молодежи 1950-х и начала 1960-х, записавший 11 хитов, вошедших в Billboard Hot 100.

¹² Бобби Дэррин (1936–1973) — один из наиболее популярных исполнителей рок-н-ролла и биг-бенда 1950-х и начала 1960-х.

¹³ Фрэнки Эвалон (р. 1939) — американский актер и певец.

¹⁴ Хит Фабиана 1958 г.

— Если ты не будешь слушаться, ты не получишь машину на субботний вечер.

Это было беспощадным оружием, разившим наши половые железы и возможности совместного времяпрепровождения.

Заднее сиденье стало первым полем боя в войне поколений.

Рок-н-ролл обозначил начало революции.

3: БЛИЖНИЙ ЗАПАД

Че стоял перед нами в зрительном зале Министерства труда. Он оказался ниже, чем мы ожидали, — около 1,77 метра. На нем была униформа оливкового цвета. В кобуре красовался револьвер. Он крепко и весело обнял нас.

Мы — это 84 американских студента, нелегально посетившие Кубу в 1964 году. Нам пришлось преодолеть 22,5 тысячи километров, через Чехословакию, чтобы добраться до Кубы, находящейся в 140 километрах от побережья Флориды.

Те четыре часа, что Че выступал, мы фантазировали, как возьмемся за винтовки. Отрастим бороды. Уйдем партизанить в горы. Присоединимся к Че для разжигания революций по всей Латинской Америке. Никто из нас не горел желанием вернуться домой и вновь окунуться в политическое блядство Соединенных Штатов.

А потом Че вытряхнул из нас мечту о Сьерра-Мадре, сказав:

— Вы, американцы, везунчики. Вы живете на Ближнем Западе. Вы сражаетесь в самой важной битве, в эпицентре войны. Была бы моя воля, поехал бы с вами в Северную Америку и боролся бы там. Я вам завидую.

Ч: ДСС – ЗАТКНУТЬ ДОЛБОЕБА!

Все началось с указа из 14 слов, изданного деканом Университета Калифорнии в Беркли и запрещавшего политические лозунги, листовки и демонстрации на кампусе.

Мы были обескуражены. Судя во всему, проблема заключалась в неумении «общаться». Но с каким бы деканом мы ни беседовали, он отрезал:

— Я ничего не могу с этим поделать. Я за это не отвечаю. Но вам придется придерживаться правил.

А что же ректор университета Кларк Керр? Никто даже не представлял, как он выглядит.

Потом всплыла *подковерная история*: в предыдущем году, когда мы использовали кампус для проведения масштабных демонстраций за гражданские права — против авто- и гостиничной индустрий Сан-Франциско, мы затронули интересы расистов, которые одновременно контролировали университет! И вот они попытались защитить свой бизнес, атаковав нас дома — на кампусе. Они были членами правления университета. Они тусили по загородным клубам и скорее насрали бы студенту на голову, чем поговорили с ним.

Мы установили доски с призывами за гражданские права в центре кампуса.

Мы твердо вознамерились опрокинуть новые правила.

Полицейская машина подсосалась к площади. Когда копы повели одного из активистов к экипажу, кто-то крикнул:

— Садимся!

За несколько секунд машину окружили несколько сотен человек. За несколько минут наше число выросло до двух тысяч.

В «мусоровозе» сидел Джек Вайнберг, пленник свиней. Но, поскольку мы их окружили, теперь уже они были нашими пленниками.

Мы требовали отпустить Джека в обмен на их соб-

твенное освобождение. Копам пришлось бы ехать по телам, чтобы доставить нашего брата в тюрьму.

Мы залезали на крышу машины, чтобы вещать о происходящем. В последующие 10 часов на площадь кампуса стеклись 5000 человек, чтобы устроить самый масштабный в нашей жизни семинар.

Захватив транспорт, мы вдруг осознали, что представляем собой новое сообщество с его энергией и любовью, пришедшими на смену устаревшим институтам.

Нашей силой была готовность умереть всем вместе.

Мы создали спонтанное правительство. Кто-то собирал коммуны для приготовления сэндвичей — для тех, кто окружал авто. Мы известили СМИ и связались со студентами по всей стране, создав делегацию для ведения переговоров на случай, если окажемся в осаде.

32 часа спустя до нас донесся угремый рев приближающихся ментовских мотоциклов из Окленда. Я сделал глубокий вдох.

— Ну что ж, это такое же хорошее место для того, чтоб умереть, как и любое другое.

Но тогда, когда мы уже были готовы испробовать на себе тяжелую дубину Большого Босса, университет внезапно снял обвинения с арестованного и согласился «сотрудничать».

Впервые за всю историю США деканы впечатались мордами в стену.

Они не очень поняли, что произошло.

Через два месяца мы просекли их бюрократический трюк: ебучие деканы использовали «переговоры» как уловку, чтобы нас вымотать. Болтай, болтай, болтай, пока правила в отношении запретов на политическую активность не станут еще строже.

Мы охуевали.

И вот, одним прекрасным полднем, под пение Джоан Баэз¹ и ораторство Марио Савио² тысяча человек вошла в здание администрации, чтобы заткнуть долбоеба.

¹ Джоан Баэз (р. 1941) — фолк-певица и активистка, культовая в 1960-е фигура.

² Марио Савио (1942–1996) — политический активист, один из основателей Движения за свободу слова.

В 16.00 губернатор, либерал-демократ, приказал оклендским копам очистить здание: 800 арестованных, крупнейший массовый забор в американской истории.

Вид копов на кампусе бросил всех протестующих, включая профессоров, в лапы экстремистов.

Студенты отреагировали забастовкой, которая парализовала университет. Мы попростили его авторитет.

Единственным авторитетом на кампусе осталось Движение за свободу слова (ДСС). Члены правления и деканы больше не имели над нами власти. Студенты могли делать все, что заблагорассудится.

Студенты стали величайшей политической силой штата с университетом в качестве партизанской крепости.

Власть на кампусе была у нас в руках, потому что мы были в большинстве. Но за пределами кампюса политики, суды и копы вовсю точили ножи по наши яйца.

Так белые дети из среднего класса начали войну против Америки в школах и на улицах.

5: СТАНОВЛЕНИЕ НЕСТУДЕНТА

Движение за свободу слова приглашало молодых в Беркли. И вот, тысячи стекались из Нью-Йорка и со Среднего Запада, чтобы жить у нас на улицах.

Жизнь могла быть и похуже. Погода стояла теплая, сезоны менялись медленно и несущественно, потому тратиться на зимнюю одежду было не нужно. К тому же всегда имелся вариант прокормиться, продавая траву. Или перехватить бутерброд на выходных и отложить деньги на остаток недели. К тому же всегда можно было стрельнуть денег у виноватых профессоров. Кое-кто зачинал какое-нибудь кустарное производство — продавали бижутерию, свечи и другие вещи собственного изготовления — прямо на авеню.

Словом, голодающих на улицах Беркли не было.

Из крупнейшего университета в мире вырвалась цепкая культура. Телеграф-авеню была длиной в пять зданий — книжные магазины, летние кафе, лавки с постерами и кинотеатры, крутившие андеграундные фильмы.

Прикиньте прилежного студента, приехавшего из пригорода Лос-Анджелеса учиться в Беркли. Шлепая с лекций в свою общагу или квартиру после тяжелого дня, он проходит по Телеграф-авеню, словно пробираясь по пантеону революции.

Он минует магазин пластинок и невольно внимает паре строчек из песни Дилана.

И такое же дитя пригородов, как он сам, разве что босоногое, как Иисус, подруливает к нему с вопросом: «Мелочишки не найдется?»

Постепенно в сознание правильного студента прорывается мысль: «Вот он я, обремененный задачами, ответственностью и чувством вины человек, и все это мне навязали. А вот эти хиппи на улицах — они могут делать, что захотят. Могут дуть целый день. Могут загорать дни напролет, тогда как я вынужден просиживать штаны в душных аудиториях, слушая нудных профессоров и сдавая экзамены, превращающие меня в нервную развалину».

Университет – это место, где можно добиться всего, крысные бега под высоким давлением. Конкуренция вокруг званий, степеней, книг, рекомендаций, поступления в аспирантуру и получения хорошей работы.

Академический мир построен на иерархии, и каждый лижет задницу того, кто сидит выше.

Но все студенты видели живой пример тысяч молодых людей, которые положили болт на правильный мир и освободились. То были настоящие студенты в классическом понимании образования как самосовершенствования. И поскольку многие хиппи в прошлом сами были студентами, их переполнял энтузиазм относительно исполнения миссии исправившегося грешника.

Студенты принялись околачиваться под нестуденческими транспарантами, забывая посещать лекции.

Их интерес к учебе угасал по мере роста волос.

Чем дольше они курили дурь, тем более абсурдными казались им экзамены и научные статьи.

Пошла волна массовых вылетов из университета.

Самым диким преподавателем в Беркли был Стю Альберт. Он сидел под транспарантом Комитета вьетнамского дня и привлекал огромные толпы народа как первый увиденный революционер с разевающимися светлыми кудрями и голубыми глазами, выдававшими нечистую силу. Но, чем больше на него смотрели, тем больше Стю всех цеплял своими свирепыми полемиками насчет дури, Вьетнама, Бога, университета,екса и коммунизма. Это неминуемо бесило профессоров. Им приходилось *принуждать* студентов посещать их лекции методом кнута и пряника.

Но Стю перебежал им дорожку, держа всеобщее внимание одним тем, что изъяснялся в свободной манере.

Он учил на свежем воздухе, вместо того чтобы загонять студентов в пыльные аудитории. Но он *не имел права* преподавать. Он не получил необходимую бумагу, как это сделали все остальные. Он был аутсайдером.

Университет преобразовался в крепость, наводненную нашими длинноволосыми, планокурящими, босоногими фриками со своей культурой, использовавшими территорию университета как игровую площадку. Это угрожало целостности университета и взбесило политиков штата.

Политики объявили нас *предателями*, тратящими деньги налогоплательщиков на спонсорство нашей измени.

Консервативные силы штата давили на университет приказами вычистить *понаехавшую мразь*.

Университет с готовностью согласился, обнаружив, что паразиты подтачивают фундамент заведения как изнутри, так и снаружи.

Начальники учинили операцию «Усмирение», отделяя «людей» от мятежников. Точно так же американцы во Вьетнаме вышвырывают крестьян из их домов и запирают в специально созданных стратегических поселениях, окруженных колючей проволокой, «чтобы Вьетконг держался подальше».

Администрация университета решила сделать из университета одно большое поселение такого рода, выдумав категорию «нестудент». Воткнув приставку «не» перед теми, кто отвисал на Телеграф-авеню, они исключили нас из человеческой расы. То же самое сделала Германия, введя термин «неариец». Отныне все плохое, что творилось в Беркли, можно было свалить на «нестудентов».

Мы, разумеется, рубились от нового прозвища. Оно выразило все то, что мы так долго хотели донести. Мы плюнули на статус, карьеру и все прочие символы американского общества.

Мы гордились этим символом отрицания в нашей идентификации.

Чтобы избавиться от свободных духом людей вроде Сти, как от Сократа, администрация университета издала указ, запрещающий нестудентам присутствовать на кампусе, если только их не привели с собой студенты.

Университет вывел за грань закона распространение листовок нестудентами на кампусе и заявил, что любая организация, в которой числятся нестуденты, не имеет права использовать университетские помещения.

Законодательный орган штата Калифорния одобрил так называемый Акт Малфорда: нестудент, не покидающий кампус после соответствующего указания официального представителя университета, может быть арестован за незаконное проникновение.

Дабы провернуть все эти штучки, университет призвал целого копа на полный рабочий день, в течение которого он должен был разгуливать по кампусу в поисках нестудентов, шпиона за политически активными студентами, выслеживая нарушения правил, составляя досье и работая в тесной связке с Красными бригадами¹, ФБР и ЦРУ.

¹ Красные бригады были впервые сформированы еще в 1886 г. после первомайского бунта в чикагском районе Хеймаркет и преследовали целью борьбу с такими нежелательными элементами, как анархисты, коммунисты и профсоюзные деятели. Согласно соответствующему постановлению Конгресса, Красные бригады прекратили свое существование в 1978 г.

Стю вычислил его и проорал:

— Салют, Джеймс Бонд!

Прозвище прижилось.

Целью было кастрировать студентов.

Если студент был политически активен, его выкидывали пинком под зад, превращая в нестудента. Марио Савио, архетипический студенческий лидер, стал нестудентом.

Студент определялся как некто со студаком в кармане, а вовсе не как

кто-то, увлеченный учебой.

Работала тоталитарная формула «дважды подумай, прежде чем что-то сказать».

А вот президенту универа, Кларку Керру, нужно было симпатизировать. Он так гордился своими статистическими данными и графиками. Миллионами, которые он выклянчивал у федерального правительства и крупных бизнесменов. Количеством лауреатов Нобелевской премии от его университета. Объемами смет на здания, которые предполагалось построить. Изобретенным оружием. Новыми кафедрами. Футбольны-

ми командами. Но, куда бы Керр ни прибыл в стране, никто и не думал спрашивать его о лауреатах Нобеля или программах развития.

— Что там с теми студенческими демонстрациями на кампусе? — осведомлялись у него вновь и вновь.

Бедный Керр. Мы стащили у него университет прямо из-под носа.

Я шел в «Медвежью Берлогу» проглотить гамбургер, когда увидел сидячую забастовку.

Никогда не могу отказаться от сидячей забастовки.

Стоит мне заметить сидящих людей, как на меня накатывает чудовищная усталость.

Вне зависимости от повода, будь то Байафра, снижение оплаты труда копов, голубое небо или завышенные налоги, — если вы сидите и бастуете, я буду там.

Просидев час, я спросил чувака рядом со мной:

— Эй, а из-за чего сидим?

То был протест против нескольких нестудентов, установивших столик у входа в «Медвежью Берлогу» и раздававших литературу, — акция, абсолютно незаконная, согласно новым правилам.

Студенты полагали, что нечестно было этим нестудентам раздавать брошюрки.

Будучи нестудентом, я праведно согласился.

Я взял что-то с их столика:

ЗАПИШИСЬ НА ФЛОТ – УВИДИШЬ МИР

Некоторые нестуденты, как выяснилось, могут быть значительно меньше «не», чем другие, особенно если речь идет о военных вербовщиках.

Всю забастовку я просидел, не проронив ни слова, в любой момент готовясь сходить за гамбургером.

Наконец явились копы и оцепили тысячу бастующих. Исполнительный заместитель ректора Эрл Ф. Чейт, едва вернувшийся с шестинедельных курсов повышения квалификации в Советском Союзе, обвинил в организации забастовки шестерых нестудентов. Копы получили ордер на арест Марио Савио, Стю Аль-

берта, Стива Гамильтона, Майка Смита, Билла Миллера и меня. Присутствие Карен Вальд, еще одной нестудентки, сидевшей непосредственно в середине группы, было проигнорировано. Она в ярости закричала:

— Вы, ебаные шовинисты, арестуйте и меня!

Нас шестерых отвели в сторону и предъявили обвинение в незаконном вторжении и нарушении общественного порядка.

Но вид копов на кампусе вновь взбесил сдержанных студентов, и на следующий же день 8000 человек заполонили площадь, откликнувшись на призыв Марио Савио к забастовке.

Я врубился, что случилось. Попытка администрации представить нас мятежниками, а студентов — жертвами лохотрона увенчалась тем, что миф о нестудентах разросся до невероятных масштабов. Это оскорбило студентов и усилило их желание вылететь из университета.

Когда становишься нестудентом, секс идет лучше и доставляет большие удовольствия, ты куришь большие травы, ты здоровее, счастливее и вырасташь на 30 см.

² Джек Руби (Яков Рубинштейн, 1911–1967) — бизнес-аналитик и владелец ночного клуба, в 1963 г. застреливший Ли Харви Ос瓦льда, которого двумя днями ранее обвинили в убийстве Джона Кеннеди.

Мелвин Белли, только что защитивший Джека Руби², изъявил желание взяться за наше дело без оплаты. Я захотел с ним встретиться.

Мы поехали к нему в офис в Сан-Франциско. Белли сказал, что считает войну во Вьетнаме правым делом.

Несмотря на это, он был порядочным либералом. Говорил, что свобода, за которую страна билась во Вьетнаме, была утрачена на кампусе, когда нас арестовали. Утверждал, что университет должен разрешить любую политическую активность как для студентов, так и для нестудентов.

Белли надевал ковбойские сапоги и новый костюм каждый день слушаний в суде. Его лицо было оранжевым от макияжа, который он накладывал специально для телекамер.

Его харизма доминировала над залом заседаний. В какой-то момент, посреди напряженного действия, он театрально вытащил носовой платок и добрых се-

кунд 40 прочищал назальные впадины, пока присяжные, битком набитый зал, обвинитель и судья изнемогали от неопределенности. Мы слушали его в гробовой тишине.

ХРЮ! ХРЮ!

Наконец, Белли закончил и сказал:

— Извините, судья.

Затем копы подтвердили, что я не играл роль лидера в организации забастовки.

Джеймс Бонд отрапортовал:

— Не скажу, что Джерри Рубин говорил весь день, но он много улыбался.

Белли вызвал его свидетелем и спросил:

— Вы хотите сказать, что эти люди нарушили нормальный распорядок дня университета?

— Да, это так.

— Мешал ли Джерри Рубин учебному процессу тем, что улыбался?

Финальное обращение Белли к присяжным вогнало нас в краску.

— Я могу защитить капитализм лучше, чем любой другой человек из собравшихся здесь, — начал он.

Белли апеллировал к жюри, отстаивая ценности американской демократии.

— Перед вами хорошие юноши, и, если вы отправите их в тюрьму, вы лишь докажете, что они правы, когда говорят, что наше правительство — это зло.

Мы случайно узнали, что в жюри был чувак, недавно попросивший политического убежища как беженец из Венгрии. Он вел много записей на протяжении всего процесса и стал в итоге разом председателем жюри и нашим палачом.

После десяти часов обсуждений вердикт был готов. Нас всех признали виновными в нарушении общественного порядка.

Марко получил 90 дней.

Стю — 60.

А я отделался всего 45 сутками.

ЗА ТО, ЧТО УЛЫБАЛСЯ!

Б: ПОЕЗДА С ВОЙСКАМИ ЕДУТ, ТРА-ЛЯ-ЛЯ, ТРА-ЛЯ-ЛЯ!

«Поезд с войсками едет! Поезд с солдатами! Ту-туу!»

Я услышал, как профессоры Стив Смайл и Мо Хирш, задыхаясь и пыхтя, пробираются по штабу Комитета вьетнамского дня (КВД). Они возбужденно показали мне строчку на одной из последних страниц газеты: «Городской совет одобрил просьбу Санта-Фе провести поезда с войсками к Оклендскому военному терминалу через Беркли».

Военные поезда с пушечным мясом для Вьетнама проезжают через наш город! Это было уже слишком! А железнодорожные станции были всего в пяти домах от здания КВД.

Два борца за мир прыгнули в машину и проехали 320 километров на север с разведывательной миссией. Им надлежало позвонить нам сразу же, как увидят поезд. Тогда КВД должен был вступить в бой.

У нас была телефонная пирамида. Каждый звонил 10 людям, каждый из которых, в свою очередь, тоже обзванивал 10. Таким образом, в течение часа можно было мобилизовать 1000 человек.

Мы печатали листовки с призывами *«Останови поезд!»* и писали тексты на транспарантах.

Наши люди на кампусе были приведены в боевую готовность.

День первый. Никаких вестей с севера.

Еще сутки. Звонка нет.

А потом:

— Я видел! Поезд, полный солдат, приближается к Беркли!

Вспыхнули красные огни тревоги КВД. В бой были брошены все силы. Через два часа 300 человек уже ждали поезда, перетянув через пути огромный баннер с надписью: **ОСТАНОВИТЕ ВОЕННУЮ МАШИНУ.**

Ни единого копа в пределах видимости. Мы рассчитывали, что, когда машинисты увидят такую толпу на путях, они резко дадут по тормозам. Что еще им оставалось? Мы рассчитывали остановить военную машину.

Пути завибрировали. И вот показался он, охуитель-

но здоровый поезд, несущийся прямо на нас. Все ближе и ближе. Мы не сдавали позиций. Поезд между тем даже не замедлил ход.

— Он не остановится!

— Берегись!

Мы попрыгали в стороны, а поезд проревел мимо, в клочья разрывая наш баннер.

Следующим днем еще звонок: второй поезд на пути к нам. Мы уведомили прессу.

На этот раз сотни людей сидели на рельсах. Три десятка копов образовали живой клин, чтобы оттеснить нас подальше. Мы бросались на другое место и снова усаживались.

Понятно, что поезд скорее остановится, чем подавит человеческих детенышей. Но состав с солдатами гнал на полной при поддержке полицейского клина.

Мы стояли у рельсов, вопя на проносящийся мимо нас поезд. Из окна высунулся солдат, показавший знак «V».

— Вы это видели?

Другие солдаты тоже показывали «V», столпившись у окон:

— СЧАСТЛИВЧИКИ ГРАЖДАНСКИЕ.

— Я НЕ ХОЧУ ТУДА, НЕ СДАВАЙТЕСЬ!

Постепенно мы увлеклись не на шутку. Железнодорожная компания Санта-Фе и американское правительство были готовы скорее прикончить нас, чем остановить свои чертовы поезда. Мы начали врубаться в понятие «Военная Машина».

Но если вдуматься, что означали знаки солдат! Наша уверенность крепла. Мы должны были остановить ебучий поезд!

Что делать?

Кто-то предлагал динамит. Один парень выдвинул идею поставить на путях машину, чтобы поезд ее протаранил.

Мы решили привести побольше людей на пути. Нам предстояло остановить состав, создав зрелищную конфронтацию между Военной и Человеческой жизнями.

STOP the TROOP TRAIN!

Мы наводнили Беркли тысячами листовок со словами: «ОСТАНОВИ ПОЕЗД!»

Пресса любила распространяться о великолепной разведке КВД. Мы знали, когда прибывает поезд, еще до того, как это становилось известным полиции, и извещали СМИ. Откуда мы узнавали?

Мы молча моргали, оставляя репортеров в замешательстве, пока наши командос несли круглосуточную вахту в ожидании нового поезда.

Звонок раздался в три ночи. Стало быть, они гнали поезд спозаранку, чтобы нас наколоть. Но мы были готовы.

В шесть утра 1000 человек уже стояли на путях, трясь друг о друга и потягивая кофе, чтобы не закоченеть. Около 50 копов из Беркли и дюжины омоновцев образовали клинья, чтобы держать нас под контролем. Мы оказались в полицейском капкане.

Идея: резко прощемиться навстречу поезду, чтобы его не пропустить.

По условному сигналу все побежали.

Телеоператоры с их громоздким оборудованием были застигнуты врасплох, но потрусили вслед за нами.

Толпа растянулась километра на полтора. Демонстранты, копы и телевизионщики неслись прямиком на состав, который скорее убил бы нас, чем остановился.

Угроза появления жертв мгновенно возросла.

Машинист выдувал шестиметровые клубы пара перед поездом, чтобы расчистить пути. Это означало, что видеть кого-либо на рельсах он не мог.

Пар ослепил людей, наблюдавших за приближающимся локомотивом.

Омоновцы заполонили пути, чтобы выбить с них народ.

Человек лежал на рельсах лицом вниз.

Над ним на коленях стояли люди, умоляя убраться.
Он не отвечал.

Кто-то попытался его сдвинуть.

Бесполезно.

Спасатель позвал подмогу, и уже двое пытались сдвинуть парня с рельсов.

Поезд громыхал все ближе и ближе.

Наконец уже четверо потянули лежащего.

В ту секунду, когда его перетащили, состав проревел мимо.

Между копами и демонстрантами развязалась драка по всей протяженности занятого отрезка.

Один из партизан КВД заскочил на заднюю подножку поезда и нажал пневматический тормоз. Три десятка других воспользовались этим, чтобы запрыгнуть на борт, и еще несколько человек вскарабкались на крышу. Троє пролезли в последний вагон и были выдворены военной полицией.

Стоило демонстрантам взять поезд на абордаж, как он начал сбавлять ход.

Потом уже полз.

Когда копы попытались нас выписать, мы снова выстроились в ряд на путях.

Поезд остановился!!!

Копы пытались арестовать тех, кто на него запрыгнул. Когда они дернулись, чтобы заграбастать побольше народу, мы рванули врассыпную — поймали в итоге только троих-четверых.

Мы бежали, визжа и улюлюкая, по улицам, прочь от железной дороги, как ватага чокнутых ебланов.

Мы были воинами-победителями.

Мы познали экстаз.

Мы остановили поезд с войсками.

Мы вколотили первый гвоздь в гроб Военной Машины.

7: С РЕВОЛЮЦИЕЙ ВЕСЕЛЕЙ

Для начала было решено следить, чтобы в холодильнике всегда имелось пиво.

Всякий, кто чувствовал себя одиноким, мог просто зарулить в штаб КВД и с кем-нибудь пообщаться.

Каждый, кто припас план спасения мира, находил кому его изложить.

Любой шизоид с улицы мог прийти, накидать листовку, напечатать ее и пустить в народ с грифом «Комитет вьетнамского дня».

Скитальцы, проезжавшие Беркли транзитом, оказывались в КВД и оставались насовсем.

Студенты заходили на огонек и в университеты уже не возвращались.

Дети убегали из дома и прятались в штабе КВД.

Телефоны трезвонили безостановочно, иногда все пять одновременно. Отвечать на звонки само по себе было трипом.

Вопросы задавались самые различные – от того, как испечь пирог, до того, как избавиться от венерической заразы. Все звонили именно в КВД. Мы умудрились спустить \$2000 за месяц благодаря звонкам во все концы света для мобилизации людей против войны во Вьетнаме.

Рождение КВД было обусловлено крупнейшим образовательным сборищем на планете, 36-часовым хеппенингом с участием 50 000 человек. Этот опыт помог нам поверить в возможность избежать Апокалипсиса.

Историю можно изменить за один день. За один час. За секунду. Но нужным поступком и в нужном месте.

Нашей тактикой были преувеличения. Все было «величайшим» и «наибольшим».

Целью мы избрали создание перелома, который привлек бы всеобщее внимание и заставил людей изменить их жизни за один вечер.

Разведгруппы КВД обследовали холмы славящегося газонами Тиленского парка Беркли и обнаружили конуры, в которых армия выращивала собак-убийц.

Активисты КВД установили таблички:

ВНИМАНИЕ: ВОЕННЫЕ СОБАКИ.
ДЕРЖИТЕ ДЕТЕЙ И ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ
В ПРЕДЕЛАХ ВИДИМОСТИ.
ЕСЛИ СОБАКА ПРИБЛИЗИТСЯ,
НЕ ДВИГАЙТЕСЬ.

Армия США (подпись)

Увидев таблички, мамы с детишками бросали корзины для пикника и сматывались в полуобмочном состоянии.

Армия категорически опровергла свою причастность к табличкам, уверив общественность в том, что псы надежно заперты и находятся под бдительным наблюдением. Однако три недели спустя собаки и конуры испарились. Победа!

Мы выпускали еженедельную газету, организовывали походы по домам в черных гетто Окленда с обсуждениями Вьетнама, рассыпали повсюду ораторов, снабжали солдат листовками в аэропортах с призываами дезертировать, обучали призывников, как косить, писали петиции, организовывали исследования, а также крупные и малочисленные демонстрации. Ни один чиновник не ухитрился бы причапать в район Залива Сан-Франциско и избежать атаки психических террористов из КВД.

В пять наших комнат всегда набивались сотни человек. Комитетские встречи проходили повсюду. Рехнутые активисты в подсобке пылко требовали разработки суперсекретных проектов. В одном из кабинетов, например, чудики планировали арендовать самолеты и пролететь в день матча над стадионом Лос-Анджелеса, бомбя толпу антивоенными листовками. В другой комнате еще более сумасшедшие товарищи обмозговывали штурм Оклендского военного терминала.

КВД был эмоциональной теплицей, перманентно дарившей оргазм. Медитации здесь не практиковались.

КВД стал легендой во всем мире.

Кто был не с нами, тот был против нас.

Мы знали, что недалек тот день, когда в Америке начнутся Нюрнбергские процессы, на которых мы будем судьями.

Мы отличались пиздец какой несносностью и кайфовали от каждого мига такой жизни.

В: «ДВИЖЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ РИСКУЕТ ПОТЕРЯМИ, НИ ХРЕНА НЕ СТОИТ»

«ТЫСЯЧИ СТУДЕНТОВ ЗАБЛОКИРУЮТ ВОРОТА ОКЛЕНДСКОГО ВОЕННОГО ТЕРМИНАЛА И ЗАКРОЮТ ЕГО!»

Политики подхватили нашу угрозу. Они объявили чрезвычайное положение и привели Национальную гвардию в полную боевую готовность. Они организовали демонстрацию за нас! Благодаря их усилиям в Беркли съехались все, кто только смог.

Стив Смэйл, соучредитель КВД, отправился на ТВ, чтобы опровергнуть наши планы. Сколько несчастий Смэйл принес университету! Один из величайших математиков на свете и самый титулованный профессор универа водил дружбу и трудился с психами-нестудентами!

Смэйл заявил, что КВД нападет на терминал с воздуха (кидая листовки с самолета), с моря (тысячами гребцов на шлюпках) и с земли (в виде 10-тысячного марша от кампуса в Беркли к терминалу в Окленде).

Губернатор ответил, что полицейские собаки, слезоточивый газ и 3600 военных будут готовы отогнать наступающих.

Между тем по всей стране для акции мобилизовались антивоенные группы — все готовились к первым Международным дням протesta против войны во Вьетнаме. Демонстрации в один и тот же день по всей стране! От Нью-Йорка до Беркли все ожидали сеанса одновременного оргазма.

Собирались ли фашисты стрелять с плоских крыш в мирных пикетчиков из Беркли?

Такое подозрение охватило всю Телеграф-авеню.

Событиям в Уоттсе¹ исполнилось всего два месяца.

ПОНЕСЛАСЬ!

Диспут был скучотищей. Слишком много громких слов и чересчур мало народа. Присутствовали всего 4000 человек. Наши сердца щемило.

¹ Бунт в Уоттсе — массовые беспорядки афроамериканцев в черном районе Лос-Анджелеса в августе 1965 г., продолжавшиеся 5 дней и принесшие городу ущерб в 40 миллионов долларов.

Но внезапно, к 8 вечера, кампус уже был заполнен. В него отовсюду стекались тысячи молодых людей. Самая многочисленная демонстрация за историю Беркли!

Более 20 000 человек!

Угрозы копов нас не запугали!

Нам предстояло закончить войну!

Речи все еще звучали, когда толпа начала сочиться на улицу, знаменуя старт марша.

Впереди были граница Окленда и оклендские копы, плечом к плечу преградившие нам путь, со слезоточивым газом, дубинками и собаками.

Поскольку марш разложился на три блока, последняя партия народа еще даже не покинула Беркли. Длинная, жирная линия из людей протянулась от кампуса до Окленда!

Мы были храбрейшими и счастливейшими воинами на свете. Мы шли и пели, сцепив руки.

Просачивались слухи:

— У них слезоточивый газ! Они нас загазуют!

Ни с кем из нас такого прежде не случалось.

В оргкомитете разгорались дебаты: что делать? Повернуть налево, в Окленд? Устроить сидячую забастовку? Повернуть обратно в Беркли?

Народ позади кричал:

— *Сворачивайте налево! Сворачивайте налево! К Окленду! К Окленду!*

— Нам нельзя обратно в Беркли, — сказал я, — это величайшая ночь в американской истории!

— Если мы не вернемся, будут жертвы, и это уничтожит движение навсегда! — ответствовал член оргкомитета.

— Движение уничтожит само себя, если примет решение вернуться! — проорал Смэйл.

— Я не хочу отвечать за чью-либо смерть. Нас арестуют. Движением нельзя управлять из тюрьмы, — сказал другой член.

Ропот за нашими спинами нарастал:

— *Налево! Налево!*

— Нас ведут обученные боевики. Им плевать, что будет с людьми, которые идут за ними.

— Давайте предоставим выбор толпе, — сказал боевик, — девять человек не могут решать за двадцать тысяч. Надо остановить марш, взять матюгальник и устроить дебаты о том, что дальше делать.

— Это демагогия. О какой демократии на улицах может идти речь, если двадцать тысяч человек рискуют попробовать на вкус слезоточивый газ в любую минуту? Кто громче кричит, тот своего добьется, — ответил консервативный представитель.

Ропот становился все более настырным:

— НАЛЕВО! НАЛЕВО! НАЛЕВО!

— Могут быть жертвы, я не хочу отвечать.

— Движение, которое не рискует потерями, ни хрена не стоит. Мы не можем свернуть только потому, что боимся чьей-то смерти.

Голоса разделились: 5:4 в пользу возвращения в Беркли.

Флаг повернулся направо.

Я упал на асфальт, слезы катились по моим щекам.

Замешательство и шок пронеслись по толпе.

— Что случилось? Это не дорога в Окленд! Почему мы возвращаемся в Беркли?

Веселье и экстаз, витавшие в воздухе на протяжении всего шествия, моментально улетучились.

Поход обернулся похоронным маршем.

Тоскливым и молчаливым.

На хуй «лидеров». На хуй «оргкомитеты».

Движение, которое не рискует потерями, ни хрена не стоит.

На следующий день 8000 человек собрались для второй попытки, на сей раз в полдень. Когда мы приблизились к линии оклендских копов, кто-то прошептал:

— С ними «Ангелы Ада».²

² «Ангелы Ада» — одна из первых и наиболее опасная и агрессивная группировка байкеров в США. Существует по сей день, имея филиалы во многих странах Европы. На заре психоделии байкеры посещали вечеринки Кена Кизи и его «Веселых проказников» и даже подрабатывали охраной на концертах Grateful Dead, но вследствии откололись от движения по политическим соображениям и неоднократно атаковали демонстрации и выступления, избивая хиппи.

³ Аллен Гинзберг (1926–1997) — поэт-битник, один из идеологов бит-культуры, автор культовой поэмы «Вопль».

Аллен Гинзберг³, бивший в цимбалы и певший «Харе Кришна» на крыше грузовика, возглавлявшего марш, был обеспокоен.

— Надеюсь, беды не будет, — сказал он. — Наверное, они пришли, чтобы подраться с полицией.

— Америка — номер один! Америка — для американцев! Валите обратно в Россию, вы, ебаные коммунисты!

«Ангел» в черном жилете схватил наш флаг и порвал его пополам.

Между «Ангелами» и нашими воеводами началась свальная драка. Паника. Воеводы кричали толпе:

— Не бежать. Садитесь.

Вперед, размахивая дубинками, двинулись копы из Беркли. Один из них со всей дури заехал по голове 150-килограммовому двухметровому «Ангелу». Брызнула кровь.

Другой байкер прыгнул на копа и сломал ему ногу.

Но «Ангелы» были в меньшинстве и очень быстро сдались в плен. Их погрузили в воронки, и мирные демонстранты зааплодировали копу на носилках.

Мы торжественно поклялись повторить марш на терминал в течение следующих трех недель. Но оставался всеобъемлющий вопрос: что если «Ангелы» снова атакуют?

Одним вечером марксисты забурились на митинг КВД и принесли резолюцию в пользу вооружения и самозащиты посредством дубинок и специальной охраны.

На следующий день пришли пацифисты с резолюцией, гласившей: «Если нападут, будем кровоточить».

Гинзберг пришел на встречу с собственными идеями:

— Мы должны заранее объявить, что в марше будут участвовать такие беспомощные группы, как Женщины за мир, бабульки, голые барышни, матери, семьи и дети. А если «Ангелы» атакуют, все участники марша начнут делать гимнастические упражнения. Мы должны будем немедленно хором затянуть «Трех слепых мышек» или «У Мэри была овечка». При первой же угрозе неприятностей мы должны запеть по матюгальнику «Я хочу взять тебя за руку» «Битлов». Каждый участник марша должен принести с собой цветы и раздавать их «Ангелам», полицейским, политикам и представителям прессы. Еще нам нужны огромные транспаранты: Христос, Пресвятое сердце и крест; Генри Торо⁴ за решеткой; «Ангелы Ада» с нимбами.

— Демонстрация — это театральное представление, — сказал Гинзберг. — Стиль жизни, энергия и веселье демонстрации могут послужить наглядным примером того, как справляться с ситуациями тревоги и угрозы.

Могли ли мы заполучить Дилана, чтобы он спел на марше? Гинзберг на секунду задумался, после чего изрек:

— Дилан может прийти, если на марше ничего не будет сказано о войне. Например, если каждый прихватит по плакату с нарисованным фруктом.

Никто не знал, как реагировать на пре-йипповые кислотные идеи Гинзберга.

Окленд вновь не дал разрешения на марш, но федеральный судья предложил компромисс: мы не могли закупорить военный терминал, но имели право устроить слет в Окландском парке.

⁴ Генри Дэвид Торо (1817–1867) — американский писатель, натуралист и общественный деятель. Известен борьбой за права чернокожих. Был ненадолго брошен в тюрьму за символический отказ платить налоги в знак протеста против войны США с Мексикой.

«Ангелы Ада» собрали пресс-конференцию, на которой заявили, что весь день проведут нажираясь.

Так марш начался и закончился.

Двадцать тысяч человек отправились в Оклендский парк с корзинами для пикника, чтобы послушать послеобеденных ораторов, по иронии судьбы надежно защищаемых копами в ходе марша.

Мэр города похвалил лидеров КВД за их «ответственно проделанную работу».

Потом все разошлись по домам.

Энергия выветрилась из антивоенного движения.

КВД гремел костями, как древний скелет.

Однажды бомба снесла пол-здания штаба.

То, что какое-то время было нашим, вернулось к матушке Земле.

Следующие два года мы триповали, занимались любовью и старались познать самих себя, подготовиться к грядущим битвам до последней капли крови против военной машины: Оклендской неделе остановки призыва и Маршу на Пентагон.

Война тем временем продолжалась.

9: ЛЮБОЙ ДУРАК МОЖЕТ ИЗБИРАТЬСЯ В МЭРЫ

Любой дурак может баллотироваться на пост мэра Беркли при наличии 25 подписей и \$25.

Потому я тоже решил попробовать.

Разве есть лучший способ постебаться над политической системой, чем избраться на госслужбу?

Я решил, что мы проведем семинар по марихуане напротив полицейского управления и будем раздавать копам косяки в качестве основного тезиса предвыборной кампании.

Что мы организуем марш 10-летних граждан, требующих права голоса, к урнам для голосования.

Что, если меня изберут, служить отечеству я не буду. У нас будет ротация мэров, в ходе которой каждый сможет занимать этот пост один день.

Что мы захватим мэрию так же, как Кастро захватил «Гавану Хилтон».

Я обежал Телеграф-авеню, спрашивая мнения людей. И повсюду меня преследовал единственный ответ:

— Ты — мэр? Ха-ха-ха!

Именно этой реакции я и добивался.

Меня совсем недавно арестовывали за нарушение общественного порядка на кампусе, и я заявил, что, если меня изберут, я сам себя реабилитирую, а заодно и всех остальных — в рамках пышного празднования.

Беркли — это маленький американский городок с революцией за пазухой. Его мэр — лысый республиканец-бизнесмен, однажды открывший свое дело и с тех пор пахавший, пахавший и еще раз пахавший до тех пор, пока не смог нанять сотрудников, а затем пахавший, пахавший и еще раз пахавший, пока не добился успеха.

Мэр Уоллес Джонсон представлял собой «другой Беркли» – Беркли банкиров, военных на пенсии и тысяч бабулек в теннисных туфлях. Беркли с Палатой коммерсантов, Американским легионом и бойскаутами.

Беркли был благополучным и процветающим городом все эти годы. Пока в один прекрасный день он не обнаружил анархию, безумие, секс, наркотики и бунт в своих недрах и не стал центром мировой революции.

Наша кампания атаковала мэра. Мы всерьез взялись за его небольшую фабрику. Наш человек пошел туда и подал заявление о приеме на работу. Его взяли. Первые дня он провел, считывая лица. Все они были белыми как снег. На следующий день мы устроили пикет перед зданием, называя мэра расистом, устроившим предприятие только для бледнолицых в черной части Беркли.

В замешательстве мэр брякнул херню:

– Это мое личное дело. Оно никого не касается.

Прикол избирательной кампании заключается в том, что приходится общаться с представителями различных религиозных конфессий, Ассоциацией учителей и родителей, бизнесменами и патриотами с той же трибуны, что и твой оппонент.

Всякий раз, как я оказывался рядом с Джонсоном, я позволял себе нападки, от которых у людей вставали дыбом волосы. Я говорил, что он – расистская собака.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СВИНЬЯ.

ТРУС.

ПОЛИТИК, У КОТОРОГО КИШКА ТОНКА.

ШМАК.

Однажды Джонсон не выдержал и сказал:

– Я не собираюсь слушать подобные оскорблении.
И вышел из зала.

Как только за ним захлопнулась дверь, я вновь обратился к аудитории Женского клуба:

– И вы хотите, чтобы ваш мэр так себя вел?

Все спрашивали:

— Ты это серьезно?

В избирательной политике «серьезно» значит лишь одно: у тебя есть хоть малейший шанс победить?

Был ли он у меня?

Помимо действующего мэра, моими соперниками были какой-то троцкист и Джон Бёрчер. Демократы поддерживали Джонсона.

Я начал обдумывать стратегию победы — мою шахматную партию. Голоса студентов и нестудентов были у меня в кармане при условии, что они пойдут голосовать. Голоса чернокожих — тоже (в пику расисту Джонсону). Оставались либералы из среднего класса, селившиеся на холмах Беркли. С одной стороны, они жаждали окончания Вьетнамской войны. С другой — сохранить свое светлое восприятие мира. За кого они проголосуют — за провоенного бизнесмена или за антивоенного правонарушителя?

Кампания началась с того, что мы послали людей на обход домов по всему, блядь, городу — обсуждать с людьми предстоящие выборы.

И здесь открылась потрясная истина: большинство вообще не знали, что у них есть мэр.

Несколько человек знали его имя.

Ни один из них при этом не представлял, как мэр выглядит.

Мы, радикалы, шастали по городу, убеждая людей, что от того, хороший мэр или нет, многое зависит, что голоса и выборы много значат, что демократия работает.

Мы со Стю вкалывали неделю напролет, составляя программу с предложением по каждой проблеме. Мы просадили \$5000 на 40 000 великолепных психоделических 25-страничных буклетов — то была, пожалуй, самая скрупулезная программа, представленная кандидатом на государственный пост в Америке за всю историю страны.

Я проводил все дни в супермаркетах, раздавая буклеты и талдыча:

— Меня зовут Джерри Рубин. Я баллотируюсь на пост мэра Беркли. Надеюсь, вы проголосуете за меня.

На встрече предвыборного штаба народ отверг идею ротации мэров, поскольку «никто не станет голосовать за кандидата, который заявляет, что не будет выполнять свои обязанности в случае избрания».

Семинар по марихуане тоже накрылся.

Я купил жилетку и золотистый костюм.

Подстригся и подравнял усы.

По ночам я не мог заснуть, спрашивая себя, был ли я настроен серьезно.

— Меня зовут Джерфи Рубин. Я баллотируюсь на пост мэра Беркли. Надеюсь, вы проголосуете за меня.

— Меня зовут Джерфи Рубин. Я баллотируюсь на пост мэра Беркли. Надеюсь, вы проголосуете за меня.

Я чеканил эти слова, как попугай.

Мне никогда не забыть глубочайшего разочарования и изумления, написанных на лице у Стиу, когда он увидел меня в костюме впервые. Это было за три недели до дня выборов. Он скомкал листок бумаги и швырнул в меня, выражая отвращение.

Отношения между нами заметно испортились.

С Нэнси мы почти разбежались, потому что я постоянно давил на всех увещеваниями больше работать.

— Каждая потерянная минута — один голос.

Я вставал в шесть утра, пахал до двух ночи и требовал от всех того же. Если кто-то расслаблялся, я воспринимал это как саботаж кампании.

Я начал говорить людям:

— Ты не серьезен.

Я начал целовать детей и пожимать каждую руку, до какой удавалось дотянуться. У меня не стало времени на то, чтобы обдолбаться.

Я начал смотреть на людей, как на голоса.

Те из них, кто собирался отдать голоса за меня, были лучшими людьми, когда-либо топтавшими землю.

Тех, кто не планировал этого делать, я считал врагами.

Люди делились на прорубинцев и антирубинцев.

Я нигде не показывался без белой рубашки, длинного галстука и нового костюма.

В ночь накануне выборов я был суперсамоуверен. Потом посыпались голоса: *Джонсон, Джонсон, Джонсон.*

Мое сердце сжалось. Джонсон. Рубин. Джонсон. Джонсон.

Сердце сжалось еще сильнее.

«Рубины» попадались часто, но я явно терпел поражение.

Я пришел вторым, набрав 7385 голосов, 22%, и победив на четырех участках – все в районе кампуса. Меня порвали в пригородах и немного подбодрили в черных районах.

Мне тяжело далось понимание того, что новое общество невозможно построить, клянча голоса на выборах.

Я пытался выбить голоса из родителей тех самых детей, которых собирался выкинуть из школ, чтобы они курили дурь и еблись.

Чтобы преуспеть в политике, нужно быть нечестным. А наше новое общество – честное.

Выборы выстраиваются вокруг конкретных кандидатов. Наше новое общество борется за коллектив.

Я отказался от своего образа жизни, чтобы добиться голосов консерваторов.

Но больше я не надену ни золотистый костюм, ни галстук.

На хуй избирательную политику.

Живи революцией!

10: ВСЕ МЫ – ЛЮДИ

Однажды какие-то хиппи из Сан-Франциско пригласили радикалов из Беркли в свой буддистский храм. Мы вместе дунули и решили сблизить тусовки Хейт-Эшбери и Беркли.

¹ Встреча Племен — символическое празднество 15 января 1967 г. в честь слияния радикалов из Беркли, хиппи из Сан-Франциско, кришнаитов бог знает откуда и так далее. Ождалось, что на Встречу придут 2–3 тысячи человек. В результате в парк набились 200 тысяч. Со Встречи Племен начался массовый приток молодежи в Сан-Франциско, ознаменовавший впоследствии Лето Любви 1967 г.

*Встреча Племен*¹. Парк «Золотые ворота». Бесплатная музыка всех рок-групп города.

Хиппи называли его человеческим слетом.

Никто тогда еще не знал, что означает «слет».

Мы дунули. Один радикал из Беркли спросил:

— Какие будем выдвигать требования на этой демонстрации?

Хиппи терпеливо объяснили ему, что никакой «демонстрации»

не будет, что мы просто там соберемся.

— Люди будут заряжать друг друга.

— Только позитивными флюидами.

— И никаких требований.

Но радикал из Беркли продолжал требовать каких-нибудь требований. В конце концов его снабдили ручкой и бумагой, предложив самому их набросать.

Непросто сходу сообразить, что толкнуло одного хиппи из Сан-Франциско вскочить и сказать:

— В этой комнате мало любви. *Накрутите еще косяков.*

Народ на улицах чувствовал: что-то происходит. Все моментально въезжали. Если бы это была политическая демонстрация, они бы начали спрашивать: «Какие проблемы?», «Какие требования?», «Зачем мне туда идти?».

Тут же все было понятно.

Задача в том, чтобы просто быть.

Парк «Золотые ворота».
Рок-музыка.
Трава.
Солнце. Прекрасные тела.
Краска.
Экстаз. Радуга. Никаких подозрительных типов!
Все улыбаются. *Никаких пикетных табличек или политических растяжек.*
Нашим лозунгом была наша нагота.

Мы обыгрывали наши фантазии, как дети, играющие во взрослые игры. Когда ты — ребенок, ты можешь быть кем захочешь.

Мы были ковбоями и индейцами, пиратами, королями, цыганами и греками. Перед нами простиралась панorama истории.

Рок-группы вырабатывали дикую, звериную энергию.

Мы были религией, семьей, культурой с собственной музыкой, одеждой, отношениями, стимуляторами и СМИ.

И мы верили, что наша энергия *перевернет мир*.

Вся эта энергия, сосредоточенная в одном временном и пространственном отрезке, была атомным взрывом в молодежной культуре.

Слет — это новый уровень человеческих отношений. Магнит, притягивающий всех фрикаделичных, хиппующих, несчастных, молодых, счастливых, любопытных, криминальных, нежных, отчужденных, странных, подавленных, отпадных, артистичных, одиноких и симпатичных в одно и то же место в одно и то же время. Мы могли увидеть друг друга, пощупать друг друга и понять, что не *одиноки*.

От этого крепло бунтарство внутри нас.

У нас было новое видение.

Вместо *разговоров* о коммунизме люди начинали жить при нем.

Дробленая жизнь капиталистической Америки — дистанция между работой и игрой, школой и отрывом, собственностью и свободой — сменилась веселым праздником.

Ни Движение за гражданские права, ни Движение за свободу слова, ни антивоенное движение не достигли своих целей. Все они привели к одному важному открытию — революция не исчерпывалась окончанием войны или расизма. Революция определяла сознание нового человека.

Революция означала начало новой жизни.

На Земле.

Сегодня.

Жизнь — это образ жизни.

Революция — продолжительный процесс.

Все мы — люди.

11: КРАД СОЗДАЕТ АЖИОТАЖ ВОКРУГ ПОВЕСТОК И ВСТРЕЧАЕТ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА

— КРАД раздает повестки! КРАД раздает повестки!

Аббревиатура Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности¹ распространялась, как языки пламени.

— КРАД расследует дело Комитета вьетнамского дня!

— Интересно, а мне повестку пришлют?

— А тебе прислали?

— Дай на твою поглядеть.

— **А моя больше, чем твоя.**

— Ого!

Те, кто получал повестки, становились героями. Те, кто их не получал, испытывали на себе *новый комплекс*. Это было почти на уровне сексуального.

— Ну и чья больше?

— Я тоже такую хочу.

— Дай твою позырить!

¹ Была основана в 1938 г. под председательством демократа от штата Техас Мартина Дайеса. Деятельность КРАД изначально была направлена против американцев немецкого происхождения и членов «Ку-клукс-клана» с целью выявления пронацистски настроенных граждан. После падения нацизма Комиссия переориентировалась на левое движение, в результате чего лишила работы и положения в обществе многих людей, в том числе 300 представителей Голливуда. В частности, Чарли Чаплин был вынужден покинуть США. КРАД часто ассоциируется с именем Юджина Маккарти, хотя прямого отношения к ее деятельности сенатор не имел. Была распущена в 1975 г.

Я направился к телефонной будке в здании Союза студентов Беркли, чтобы попросить Красную бригаду прислать повестку и мне. Стоило мне сунуть десятицентовик в прорезь, как на плечо опустилась лапа шпика. Это был Чик Харрисон из Красной бригады Беркли.

— Джерри Рубин, — сказал он, — это вам. Повестка из Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Я вырвал ее у него из рук и понесся по Союзу студентов, прыгая и громко стуча каблуками. Это была самая большая и великолепная повестка в мире!

Через два часа я стоял на ступенях мэрии Сан-Франциско перед телекамерами, пятью фотографами, четырьмя газетчиками и семью репортерами с радиостанций, обвиняя КРАД в «охоте на ведьм».

Я неистовствовал:

— Правительство пытается задушить антивоенное движение.

Пресса цеплялась за каждое слово. Я играл в Злого Радикала, внутренне смеясь, стоя на руках и кувыркаясь.

КРАД не душил движение, а, напротив, стимулировал его, все больше увеличивая в масштабах. Люди, не получившие повесток, были встревожены осознанием того, что мало сделали против войны.

— Не мало ли крови я сдал для раненых бойцов Вьетконга? — услышал я чей-то стон.

— Не мало ли я сжег повесток в военкомат? Достаточно ли крупные демонстрации организовывал?

Дополнительная льгота радикала — периодические бесплатные поездки в Вашингтон с целью посмотреть на правительство в действии. Помнишь школьный экскурсионный тур в Вашингтон? На хуй экскурсионные туры. Становись диверсантом и увидишь правительство изнутри. Пусть оно оплатит твою поездку.

КРАД платит по семь центов за милю. Если едешь из Калифорнии — это почти *молодежный тариф*: то есть два месяца ты живешь за счет КРАДа. Стало быть, КРАД финансирует революцию!

Крупномасштабный митинг получивших повестки, адвокатов и других товарищей, устроенный для того, чтобы выработать стратегию поведения, обратился войной поколений — между теми, кто был младше, и теми, кто был старше тридцати. Все, кто был старше, утверждали, что мы окончательно сторчались.

— Если вы попробуете сделать что-то против Комиссии, вас будут судить за презрение к Конгрессу и поса-

дят на год без права на обжалование, — говорили они.

Компартия и АнтиКРАД (Национальный комитет по противостоянию репрессивным законам)² посоветовали нам построить борьбу на Первой поправке и праве на мнение.

² Организация, основанная в 1960 г. правозащитником Фрэнком Уилкинсоном (1914–2006), уволенным с работы и отсидевшим год в тюрьме за антиамериканскую деятельность.

В общем, устроить драку за гражданские права. Они хотели, чтобы мы отказались давать показания.

— ИДИТЕ В ПИЗДУ! — заорал я. — Я не собираюсь упускать такую возможность сообщить миру о том, что происходит.

В любом случае, я никогда не замечал, чтобы американцы были столь преданы Первой поправке. Среднестатистические футбольно-бейсбольные фанаты США вряд ли отягощены знаниями о юридико-конституционном деръме. Мы должны предложить им не менее захватывающее зрелище, чем «Метс»³.

— КРАД за одни сутки дискредитировал и лишил работы многих людей, — сказал один из коммунистов.

Дискредитировал? У нас не было репутации, чтобы ее подмочить. Работа? Работы у нас тоже *не имелось*. Что КРАД мог нам сделать? Кем они могли нас обозвать? Коммунистами? Анархистами? Предателями? Мазафаками? Чем хуже, тем лучше.

Другую категорию получивших повестки составили сорвиголовы из Прогрессивной рабочей партии⁴. Эти планировали сказать на слушании: «Мы — коммунисты, и гордимся этим».

КРАД — это душевное состояние. В нем столько же мощи, сколько в паранойе. Чем больше ты его боишься, тем оно страшнее. Если смеешься над ним, с тобой хохочет весь мир.

Что собирались делать члены КРАД, когда осознали, что лицом к лицу столкнулись с сильнейшими медиа-фриками и охотниками за популярностью со времен Иисуса Христа?

Я начал размышлять о Комитете, как о театре: я знал, что не смогу играть в их пьесе, потому что у режиссера в руках молоток. Мне требовался собственный театр, чтобы выбивать им мозг и привлечь внимание нации. Но как?

³ «Нью-Йорк Метс» — основанная в 1962 г. профессиональная бейсбольная команда.

⁴ Была сформирована в 1961 г. членами Компартии США, разочарованными в деятельности СССР, ЦК которого они считали предателем коммунизма, и Компартии США, которая склонялась к реформизму, в частности, выраженному в принятии идеи свободных выборов. ПРП отставала принцип диктатуры пролетариата.

⁵ Была учреждена Ронни Дэвисом как площадка для применения его экспериментальных концептов. Начиная с 1961 г. Труппа педалировала в своих спектаклях такие насущные темы, как гражданские права и военное участие США в конфликтах за рубежом. В начале 1970-х Дэвис покинул Труппу. Тем не менее своей социальной активности она не утратила и в 1980-е выступала со спектаклями, направленными против политики администрации Рональда Рейгана. Труппа существует по сей день. Ее последняя постановка датируется 2007 г.

⁶ Изначально Билль Пула — это билль, выставленный в 1925 г. на голосование в Генеральной ассамблее Северной Каролины знаменитым в свое время пресвитерианином Д. Скоттом Пулом, который предлагал запретить преподавание теории эволюции в школах. По итогам голосования билль был отвергнут. В данном случае речь идет о неком Джо Пуле, который занимал пост председателя Комиссии. Тем не менее людей с таким именем в числе председателей КРАД никогда не было.

О Билле Пуле в том контексте, в котором упоминает его Рубин, тоже ничего не известно.

ские костюмы времен революции.

Я надел треуголку. Ого! Вся моя наружность изменилась! Стоит по-другому прикинуть человека, и он начинает иначе себя вести.

— Сколько? — спросил я.

Я подкинул Ронни Дэвису из Труппы мимов Сан-Франциско⁵ идею явиться на слушания в шляпе американского борца за независимость.

— Почему только в шляпе? — спросил Ронни. — Почему не в полном обмундировании?

БАБАААААААААХ!

Вспышка молний!

КРАД как костюмированный бал.

Получатель повестки, который явится на слушания Конгресса в сумасшедшем костюме, сграбастает всю аудиторию коммунико-киллеров. Необычное и экстраординарное провоцирует обсуждения, сплетни и даже мифы. А что если они заставят меня снять костюм?!

Большинство людей, которым я выкладывал мой замысел, всячески меня отговаривали. Целью заседания было пропихнуть через Конгресс Билль Пула⁶, билль, который трактовал бы то, что мы делали в Беркли, как злонамеренные преступления, называемые 20 годами тюрьмы.

— Ты себя дураком выставил, — твердили мне. — Дурак, болван, идиот.

Где достать костюм? Я позвонил в ближайший магазин одежды, в пяти зданиях от моего дома в Беркли.

— Разумеется, у нас есть американ-

— 25 в неделю.

— Беру.

Я задумал вручить каждому члену Комиссии по копии Декларации независимости на пергаменте. Угадайте единственное место во всем районе Сан-Франциско и Беркли, где можно раздобыть страницы Декларации! У букиниста Общества Джона Бёрча⁷! Мы со Стю взяли у них последние копии.

За день до начала заседаний наши адвокаты Билл Канстер, Артур Киной и Беверли Аксельрод в очень резкой форме потребовали от вашингтонского судьи отменить слушания, сславшись на какую-то конституционную хрень, в которую я так и не въехал.

Однако шесть часов спустя Верховный суд размазал судью по стенке и отменил решение. Потому артисты, критики и публика все же собрались на бродвейскую премьеру.

Я пришел в своем костюме, вплоть до пряжек на сапогах. Я чувствовал себя таким затраханным, что полностью игнорировал августовское пекло, несмотря на шерстяную униформу. Нагруженный листовками, я шел по коридорам Конгресса мимо раскаленных телекамер, шныряющих копов, любопытных секретарш конгрессменов и сотен зрителей, пока не достиг дверей в аудиторию, где заседал КРАД. Тут-то меня и тормознули:

— Распространять печатные материалы в здании Конгресса противозаконно, — заявил коп, сопя и пыхтя, после чего попытался отобрать у меня листовки.

— Но это доказательства моей невиновности! — закричал я.

Завязалась решительная борьба.

Мой прелестный адвокат Беверли Аксельрод завопила:

— Помогите! Я — адвокат обвиняемого, а полиция не пускает нас внутрь. Каравул!

⁷ Организация правых взглядов, активно занимающаяся издательской деятельностью. Учреждена в Индианаполисе в 1958 г. Названа в честь Джона Бёрча (1918–1945), американского разведчика, убитого китайскими коммунистами.

Никто не останется равнодушным к крикам женщины. Джо Пул стукнул молотком и приказал выпустить меня, с литературой и в костюме. Прожектора и вспышки камер ослепили нас. Мы вышли на сцену.

Я принялся расхаживать по аудитории, проникаясь ее атмосферой: я был единственным, кто оделся на слушания Конгресса подобающим образом.

Наши адвокаты пошли в бой. Киной с его елейным, харизматичным голосом вскакивал несколько раз и преподавал Пулу основы права и жизни. Шея Пула краснела с каждым часом все больше.

— А ну заткнись! — заорал он наконец.

Артур продолжал.

Потом случилось то, что отбросило Соединенные Штаты на 100 лет назад. Пул повелел троим приставам выдворить Артура из помещения и арестовать.

Какой же кайф наблюдать, как три здоровенных долбоеба хватают Киноя ростом метр шестьдесят и тащат прочь из аудитории!

— Я впервые слышу о том, чтобы адвоката обвиняли в нарушении общественного порядка, когда тот защищал своего клиента, — скажет Артур позже.

В результате каждый из наших адвокатов счел своим долгом встать, высказаться и покинуть помещение. Так мы остались без защиты. И это было хреновенько.

Ебаные адвокатишки бросили нас на произвол судьбы.

⁸ Бывший член Компартии США и ярый противник социализма. В частности, написал разоблачительную книгу «Дорога к революции» (1967), в которой обвинил Компартию в причастности к организации Бунта в Хафе (район Кливленда) и других массовых беспорядков того времени.

Главным свидетелем правительства был Филлип Эббот Льюс⁸. Я привстал, чтобы получше его разглядеть. Прежде я видел Льюса однажды, двумя годами ранее, на пресс-конференции, где обсасывались планы Комиссии устроить слушания по вопросу поездок на Кубу, одним из организаторов которых был Льюс. С огнем в глазах и мощными усами он орал:

— По коридорам Конгресса заструится кровь, и это будет не наша кровь.

Льюс был поэтом Прогрессивной рабочей партии. Но вот он поменял лагерь. Подумать только. Льюс, помогавший устраивать поездки на Кубу и как-то даже купавшийся вместе с Фиделем на гнишом, снюхался с ФБР и ополчился на всех своих друзей.

Это было единственным дезертирством за всю историю нашего движения. На протяжении всех 1940-х и 1950-х члены Компартии оказывались агентами ФБР. Каждый день правые и либералы становились левыми, радикалы превращались в иппи. Но среди новых левых перебежчиком был только Льюс.

Его странная психология меня завораживала. Он сказал, что его шантажировала сторона обвинения. Но я жаждал увидеть его своими глазами.

Он вышел из задней комнаты. На нем был голубой костюм из тех, какие носят федералы. Льюс нес стильный кейс, на котором были его инициалы. Гладко выбритая физиономия и суперправильный вид делали из него агента ФБР, какими их всегда показывают в кино.

Стоило ему открыть рот, как по всему залу разразились крики:

— Заткните доносчика! Предатель! Шпик!

Приставы попытались очистить помещение.

Началась массовая драка. Кровь, которую Льюс обещал два года назад, наконец пролилась, только он уже был на другой стороне баррикад.

Потасовка набирала обороты, 20 человек были арестованы, и тогда послышались первые слова Льюса:

— Этим людям не нужен демократический диалог.

Речи Льюса нагоняли тоску. Его бормотание было столь же безжизненным, асексуальным, механическим и нудным, сколь и зловещим. Похоже, спич ему писал Эдгар Гувер⁹. Льюс был куда интереснее, когда числился в левых.

Возможно, правые и ФБР хорошо ему платили, как отменному молодому американцу, страждущему свободы и отлично звучащему после сытного

⁹ Эдгар Гувер (1895–1972) — первый директор ФБР, занимал этот пост с 1924 г. до самой смерти. Ярый противник инакомыслия и левых идей. Так, спустя неделю после начала войны в Корее Гувер планировал арестовать 12 тысяч американцев за недостаток патриотизма.

обеда. Проблема только в том, что в Америке ты проводишь большую часть времени с теми, у кого получаешь зарплату. А правые и ФБР – довольно скучная компания.

¹⁰ Доктор Анатоль Антон — теоретик-социалист, автор книг «Вперед к новому социализму» и «Не для продажи: в защиту общих благ».

Когда пришел черед нам, психам, защищаться, театр поменял репертуар на комедийный. Анатоль Антон¹⁰ вел себя, как Джеймс Бонд. Он назвал Пула Йо-Йо, а его адвоката — Мистером Счастливчиком. Стив Черкoss

принял присягу жестом, который «Нью-Йорк Таймс» описала как «поднятый кулак с торчащим средним пальцем». Стюарт Маккрей отдал нацистский салют, когда подошел к месту для дачи показаний. Он начал с предупреждения о том, что от этих слушаний его подташнивает:

— Как бы я не заблевал весь стол.

Джефф Гордон кричал на Пула:

— Мы — товарищи американских солдат, а вы и Джонсон — их враги, раз приговариваете к смерти.

Когда у Стива Гамильтона осведомились о дате рождения, он назвал вопрошивших малодушными расистскими свиньями и принялся преподавать историю фашистской Америки. Конгрессменов он с ходу окрестил флибустьерами. Затыкаться он не собирался, поэтому его пришлось оттаскивать от места для дачи показаний. Я ожидал своей очереди, надувая гигантские пузыри из жвачки, насвистывая патриотические песенки, отпуская саркастические ремарки и постоянно подпрыгивая.

Пул колотил молотком каждые две минуты. Мы устроили цирк, а он был зазывалой.

Спустя четыре дня блядства пробил мой час.

Я встал.

Пошел к месту для дачи показаний.

Пул остановил меня.

И закрыл слушания.

Приставы подняли меня на руки и вынесли прочь из зала.

— Я хочу дать показания! — орал я.
В неразберихе я потерял треуголку и был обвинен в нарушении общественного порядка. Джо Маккарти¹¹ перевернулся в гробу.

Бедные либералы были в замешательстве. Слушания «опозорили Конгресс».

Билль Пула сдох в недрах Комиссии.

«Кровопийца» Пул вернулся в Даллас, где его приветствовали рукоплещущие толпы.

Мы возвратились в Беркли, где рукоплещущие толпы встретили нас.

Ебанашки от правых повеселились не меньше, чем дебилоиды от левых.

¹¹ Юджин Джозеф Маккарти (1908–1957) — сенатор от штата Висконсин в период 1947–1957 гг. Вошел в историю как главный идеолог и организатор «Охоты на ведьм» — политических чисток в госучреждениях, армии и СМИ, направленных против людей левых взглядов и лишавших их работы и положения в обществе. Подарил этому периоду имя Время маккартизма (Эра Маккарти).

12: ГОЛЛИВУД БРОСАЕТСЯ НА АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ПОХОД НА ПЕНТАГОН

Война поколений внутри антивоенного движения разгорелась в Сан-Франциско 15 апреля 1967 года. На трибуну взобрались безжизненные профессоры, министры, демократы-реформаторы, профсоюзные лидеры,

¹ Иосифа Сталина в США часто называли «Деревенский Джо» (*Country Joe*) в 1940-е, а вторая часть названия взята из высказывания Мао Цзэдуна о том, что «настоящий революционер должен быть среди людей, как рыба». Коллектив, сформированный в 1966 г. и просуществовавший вплоть до 1971, был настолько активен политически, что вокалиста Джо Макдональда даже вызывали свидетелем на процесс по делу Чикагской семерки. Группа выступала на Вудстоке в 1969 г.

² Уолтер Кронкайт (р. 1916) — культовый телеведущий вечерних новостей, неповторимо освещавший такие страницы американской истории, как убийство Джона Кеннеди, война во Вьетнаме, студенческие восстания 1960-х и Уотергейтский процесс.

³ Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — активист за гражданские права, Ганди для чёрнокожих американцев. Один из организаторов 300-тысячного Марша на Вашингтон. Был застрелен снайпером в Мемфисе, когда возглавлял 6-тысячный марш протеста в поддержку бастующих рабочих.

выдавая один нудный спич за другим. Вниз по улице кучковались фрики, патлатые, битники, студенты, дети, бомжи. Какого хрена мы стояли и слушали их?

Выступавших *Country Joe and the Fish*¹ отрубили во время исполнения второй песни, чтобы толкнуть очредную телегу. Нас поимели.

Антивоенное движение пыталось выдвинуть вперед респектабельных товарищей, чтобы убедить даже правых в том, что, для того чтобы быть против войны, необязательно отращивать хайр. Антивоенное движение по-прежнему использовало фотографии обожженных напалмом детей, дабы пристыдить публику, невзирая на тот факт, что CBS-TV делало то же самое гораздо лучше — в цвете! — в программах Кронкайта².

Антивоенное движение было слишком уж, блядь, обходительным. Сила Мартина Лютера Кинга³ крылась в том, что он органично заменял стоявшего за его спиной черномазого с коктейлем Молотова («Не хотите слушать меня, будете иметь дело со здоровенными, вооруженными, охуевшими ниггерами»). Антивоенные пацифисты сильны ровно настолько, насколько чокнутые революционеры готовы спалить к ебеням все пентагоны страны.

После этого сбоя на меня обрушился очередной депрессняк типа «личностного кризиса». Мы с Нэнси решили покуролесить по свету в качестве корреспондентов газеты *Berkely Barb*⁴. Дэйв Диллинджер позвонил, когда мы уже паковали чемоданы, и спросил, не соглашусь ли я рвануть на Восток в качестве координатора проекта антивоенной демонстрации против национальной мобилизации в Вашингтоне.

Я поехал в Нью-Йорк.

— Народ в Беркли считает, что мы должны попытаться задвинуть Пентагон этой осенью с помощью массовых акций гражданского неповиновения, — заявил я Дейву.

Он ухмыльнулся, глаза сверкнули. Ребенок в свои 50 с гаком, прирожденный возмутитель спокойствия. Если бы у нас набрался миллион диллинджеров, пропасти между поколениями не существовало бы.

— Мы можем решить что угодно, — ответил он, — но Пентагон находится в Вирджинии, через несколько мостов от Вашингтона. Все, что потребуется от правительства, — это перекрыть мосты, и до Пентагона мы не доберемся никогда.

Блядь! На Западном побережье с географическими проблемами мы не сталкивались. Все, что мы видели, — это голливудский спектакль *Анти военное движение атакует Пентагон*.

Детали, вне всяких сомнений, могут засрать даже самый великий сценарий.

— Давайте не будем перенасыщать деталями великолепный миф, — сказал я. — Надо выбрать символ поужасней, над которым можно изгаляться сколько угодно.

Мы тусанули в Вашингтон впятером, чтобы зацепить Пентагон. Перебор.

Наш гид похвастался, что это крупнейшее офисное здание в мире: 28 километров коридоров! Геноцид-

⁴ Контркультурная газета, выходившая в период 1965 – начало 1980-х. Издатель Макс Шер был тем самым человеком, кто распустил (посредством сатирической статьи) утку о том, что сушеная банановая кожура при курении обладает психоактивными свойствами.

⁵ Хуберт Рэп Браун (Джамиль Абдулла Аль-Амин, р. 1943) — с 1967 г. председатель Студенческого координационного комитета ненасильственных действий. В 1968 г. ушел из Комитета и стал министром юстиции «Черных пантер». ФБР объявило его одним из 10 самых разыскиваемых преступников за организацию беспорядков. В 1971 г. он был осужден на 5 лет за ограбление бара в Нью-Йорке. В 2000 г. убил одного полицейского и ранил другого, за что по сей день отбывает пожизненное заключение.

⁶ Women Strike for Peace — организация, зародившаяся в результате дня протesta 1 ноября 1961 г. против гонки атомных вооружений. Позднее Женщины за мир поддерживали феминизм и протестовали против войны во Вьетнаме. Существуют по сей день.

⁷ Самая популярная организация среди новых левых, основанная в 1960 г. Томом Хейденом. Студенты за Демократическое общество захватывали университеты и другие помещения, устраивая сидячие забастовки (*sit-ins*), организовывали акции протеста, демонстрации и т.д. По некоторым данным, высший эшелон организации был связан с экстремистскими и даже террористическими организациями леворадикального толка.

⁸ Ричард Клакстон Грегори (р. 1932) — афроамериканский комик, регулярно кававшийся в своих выступле-

ний бизнес. И, как в любой индустрии, каждый занимается своим делом.

Мы решили преподнести символ последствий этого бизнеса прямиком ко входной двери: К-Р-О-В-Ь.

Наш сценарий: мы грозимся прикрыть ебаную лавочку. Это вызывает паранойю у американского правительства: они запрещают марш и двигают на нас войска. Таким образом, очередная мирная демонстрация обрачивается драматичной конфронтацией между Свободой и Подавлением, а сценой станет весь мир. После того как нас наберется достаточно, мы смягчаем нашу риторику, а огромное число собравшихся вынуждает правительство отступить. *Результат: Пентагон в наших руках!*

Нам требовалась зрелищная пресс-конференция, дабы завладеть вниманием планеты и сыграть на последующей паранойе. Для этого нам понадобилась помочь худшего, мерзящего и самого агрессивного ниггера Америки — Х. Рэпа Брауна⁵. Его присутствие на пресс-конференции, неважно, появится он у ворот Пентагона или нет, создало бы для СМИ сладкое ощущение вероятной ОПАСНОСТИ. Рэп согласился прийти.

Далее нужно было дополнить сценарий другими актерами с правой стороны — вьетнамский ветеран, священник, домохозяйка из Женщин за мир⁶, лидер Студентов за демократическое общество⁷ и такие товарищи, как Дик Грегори⁸. Главную мужскую

роль исполнял Дэйв Диллинджер. В нем гармонично уживались резкая партизанская риторика и добродушная, благородная наружность. Еще был Боб Гринблatt, координатор Национального комитета за окончание войны во Вьетнаме⁹ и профессор из Корнелла, призванный придать происходящему солидности. Мой же шухер на башке и густые усы предполагали, что я — анархист-бомбометатель, способный на все.

Мы начали пресс-конференцию с отождествления антивоенного движения с бунтами в Детройте¹⁰ и Ньюарке¹¹. Газетчики сразу же осведомились у Рэпа, не пойдет ли он на Пентагон со стволом, и он ответил:

— С моей стороны было бы неблагоразумно тащить с собой ствол, потому что в прошлый раз у меня его отобрали. А вот бомбу я, возможно, принесу, мудачье вы эдакое.

Полковник Джером З. Уилсон из Командования стратегической авиацией, позируя, как Эбби Хоффман, пообещал, что толпа святых «окружит Пентагон, распевая и колотя в барабаны, и Пентагон воспарит. Когда он поднимется на стометровую высоту, все злые духи вывалится».

Полковник, недавно покинувший ВВС из-за «плохих вибраций», также сообщил, что марихуана, уже посаженная на газонах Пентагона, должна созреть к 21 октября.

— Мы выжмем вишневые деревья Вашингтона и сделаем реку Потомак пурпурной, — добавил он.

ниях таких политических и социальных тем, как бедность, голод и насилие. Звезда с его именем есть на Голливудской аллее славы. ⁹ МОВЕ (у Рубина — МОВ) был создан в 1967 г. в результате собрания 700 антивоенных активистов в Вашингтоне. Марш на Пентагон и сбор по случаю съезда Демократической партии 1968 года проходили под эгидой Комитета.

¹⁰ Так называемый Бунт на 12-й улице разгорелся 23 июля 1967 г. Он начался с того, что полицейские пришли с инспекцией в бар в черном районе, где незаконно торговали спиртным. То, что случилось дальше, вошло в историю США как самый кровавый бунт в современной истории страны. Он длился 36 часов и унес 43 жизни. В беспорядках участвовали порядка 100 000 человек, 7200 из них были арестованы.

¹¹ Бунты в Ньюарке продолжались с 12 по 17 июля 1967 г. Причинами явились полицейский произвол (лишь 150 из 1500 полицейских города были афроамериканцами, тогда как Ньюарк наполовину состоял из черного населения), запрет на политическую самоидентификацию, бедность и безработица. Результаты бунтов: 26 погибших, 725 раненых, около 1500 арестованных, 10 миллионов долларов ущерба.

— Тысячи людей заполонят подходы к Пентагону и заблокируют все входы-выходы, — сказал я. — Мы приведем всех живых к месту, которое культивирует смерть. Мы разрушим все базовые институты американского общества.

Пресса собралась замечательная.

Она подхватила случайную ремарку Дэйва о том, что «ни одно правительственные здание не останется не атакованным», превратившую его из пацифиста в террориста.

Associated Press докладывала: «Когда Рэпа Брауна спросили, будут ли акции его последователей насилиственными, он уклонился от ответа». Дополнение:

«Представитель министерства обороны Макнамара¹² никак это не прокомментировал».

Пентагон был у нас в руках!

Но засрал всю малину далеко не

Пентагон и даже не правительство, а само антивоенное движение.

Безумцы из Беркли — Нэнси, Стю, Карен Вальд и я — от имени Национального комитета начали издавать «Мобилизатор», газету для внутреннего пользования, которую предполагалось распространять по почте анти военным группам всей страны. Мы включили в первый номер статью Кейта Лампе под названием «Как добиться идеального беспорядка», в которой были такие предложения: «Пока телекамера снимает классический материал о демонстрации, транспарант со словами «РАЗМБОМБИМ ПЕКИН» резко сменяется баннером «НЕ МУДАК ЛИ ЛИНДОН ДЖОНСОН?». Восемь тысяч хиппи окружают посольства, клянча подаяния, чтобы создать настоящий международный бардак. В ходе благотворительной вечеринки у ворот Белого дома дюжина человек залезает на забор и смачно ссыт, ссыт, ссыт».

В общем, это дерымецо было опубликовано.

Представительницы Женщин за мир превратились в маленьких злобных старушек в теннисных туфлях, воявших что-то насчет «сумасшествия».

— Как мы сможем снабжать людей литературой, в которой есть такие слова, как «мудак» и «ссыт»? — вопрошили они на собраниях.

Один влиятельный член комитета был также чиновником из Союза розничных торговцев. Он начал возбухать на счет фразы Кейта о том, как «тысяча деятелей начинают мародерить по супермаркетам, чтобы растоптать фетиш частной собственности, способствующий геноциду во Вьетнаме». Дядька встал со стула, и его прорвало:

— Как я позову людей на демонстрацию, если вы намерены грабить супермаркеты, в которых они работают?

Тираж журнала был конфискован, несмотря на то что 5000 номеров уже были напечатаны. Добыть номерок на черном рынке антивоенного движения обошлось бы в 50 баксов.

В качестве передовицы обновленного «Мобилизатора» красовалась статья под названием «Сид Пек¹³ отвечает на вопросы домохозяек о демонстрации 21 октября» (товарищ уверял их, что они могут притащить с собой детей и точно вернутся домой к ужину).

Цензура взбесила многих внутри антивоенного движения. Все, кому было за 40, планировали демонстрацию, в которой дети, от 15 до 25, либо подставят морды под дубинки и загремят за решетку, либо выступят дрессированными обезьянками при движущихся платформах.

Планы по затыканию Пентагона явно обламывались, а легальный, мирный статус марша нагонял стресс. Соратники постарше жаждали моей крови.

Я решил делать то, что советовал делать всем остальным: отбросить всю эту бюрократическую ерунду. Нэнси уже вняла моему совету, присоединившись к Эбби и диггерам¹⁴ в Нижнем Ист-Сайде.

¹³ Сидни Пек — активист, в 1971 г. возглавивший либерального свойства антивоенную Коалицию за мир и справедливость.

¹⁴ Анархического склада группы, наиболее проявившие себя в районе Сан-Франциско. Диггеры позимствовали свое название и образ жизни у английских формирований середины XVII века, отрицавших права собственности и купли-продажи. Основными видами деятельности диггеров были андеграундное творчество, хеппенинги, раздача бесплатной еды и организация бесплатных магазинов (продукты, одежда, обувь, бытовые принадлежности).

Но посреди страшнейшей междуусобицы за всю историю движения к нам присоединился лучший друг — правительство Соединенных Штатов!

Гарри ван Клив, адвокат на службе у государства, выбранный Пентагоном и полицией для общения с нами, заявил, что, если мы планируем «закрыть Пентагон», никакого разрешения на марш мы не получим.

Эти слова прозвучали для наших ушей, как музыка «Битлов»! Правительство четко придерживалось сценария, даже если антивоенное движение этого не делало.

¹⁵ Доктор Бенджамин Спок (1903–1998) — американский педиатр, чья книга «Ребенок и уход за ним» (1946) в свое время совершила фурор и до сих пор считается бестселлером, несмотря на обильную критику в ее адрес. Спок был активным борцом за гражданские права и выступал против войны во Вьетнаме («Нет смысла растиать детей, чтобы потом дать им сгореть заживо»).

В течение двух дней должны были подтянуться Мартин Лютер Кинг, Бенджамин Спок¹⁵ и Студенты за демократическое общество. Поначалу все они холодно отнеслись к нашей идее. Кинга тревожили проблемы его собственного движения, Спока волновало возможное насилие, Студентов — вероятность того, что локальная сходка может обрести национальные масштабы. Правительство решило все проблемы. Кто останется равнодушным к запрещенной демонстрации?

Правительство наверняка прослушивало наши телефоны. Ван Клив набирал Диллинджеру, чтобы договориться о встрече, и следующие две недели, в ходе шести встреч, преступники терли с правительством о злодеяниях, которые намеревались совершить. Ван Клив пытался обыграть нас при помощи доброты и теплого расположения, тщательно обсасывая каждую деталь. Стороннему наблюдателю показалось бы, что мы обговариваем слияние корпораций.

Правительство испытало еще одну стратегию по контролю за демонстрацией. Идея открытого табу провалилась, и Ван Клину пришлось играть роль бывшего хирурга, которому предстояло извлечь из тела беспокоящий орган. Свою тактику он построил на том, чтобы лишить марш драматизма, стесав все острые углы в ходе переговоров.

Он урезал время начала и конца марша, предоставил один мост в Вирджинию вместо двух, запретил громкие речи и музыку у стен Пентагона и не позволил появляться возле Военной Машины до 16.30.

Переговоры закончились за день до осады, и одна проблема так и осталась нерешенной — наш маршрут от моста в Вирджинии до Пентагона. Мы требовали магистраль Вашингтона—Джефферсона, потому что на протяжении всего пути следования нам был бы виден Пентагон. Эмоции толпы росли бы соразмерно нашему приближению. Мотивируя свое решение «движением транспорта», Ван Клив предложил нам параллельную дорогу, открывавшую на Пентагон довольно скучный вид.

Я грозился прервать переговоры. Дэйв был довольно тверд:

— Как мы объясним нашим людям, что их бьют и арестовывают на мостах только потому, что нам не понравилось шоссе, по которому мы пойдем?

Диллинджер подписал соглашение за нас — подтвердил нарушение закона! Демонстрация со стартом и финалом. Люди из антивоенного движения съезжались со всей страны с билетами в оба конца! Бунт среднего класса из пригородов?

* * *

Идеальная погода для футбола привела на Большую Игру в город десятки тысяч человек. Накануне тысячи ребят хорошенъко пошли в Беркли — им удалось приостановить работу оклендского военкомата. Первый белый бунт!

Газеты писали о марше на Пентагон на языке милиционеров: мобилизация, чрезвычайное положение, развертывание действий, решающее сражение! Джонсон¹⁶ приказал 82-му десантному полку и ветеранам других внутренних неприятностей (Детройт, Ньюарк, Доминиканская Республика) защищать Пентагон.

¹⁶ Линдон Джонсон (1908–1973) — президент США в период 1963–1969 гг.

Общий сбор. Скучные речи. Невразумительная акустическая система. Обнаружение старых друзей. Национальная демонстрация как реставрация утраченной дружбы.

¹⁷ По ошибке считается (со слов Тома Уэйтса), что Джоэл Торнабене был внуком мафиозного босса, сбежавшим из семьи к свободным и мирным хиппи. В действительности он был сыном плотника и врача. 22 октября 1967 г. при осаде Пентагона он опустил цветок в дуло винтовки одного из солдат в шеренге. Берни Бостон, фотограф Washington Star, сделавший снимок этой сцены, получил Пулитцеровскую премию. Кадр стал для поколения культовым.

Марш. Мы в движении! На передовой — почетные гости. Медленнее! Медленнее!

Супер Джоэл¹⁷ Доктору Споку:
— Эй, да этот марш какой-то тормозной для нас, скоростных фриков.

Пошла молва: солдаты, охраняющие Пентагон, снабжены штыками.

Переходим мост. В нашем «соглашении» говорится, что мы должны дойти и услышать побольше речей на Северной автостоянке до 16.30, но никто из марширующих об этом не знает. Мы подбираемся к Пентагону.

Вперед!

Пробиваем брешь в ограде между местом под наш марш и ненавистным зданием. Атака нарастает по трем разным направлениям к Пентагону.

Осада!

Вовсю разгорается война между патлатыми антивоенными демонстрантами и солдатами в шлемах со штыками. Демонстранты пытаются прорваться к зданию. Мы швыряем камни, пивные банки и мусор, а солдаты колотят нас прикладами винтовок. Льется первая кровь.

Две сотни храбрейших мужчин и женщин на земле, пользуясь древками вьетконговских флагов, пробились сквозь ряды солдат и ринулись в здание, внутрь Пентагона. Пентагон США! Пентагон не был непобедимым!

Приклады отогнали нас назад, двадцать черепов треснули, кровь хлынула рекой.

Когда войска попытались отбросить нас, демонстранты сцепили руки.

— Стоим! Стоим!

Мы стояли, и армия тоже остановилась, а потом и вовсе отошла, приняв за данность точку, которую мы за собой закрешили.

Победа!

Флаги Вьетконга, эти прекрасные желтые звезды на красно-синем фоне, развевались высоко перед самым носом у Пентагона!

Демонстранты срывали с солдат шлемы и бежали в тыл, крича: «Сувенир, сувенир!»

Прелестные полуоголые девицы подходили к воякам и предлагали скинуть форму и проследовать с ними в ближайшие кусты.

Супер Джоэл всунул цветок в дуло винтовки.

Мы слышали, как завелись моторы автобусов. Антивоенное движение среднего класса возвращалось во-свойси. Они оставили нам тонны еды: мы были их войсками. Мы обосновались перед Пентагоном надолго.

Каждые несколько минут вспыхивала схватка. Телекамеры отъезжали подальше всякий раз, как что-то начиналось. Ежечасные прямые включения разносили историю с Пентагоном по планете.

Опустилась ночь.

Вонючие, голодранистые, хайрастые дьяволы противостояли недвижным рядам солдат в театральных декорациях американской военной машины.

Сцену озаряли белесые лучи прожекторов (история Америки в библейском отпечатке).

Мы смолили дурь, передавая косяки по рядам, кусали сэндвичи и яблоки и тоже передавали дальше. Мы жались друг к другу, чтобы не закоченеть.

Солдатам был дан приказ не двигать ни единым мускулом и не выказывать ни малейшей эмоции на лицах.

Мы кричали им:

— Давайте к нам! Присоединяйтесь!

Мы верили, что они могут побросать свои каски и перейти на нашу сторону. У нас были дурь, девочки,

еда, тепло дружеского плеча и отсутствие каких-либо приказов. Их же распределяли и контролировали. Это было противостояние психоделии и дисциплины, свободы и устава, спонтанности и скованности.

На протяжении всей субботней ночи и воскресенья демонстранты сменяли друг друга у матюгальника, обращаясь к солдатам. В течение 15 часов деклассированная молодежь Америки изливала душу американским солдатам, защищавшим Пентагон. Один парень не выдержал и завопил:

— Мой отец — офицер, и они делают из него убийцу. Я не могу этого выдержать!!!

Прошел слух, что трое солдат выбросили свои каски и присоединились к нам. Мы переварили новости. Если мы останемся тут еще на неделю, весь 82-й полк дезертирует!

Стю дождался своей очереди у матюгальника в воскресенье днем и сумел привлечь внимание солдат буквально за минуту. Он сказал:

— *Мы выросли в одной стране. Мы примерно одного возраста. Мы — братья, потому что росли, слушая одно и то же радио и смотря одно телевидение. У нас аналогичные идеалы. Нас разделяет только ебаная система... Я заимствую идеи не у Мао, Ленина или Хо Ши Мина. Я заимствую их у Одинокого Рейнджера¹⁸.*

Вы знаете, что Одинокий Рейнджер всегда сражался на стороне добра против зла и несправедливости. Он никогда не стрелял, чтобы убить!.. Я учился в бруклинской школе

№ 206, и никто в ней не любил строгих учителей. Мы всегда мечтали заполучить учителя, который не был бы строгим. Правительство стало слишком строгим учителем. Если они не нравились нам, когда мы были детьми, с какой стати мы должны любить их сейчас? Мы всегда считали старост стукачами, а сейчас вы, ребята, ведете себя, как старосты. Давайте к нам!

Военные начальники пробирались в наш лагерь каждые несколько минут, чтобы кого-нибудь сграбастать. Драки разгорались и стихали. Поговаривали,

что в течение часа солдаты нападут и устроят нам кровавую баню прямо на ступенях Пентагона. Мы верили всему. Ночью, когда телевизионщики свалили, солдаты действительно атаковали. Они арестовали и отместили несколько сотен наших.

Мы осмотрелись и увидели себя со стороны: остатки 100-тысячной армии протестующих. Дистрофанны, изношенная стайка патлатых, белых ниггеров американского общества и антивоенного движения.

Мы стремились, но нам было на кого положиться.

В воскресенье в полночь, спустя 30 часов с момента нашего прибытия, механический голос Большого Брата пророкотал из недр Пентагона, что любой, кто останется здесь, будет арестован. Подкатили здоровенные фуры.

Мы поклялись, что больше никогда не дадим повода нас арестовать, но закончить демонстрацию у Пентагона нужно было максимально театрально.

Офицеры и солдаты запихали 500 наших в фуры в течение 15 минут.

Меня приняли, когда я выполнял религиозный обряд, мочась на стену Пентагона. Это удовлетворило мою маленькую нужду и выразило глубокомысленное заявление. Я требовал, чтобы меня обвинили в «описывании Пентагона», политико-сексуальном преступлении. Вместо этого мне инкриминировали бродяжничество, и я провел за решеткой 30 суток.

После того как нас увезли, прибыли санитарные команды и убрали за нами мусор. Они проявили такую старательность, что к 5 часам утра в понедельник военные дубы вполне могли подумать, что все это им приснилось. Единственное, что осталось невредимым, это наши надписи «ЧЕ ЖИВ», сделанные краской из баллончиков на стенах.

Все машины Системы и все ее люди не в силах смыть кровь за раз.

13: КАК БЫТЬ ЙИППИ

Мы удолбались в хлам, что позволило взглянуть на вопрос с позиции логики.

Это революция молодых.

Это международная революция.

Люди пытаются добиться какого-то смысла, повеселиться, познать экстаз — в общем, основать партию тех, кто любит хорошие пати.

Что получается?

Международная молодежная партия.

¹ Пол Красснер (р. 1932) — издатель сатирического журнала «Реалист», ключевая фигура контркультуры 1960-х и один из создателей йиппи. Когда в 1970-е «Реалист» столкнулся с финансово-выми проблемами, его финансированием занялся Джон Леннон. Красснер также был одним из «Веселых проказников» Кена Кизи. Кроме того, он дружил с Ленни Брюсом и тоже комиковал со сцены, а в 1971 г., спустя 5 лет после смерти Брюса, Груcho Маркс сказал: «Предвижу тот день, когда Красснер займет место Лени. Это по плечу только ему».

² Дин Раск (1909–1994) — госсекретарь США в период 1961–1969 гг., ярый сторонник идеи военного способа устранения «красной угрозы».

Пол Красснер¹ вскочил и заорал:
— *ЙИП-пи! Мы — йиппи!*
Движение можно было считать родившимся.

Каждый из нас в той комнате, в канун Нового года, знал, что через несколько месяцев «йиппи» станет повседневным словом.

Эбби, Анита, Пол, Нэнси и я принялись скакать по комнате, неистово йиппя.

Согласятся ли люди называть себя йиппи?

Парой месяцев ранее в город прибыл Дин Раск², в связи с чем мы носи-

лись по улицам, поджигая помойные баки, забрызгивая кровью проезжающие лимузины и мешая транспортному движению. И пока мы бегали, мы кричали что-то напоминающее звук «йиппи».

«Йиппи» — это крик, несущийся по улицам.

Йиппи – это неорганизованная, неполитическая партия – Международная молодежная партия. Актер в этом грандиозном спектакле – тоже йиппи. И боевой клич: **йиппи!**

Мифы предлагают детям модель, с которой можно себя отождествлять.

Американские мифы – от Джорджа Вашингтона до Супермена и от Тарзана до Джона Уэйна – мертвые. Поэтому американской молодежи приходится создавать мифы самой.

Новый герой родился с косяком в зубах во время блокады Пентагона, но миф, который мог бы его охарактеризовать, еще не сформировался. Не существовало мифов, которые могли бы обрисовать всех 14-летних канзасских фриков, глотающих кислоту, отращивающих патлы и косящих от призыва домой или в школу. Не было мощей, изображающих всех тех художников, которые сбегали из тюрьмы среднеклассовой Америки, чтобы жить и создавать искусство на улицах.

На планете завелся кислотный марксист, психоделический большевик. Он не чувствовал себя комфортно среди Студентов за демократическое общество, он не был интеллектуалом с кампуса или хиппи, проповедующим власть цветов. Обдолбанный политикан. Гибрид нового левого и хиппи вылился в нечто совершенено новое.

Фрик, дерущийся на улице, отщепенец со стволовом на бедре. Такой страшный, что среднеклассовая каста в ужасе от его внешнего вида.

Хайрастый, бородатый, рехнутый ебанат, чья жизнь – театр, каждую минуту создавал новое общество, разрушая старое.

Это была сухая реальность. Мифу требовалось обрасти энергетическим полем.

Йиппи выковали этот миф и вдохновили потенциальных йиппи во многих городах и деревнях по всей стране выбросить свои учебники и освободиться.

Йиппи планировали использовать Демократическую партию и события в Чикаго 1968 года для построения собственной политической арены и создания мифа; мы должны были переманить на себя прессу у демократов и создать призрак йиппи, который поставил бы всю Америку на уши.

Миф реален, если он помогает людям реализовывать их личные мечты и фантазии.

Миф всегда крупнее человека. Например, миф о Че Геваре намного могущественнее, чем он сам. Миф о Студентах за демократическое общество сильнее этих студентов.

Миф о йиппи свернет шею правительству.

Миф совершают революцию. Маркс – это миф. Мао – тоже миф. И Дилан – миф. Не говоря уже о «Черных пантерах».

Люди пытаются соответствовать мифу; и это выявляет в них все самое лучшее.

Секрет мифа о йиппи заключен в его абсурдности. Его базовый информационный посыл – чистый лист бумаги.

Левые немедленно атаковали нас как аполитичных, иррациональных, ужратых кислотой фриков, пытающихся свести «политический бунт молодежи» к дури, рок-музыке и забастовкам. Хиппи видели в нас марксистов в психodelическом шмотье, которые глотают что попало, рубятся от рока и забастовок, чтобы сделать молодежь более радикальной перед лицом полицейских дубинок.

Хиппи смотрели на нас как на политиков, а политики – как на хиппи. Только правые разглядели в нас то, чем мы были на самом деле.

Слоган йиппи гласит: «*Восстань и скинь ползучего зануду!!!*» Проправительственная пресса решила, что «ползучий зануда» – это Линдон Джонсон, которого мы хотим вышвырнуть из Овального кабинета.

В ответ мы захотели, потому что любили Джонсона. Он был нашим лидером, основателем, гуру. Где бы мы были без него?

У каждого есть персональный ползучий зануда — отметки, долги, прыщи. Йиппи — это движение добровольцев. Для йиппи не действуют никакие идеологические требования. Напиши свой собственный слоган. Протестуй против личной проблемы. Каждый человек — йиппи сам по себе.

Все, что нужно сделать, чтобы стать йиппи, — это стать йиппи.

Йиппи — это лишь повод побузить.

Если ты спрашиваешь: «А йиппи правда существуют?» — ты не йиппи.

Если говоришь: «Йиппи нет в природе», — ты не йиппи.

Прошлогодние йиппи — это уже респектабельно.

Нынешние йиппи — отстой.

Йиппи достаточно фрикаделичны для того, чтобы детишки могли сказать:

— Э, да я тоже могу так шизить!

Когда найдутся люди, которые офорнарят еще хлеще, чем йиппи, настанет время хоронить движение.

Йиппи считают, что социальная революция не произойдет, пока не будет перестройки в головах, и наоборот.

Не существует такого понятия, как ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ЙИППИ. В мире насчитывается 646,5 миллиона йиппи, и каждый из них — ЛИДЕР. Йиппи — это лидеры без последователей.

Йиппи делают что, где и когда захотят. Йиппи знают, что только мы вменяемы, а все остальные спятили, поэтому мы называемся «шизоидами».

Йиппи говорят:

— Если это не весело — не делай.

Мы рассматриваем секс, рок-н-ролл и дурь как часть коммунистического заговора с целью захвата Америки.

Мы плачем, когда смеемся, и смеемся сквозь слезы.

Для того чтобы быть йиппи, необходимо таращиться в цветной телик, особенно в новости, как минимум, два часа в сутки.

Йиппийная идея веселья заключена в том, чтобы скинуть правительство.

Йиппи — маоисты.

Йиппи — эксгибиционисты, потому что воплощают свои мечты на публике.

Мы отомстим за Че.

Репортер:

— Откуда у йиппи деньги?

Йиппи:

— А откуда у Папы Римского кольцо?

Йиппи — это городские сумасшедшие. Нам комфортно в дорожной пробке.

Левые требуют полной занятости для всех — мы требуем вселенского безделья. Мир обязан дать нам жить!

Правые готовы обосраться, когда слышат, как йиппи разоблачают самую нелепую политическую проблему в сегодняшней Америке — платные туалеты.

Йиппи мечтают пробежать нагишом по коридорам здания Конгресса.

³ Рональд Рейган (1911–2004) — губернатор штата Калифорния в период 1967–1975 гг. Вошел в историю штата как автор Кровавого четверга, когда отправил 2200 бойцов Национальной гвардии на подавление молодежного бунта в Беркли 15 мая 1969 г.

Йиппи проводят секретные стратегические встречи с Ронни Рейганом³, планируя, как радикализировать студентов Беркли.

Йиппи закидываются на выступлениях Фиделя.

Мы начали йиппить с офиса, списка почтовой рассылки, трех телефонных линий, пяти оплачиваемых менеджеров и еженедельных сборов.

Мы были самыми трудолюбивыми и наиболее дисциплинированными сотрудниками, каких вам доводилось встречать, несмотря на пропаганду праздности и отсутствия самоорганизации.

Марихуана — это бонус на всех сборищах йиппи.

Йиппи завтракают кислотой, чтобы приблизиться к действительности.

Холден Колфилд — йиппи.

Старый Никсон был йиппи; Новый Никсон — из другого теста.

Йиппи полагают, что все не-йиппи – это подавленные йиппи. Мы пытаемся разбудить йиппи в каждом.

Йиппи прокламируют: *Все правильные мифа, выпадай-те! Вам нечего терять, кроме накрахмаленных рубашек!*

Революция начнется тогда, когда все станут ЙИППИ!

14: НАШИ ЛИДЕРЫ – СЕМИЛЕТНИЕ ДЕТИ

Америка говорит: **Нельзя!**
Йиппи твердят: **Действуй!**

Все, что делают йиппи, направлено на детей от трех до семи лет.

Мы – нарушители детского спокойствия.

Наш посып: не взрослейте. Взросльеть – значит *передавать ваши мечты*.

Наши родители развязали геноцид против собственных детей. Экономике совсем не нужна молодежь. Все уже построено. *Наше существование – это преступление*.

Следующий логический шаг – нас убить. Потому Америка призывает своих юных ниггеров и отправляет их умирать во Вьетнам.

Функция школы проявляется в том, чтобы уберечь белокожих учеников из среднего класса от улиц. *Старшие классы и колледжи – не что иное, как веселые агентства по найму нянек*.

Вьетнам и образовательная система – это два главных фронта американского геноцида молодого населения. Два других – тюрьмы и психушки.

Америка утверждает: *история остановилась*. Подстраивайся. Лучшая система во всей биографии человечества готова – она ваша. Ничто иное невозможно, ибо человек эгоистичен, корыстен и испорчен первородным грехом. Тот, кто не подойдет этот системе, окажется за решеткой.

Но для многих людей мира история только начинается. Мы, дети, хотим начать с нуля, перестроить все, начиная с первой зарубки.

Мы хотим быть героями, как те, о ком мы читали в учебниках истории. Мы пропустили Первую американскую революцию. Мы не застали Вторую мировую войну. Нам не удалось поучаствовать в Китайской и Ку-

бинской революциях. Стоит ли в связи с этим провести остаток дней перед ТВ с прилипшей к лицу ухмылкой?

Общество, подавляющее дух авантюризма, делает из репрессий приключение для диссидентов.

Республиканские коты-толстопузы видят, как их отпрыски становятся лидерами Студентов за демократическое общество. Отпрыски агитаторов за войну превращаются в хиппи. Детей сенаторов загребают на вечеринках за траву.

Повальная война срезает все различия между классами и расами, принося революцию в каждую гостиную.

В 1968 году революция опрокинула старшие классы. Скоро она придет в средние школы, а оттуда перекинется и на начальные.

Лидеры революции — семилетние дети.

15: НЕ ДОВЕРЯЙ НИКОМУ СТАРШЕ СОРОКА

«НЕ ДОВЕРЯЙ НИКОМУ СТАРШЕ 30».

Так сказал Джек Вайнберг, и 2000 человек из Движения за свободу слова обрели себя.

Пропасть между поколениями разверзлась.

Все соглашались с целями Движения. Правда, некоторые говорили:

— Будьте терпеливы и идите по инстанциям.

Другие кричали:

— Я больше не могу молчать.

Внезапно мы осознали, что происходит. Вместо того чтобы подолгу выяснять у кого-нибудь, в чем состоит его политическая позиция, достаточно спросить, сколько ему лет.

Все, кому было за 30, ратовали за статус-кво взамен идеалов молодежи. Они сидели в дырявой шлюпке, которую штурм швырял по волнам.

— Хватит раскачивать лодку, — любили талдычить они.

Но вскоре за гордый радикальный слоган «Не доверяй никому старше 30» ухватился кое-кто из пожилых консерваторов. Они затянули:

— Подождите, пока вам не стукнет тридцать. Вы будете в точности как мы.

Они рассматривали подростковую ситуацию как мост между пеленками и дорогой в благополучные пригороды.

Кое-кому из нас стукнуло по 30. Ничего не изменилось.

Поэтому мы говорим: не доверяй никому старше 40!

Мы — перманентные тинейджеры.

Мы отрицаем карьеру и ялики среднего класса.

Наша культура, хипповая, патлатая культура, не имеет возрастного ценза. Сорока-, тридцати-, двадцати— и десятилетние живут дружно.

Возраст — какой еще возраст? — мы даже не часов не носим.

Никто никогда не спросит хайрастого чувака, сколько ему натикало. Это контрреволюционный вопрос. Длинные волосы и бороды дарят всем один и тот же возраст.

Когда нам исполняется 35, мы ведем себя так, как будто нам 15.

Мы знаем друг друга только по именам.

Мы живем сейчас.

Либералы вроде газеты *The Village Voice*¹ и Ричарда Дэйли² используют против йиппи то же оружие — возраст. Их рефрен: они — всего лишь кучка 30-летних ребят, пытающихся обмануть американскую молодежь.

Мы смеемся, когда слышим подобное, так как вновь и вновь прыгаем в фонтан юности. Ты стар ровно настолько, насколько хочешь состариться. Твой истинный возраст — в твоих руках.

Мы были рождены дважды.

Сейчас мы переживаем чудо второго — революционного — рождения, которое очень важно.

Я родился в Движении за свободу слова в Беркли в 1964 году.

Следовательно, мне пять лет!

Когда *The Village Voice* и Дэйли заводят пластинку о недоверии ко всем, кому за 30, я отвечаю:

— У меня в запасе 25 лет!

Взрослесть — значит коллекционировать мусор. Оставаться юным — это избавляться от мусора, который сам плывет в руки. Я за то, чтобы разрешить голосовать с пяти лет и запретить голосовать всем, кому за 40, если только они не согласятся выблевать весь свой хлам.

¹ Газета, основанная в 1955 г. в Нью-Йорке Эдом Фэнчером, Дэном Вульфом и писателем Норманом Мейлером. Изначально распространялась в богемном районе города, где и делалась, — в Гринвич-виллидж (отсюда и название). В 1960-е дистрибутивная сеть росла и вскоре охватила весь Нью-Йорк. «Голос Деревни» выходит и в наши дни.

² Ричард Джозеф Дэйли (1902–1976) — мэр Чикаго в период 1955–1976 гг., ключевая фигура в Демократической партии, в частности в администрации Джона Кеннеди и Хуберта Хамфри. Сын Р.Дж. Ричард Майкл Дэйли (р. 1942) занимает пост мэра Чикаго с 1989 г. по настоящее время.

³ Берtrand Рассел (1872–1970) — британский философ, математик, историк, правозащитник и политический активист, выступавший против войны во Вьетнаме, гонки вооружений и т.д. Нобелевский лауреат в области литературы.

Одним из самых юиппичных юиппи был Берtrand Расселл³, участвовавший в сидячей забастовке, когда ему было 90. Никита Хрущев в свои 60 стучал ботинком по стойке ООН в ребяческом приступе гнева. У юиппи нет срока годности!

Тебе не удастся использовать свой физический возраст в качестве отговорки.

1950-е были поворотным моментом в истории Америки. Те, кто вырос до 1950-х, сейчас живут в мире ментального нацизма, концлагеря, экономической депрессии и сталинской фантазии. Мечтатели среди тех, кто вырос до 1950-х, попадаются крайне редко.

Дети, выросшие в эпоху после 1950-х, живут в галактике супермаркетов, цветной телерекламы, партизанских войн, международных масс-медиа, психоделиков, рок-н-ролла и прогулок под луной. Для нас нет *ничего невозможного*. Мы можем *все*.

Бездна между поколениями стала величайшей в истории. Пятидесятилетним *нечему* нас учить. Именно поэтому школьная система разваливается на части.

Это поколение становится все более отчаянным. Мы, мечтатели, пришли разбудить правильную Америку от сна и заблуждений.

Они жили во времена, когда Германия строила концлагеря для евреев и других аутсайдеров.

Отправят ли они нас, своих собственных детей, в концлагеря?

16: «ТЕТЯ СЭЙДИ, ХАЙР – ЭТО КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР!»

Мое первое знакомство с коммунизмом повлекла за собой семейная интрига и бесподобный куриный бульон. В каждом семействе есть своя паршивая овца. В моем ею была тетя Сэйди из Нью-Йорка.

— Она ездила в Россию встречаться со Сталиным, — сплетничали родственники.

Когда я был маленьким, мы часто навещали тетю Сэйди, и она подавала нам лучший куриный суп в природе.

Она всегда говорила:

— Джерри, ты наверняка еще голодный. Пожалуйста, поешь еще чуть-чуть, дорогой. Поешь еще хорошего куриного супа.

И она подливала еще половник в мой, уже льющийся через край, суп, шепча на ухо:

— Капиталистам нужна безработица, чтобы мало платить сотрудникам.

Потом я утратил связь с тетей Сэйди и незаметно сам стал белой вороной в семье. И вот однажды днем тетя Сэйди постучала в дверь моей квартиры в Нижнем Ист-Сайде. Я не видел ее десять лет.

— Тетя Сэйди, — закричал я, обнимая ее, — я теперь тоже коммунист!

Она даже не улыбнулась.

Может, она уже не была коммунисткой?

— Тетя Сэйди, в чем дело?

Она колебалась.

— Джерри, а почему ты не подстрижешься?

Я налил ей здоровую тарелку великолепного куриного супа Нэнси и начал:

— Тетя Сэйди, хайр — это коммунистический заговор! Длинные волосы раздражают оппонентов куда больше, чем идеология, потому что длинные волосы — это способ узнавать себе подобных на улице. Мы — новое меньшинство, национальное сообщество патлатых, новая субкультура, новое сословие. Молодые счи-

тают короткие стрижки признаком авторитарности, дисциплины, несчастья, скуки, ненависти, жестокости, а длинные волосы — свободой и открытостью. Наша стратегия в том, чтобы слямзить детей у буржуазии. Прикинь, вчера я шел по тротуару, мимо ехала машина. На переднем сиденье — родители, на заднем — мальчик лет восьми. Так вот, он показал мне сжатый кулак, типа по *pasaran*.

— Но, Джерри... — пробормотала тетя Сэйди.

— Тетя, *длинные волосы — это наша черная кожа*. Патлы превращают белую молодежь из среднего класса в ниггеров. Америка предстает перед тобой совсем иной страной, когда у тебя солидный хайр. Мы — изгои. Мы, дети из семей среднего класса, чувствуем себя индейцами, черными, вьетнамцами, отщепенцами американской истории...

¹ Джордж Уоллес (1919–1998) — четырежды избирался губернатором Алабамы (в 1962, 1970, 1974 и 1982 гг.) и четырежды баллотировался на пост президента США: в 1964, 1972 и 1976 гг. — от Демократической партии, в 1968-м — от Американской независимой партии. Прославился как неистовый противник расового равенства. Вступив в должность в 1962 г., он произнес речь, в которой были слова: «Сегрегация сегодня, сегрегация завтра, сегрегация навсегда!» Уоллес неоднократно предпринимал попытки воспрепятствовать расовой интеграции в своем штате. В частности, эпизод, когда в 1963 г. он попытался помешать чернокожим студентам пройти в аудиторию Университета Алабамы, даже вошел в фильм «Форрест Гамп». В этой же ленте есть кадры, воссоздающие картины покушения на Уоллеса 5 мая 1972 г.

— Но, Джерри, — перебила тетя Сэйди, — негры в гетто занимаются только тем, что делают плохо себе же. Я имею в виду, этот вандализм и все такое...

— Длинные волосы обнажают любой конфликт, тетя Сэйди. Это постоянная конфронтация. Каждому приходится становиться актером и революционером в обществе пассивных потребителей. Носить длинные волосы все равно что говорить «здравьте» всем, кто идет тебе навстречу. Пара человек автоматически ответят «привет», а остальные преисполнятся ярости за то, что ты нарушил их микроклимат.

— Джерри, тебе есть что предложить обществу. Подстригся бы только. Люди над тобой смеются. Тебя никто не принимает всерьез.

— Слушай, тетя Сэйди, именно *длинные волосы* заставляют их принять нас всерьез! Куда бы мы ни пошли, мы стоим против войны во Вьетнаме и Уоллеса¹, за раздрей на кампу-

сах и траву. Мы — живая телереклама революции. Мы — ходячие транспаранты. Каждый ответ хайрастым создает моральный кризис среди правильных. Мы вынуждаем старших выносить все свои комплексы на поверхность, выдавать свои подлинные мысли.

— **Мысли-шмысли, Джерри.** Вот я в твои годы была радикалкой. Нас приглашали на съезд в Советский Союз, чтобы встретиться со Сталиным. И кого отправили, чтобы представлять нас? Я тебе скажу кого. Они отправили нас, реалистов, чистых и опрятных. У меня не было длинных волос. От меня не пахло...

— Тетя Сэйди, я не хочу ехать ни на какие ебаные съезды, — сказал я.

— Это неважно, — ответила она, внезапно отодвинув полную тарелку хорошего супа Нэнси, который так и не попробовала, — но ты должен быть чистым и опрятным. Может, тебя мама учила вонять?

— Тетя Сэйди, не поверишь, но ты недовольна своим телом. Мужчина был рожден, чтобы позволить своей гриве расти, а телу — пахнуть по-мужски. Мы произошли от обезьян и гордимся нашим родством. Мы — дети природы, потерявшиеся в мире машин и компьютеров. Длинные волосы гораздо привлекательнее короткой стрижки. Нам нравятся наши тела. Мы даже иногда нюхаем свои подмышки. Старшие любили говорить нам, что черные плохо пахнут. Мы спрашивали: «Что плохого в неграх?» — а они отвечали: «Ты когда-нибудь стоял так близко к ним, чтобы понюхать?» Если представитель среднего класса скажет о них такое сейчас, он получит мощный черный хук с правой, поэтому теперь он ополчился на хайрастых. Мы спрашиваем: «Ты когда-нибудь подходил достаточно близко, чтобы понюхать нас?» — а он кричит: «Иди, прими душ!» Американцы — пуритане. Американцы боятся секса. Америка создала тюрьму, в которой каждый мужчина думает, что он должен быть суперменом и воспринимать чувственность как слабость. Женщинам вбивают, что напористость не женственна. Так и получается, что морпехи едут во Вьетнам и получают отставку у тамошних женщин. Длинные волосы — это начало нашего освобождения от сексуального угнетения, кото-

рое сопровождает все военное общество. Посредством хайра мы вовлечены в изнасилование, которое скоро уничтожит политico-экономическую структуру американского общества!

— Да поможет тебе Бог, если уничтожит, **Джерри**, — вскричала тетя Сэйди, по щекам которой струился куриный суп из слез, — но твои действия повлекли бы куда больший эффект, если бы ты подстригся и прилично оделся!

Подружиться у нас не получилось бы никак. Печально, что две паршивые овцы в семье не могли найти общий язык.

— **Джерри**, — сказала тетя Сэйди, вставая, чтобы уйти, — просто запомни одну простую вещь: в мире всего два класса людей — буржуазия и рабочие. Ты можешь быть либо на одной стороне, либо на другой. И к волосам это не имеет никакого отношения. Если бы ты постригся! Ведь только себе хуже делаешь...

Я обнял ее, взял 20 баксов, которые она вручила мне, чтобы я «купил что-нибудь нарядное», и помахал на прощанье.

— Ты там поосторожней, тетя Сэйди, — крикнул я ей вслед, — некоторые из самых хайрастых людей, каких я знаю, — совершенно лысые!

17: ДУРЬ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕЛЕГАЛЬНОЙ

Марихуана делает каждого Богом.

Дунь, и тебе сразу захочется перевернуть мир вверх тормашками. Никогда не говоришь «моя дурь» — всегда «наша дурь». Все для всех. Коммунистический наркотик.

Дурь стирает условности. Все границы, выстроенные между нами для собственной безопасности, исчезают.

Трава путешествует по комнате как многоразовый воздушный поцелуй. Кури траву с утра. Поднимай настроение на целый день.

Восьмичасовой рабочий день — твой враг.

Когда накуришься, наслаждаешься одной-единственной вещью — текущим моментом. Минута проходит как час, час длится минуту.

— *Черт побери, я продинамил встречу.*

Все назначенные дела и расписания, сроки и объемы работ летят в анус. Мужчина может делать что угодно, когда ему того захочется.

Марихуана — это уличный театр одного рассудка.

Марихуана распускает школы. Образование влечет закоснелость. Дурь раскрепощает. Школа делает нас циниками. Дурь превращает в мечтателей.

Образование вбивает нам в головы понятия, категории, классификации, концепты. Дурь очищает мозг и представляет все как один огромный беспорядок.

Мы падаем под стол от гогота, когда наши профессоры, преподы и всякие эксперты — люди, у которых мы должны чему-то учиться, принимаются обсуждать культуру, траву или нас. Мы чувствуем себя как примитивные племена, когда к ним присоединилась Маргарет Мид¹ с карандашом и бумагой.

Слышать, как кто-то, кто никогда не курил траву, начинает о ней рассуждать, все равно, что брать мастер-класс по сексу у монашки.

Единственный эксперт в этом деле — тот, кто пробовал.

¹ Маргарет Мид (1901–1978) — американский антрополог, очень популярная в 1960–1970-е гг. Прославилась изучением жизни в племенах Самоа и Папуа — Новой Гвинеи.

Семьи, где родители курят с детьми, не распадаются.

Трава – магический наркотик, поскольку может заполнить эту пропасть между поколениями. Каждый должен попробовать зажечь со своими родаками. Марихуана молодит, воскрешая в памяти старших их юность.

Тем не менее случаи, когда родители отваживаются попробовать траву, крайне редки. Они говорят о марихуане так же, как их родители говорили с ними о мастурбации. Сколько тысяч детей отправили в психушки собственные родители именно из-за дури! Школы уже не так эффективны, как тюрьмы: единожды оказавшись в дурдоме, назад насовсем уже не выйдешь.

Профессора очкоуют ходить на студенческие вечеринки, потому что там им могут сунуть косяк. А косяки – вне закона. А если они вне закона, значит, за них могут посадить. А если посадят – работы уже не видать. Логика страха. У человека, который чего-то боится, учиться нечему.

В 1968 году марихуана в армии распространялась, как чума. В 1969 году начальство констатировало падение боевого настроя и даже неповинование среди военнослужащих.

Чем трава вдохновляет Вьетконг и истребляет дух американских вооруженных сил? Вам ответит каждый планокур: марихуана – это сыворотка правды. Вьетконговцы защищают свои семьи и дома – их смерти благородные и героические. Американцы, в свою очередь, сражаются за нечто невидимое, неосозаемое, нематериальное. Их гибель глупа и напрасна.

– Зачем мне умирать на холме Гамбургера? – спрашивает накурившийся американский солдат, целясь из винтовки в командира, который приказал ему сдохнуть на возвышенности, лакомой только для Вьетконга.

Тем, что Пентагон пытается остановить траву в армии, он рискует уничтожить армию как таковую. Но, если верхушка оставит вооруженных куряг в покое, военные базы очень скоро станут не менее энергичными и бесконтрольными, чем кампусы.

А что будет, когда все эти вояки вернутся домой?

— Что же это получается — я достаточно взрослый, чтобы сражаться и умереть, но недостаточно зрелый, чтобы дуть?

Новые левые сказали: протестуем.

Хиппи ответили: да ради бога.

Трава истребила левизну как движение меньшинства и воздвигла на ее месте мощную молодежную культуру.

Дурь показывает, что наша жизнь под угрозой. Став планокуром, ты сталкиваешься с миром копов, тюрем, судов, обвинений, наркополисменов под прикрытием, параноией и перманентной войны с родителями.

Из целого поколения «цветочных» куряг сделали преступников. Они представляют собой куда больше, чем 200 000 человек, сидящих за дурь. Пока за решеткой хоть один планокур, все они будут вне закона. Слюнявая солидарность.

Трава учит относиться с неприязнью к закону и судам. Кому ты больше доверяешь: Ричарду Милхаусу Никсону² или собственным органам восприятия?

В действительности мы такие, какие мы под травой.

Пьянчуги бухают поодиночке. Они нажираются до свинского состояния. Блюют на себя. Отключаются на полуслове. Алкоголь вырубает чувственность.

Планокуры дуют в компании. Мы курим и накуриаем друг друга. Как мы совершим революцию без друзей?

Узаконить дурь значило бы расколоть общество.

Пусть она остается нелегальной, и тогда скоро грянет революция.

² Ричард Никсон (1913–1994) — президент в период 1969–1974 гг. Единственный президент в истории, который ушел из Белого дома через процедуру импичмента. Поводом послужил Уотергейтский скандал — история с прослушиванием штаб-квартиры Демократической партии, в которой были замешаны люди из высших эшелонов власти, в том числе и сам президент. Никсон запомнился как упорный сторонник военной кампании во Вьетнаме, позднее введший войска и в Камбоджу, а также как реакционер, особенно в отношении молодежных протестов.

18: ХО ШИ МИН – АГЕНТ ЙИППИ

— Цель революции — распахнуть все двери и сломать замки, — заявил я таможеннику, когда он затолкал меня в какое-то помещение и закрыл, дабы удостовериться, достаточно ли я вменяем, чтобы посетить Канаду.

— Вы употребляете наркотики? — осведомился он.

— Конечно, — ответил я. Не умею врать.

Рука, которой он писал, замерла. Он решил перепроверить.

— Какие именно?

— «Кока-колу».

— Вы поддерживаете государственный переворот в Канаде?

— Нет, — ответил я, поскольку был еще в США. Не думаю, что можно поддерживать переворот в стране, в которую ты еще даже не въехал. В Штатах до фига чокнутых ебанатов, которые поддерживают перевороты во всех странах, кроме их собственной: Китае, России, Кубе, Северном Вьетнаме.

Наконец он меня взбесил.

— Иди в жопу! — закричал я. — Не существует такой штуки, как граница США и Канады. Она есть только в твоей башке. Усы, лапы и хвост — вот мои документы!

Я попытался схватить его, чтобы сорвать с него форму. Она была барьером между нами.

— Это прекратится только тогда, когда вы выкинете свои карандаши. Пойдем со мной по кампусам! Ты познаешь настоящий секс, наркотики, бунты и свободу.

— Я всего лишь выполняю свою работу, — ответил он.

Я оправдался перед ним — наврав — и получил разрешение на пересечение границы. Меня пригласили в Университет Британской Колумбии в качестве подстрекателя к мятежу. В течение двух часов я общался с 2000 человек. Люблю толпу. Нашим родителям толпа напоминает о Гитлере и массовой истерии. Для нас она означает свободу.

Под аплодисменты и улюлюканье я накинул на плечи вьетконговский флаг.

— Земля, на которой мы стоим, — это освобожденная от оккупации территория! — кричал я. — Какое бы правило нам ни попадалось, наш долг его нарушить. Общество сделало из нас копов, заставило ограничивать друг друга. Только нарушая правила, мы познаем себя. Мы обязаны уничтожить университеты, снести это здание, сломать тюрьмы и написать «хуй» на каждой чистой стене. Школа учит нас быть критиками жизни. На хуй критиков! На хуй критику! Перестаньте быть критиками и начните жить! Не сидите там, думая: «Я согласен с ним в этом вопросе и не согласен в том». По херу, *согласны* вы со мной или *нет!* Это трип для академиков. Мне не важно ваше согласие или несогласие. Мне плевать, что вы поддерживаете, а что отрицаете. Мне нужна *ваша жизнь*. Революции нужны ваши тела.

Страсти накалялись.

— Есть ли место на этом кампусе, которое нужно освободить? — спросил я.

— Факультетский клуб, — выкрикнул кто-то.

Несколько человек пошли в заданном направлении. Потом все две тысячи ринулись вслед за ними.

Мы вломились в крохотную прихожую. Профессоры охренили и начали проливать суп на пиджаки. Мы принялись освобождать помещение.

Первым, что мы освободили, стало спиртное — напитки передавались по рядам всем желающим. Через час повсеместно курилась трава. Кое-кто крутил косяки из пяти- и десятидолларовых банкнот.

Некоторые поснимали шмотки и попрыгали в бассейн. Один студент встал на стул и торжественно сжег свою чековую книжку. Кто-то снял с меня выетконговский флаг. Вскоре он уже развивался над зданием.

Телевизионщики примчались, чтобы проинтервьюировать освободителей.

Люди тем временем продолжали спрашивать друг друга:

— Зачем мы это делаем?

Никто не понимал. Парни из университетских обществ, студенты бизнес-школы, будущие профессоры,

хиппи, радикалы, паиньки, коротко стриженные, хай-растые, с усами и без. Здесь присутствовали все кампусные типы. Мы разбудили в себе какие-то простые, но неизведанные эмоции.

Глава Факультетского клуба, профессор коммерции, попытался кооптировать себя в число пайщиков оргии. Он встал на стул, поблагодарил всех за то, что пришли, и пригласил остаться на обед.

— Раньше ты нас не приглашал, — крикнул кто-то.

Комната наполнилась свистом, и профессор потерял самообладание.

— Вы воруете спиртное. Мы могли вызвать полицию, и вас бы арестовали. Но до тех пор, пока вы ничего не спалите, можете оставаться.

Оргия продолжалась 36 часов и оказалась для Канады травматичной. Степенная пресса страны не могла взять в толк, что происходит: как вышло, что послушные канадские студенты внезапно подняли инфантальное восстание?

«Печальное зрелище, — писала Vancouver Province, — когда такой жулик-коммивояжер, как Джерри Рубин, может превратить кое-кого из студентов в сброд... Обнадеживает реакция официальных студенческих лидеров, которые разглядели в Рубине шоумена-подпевалу, чьи аргументы об университетской реструктуризации здесь не действуют».

Политические комментаторы Америки всегда ищут причины за пределами раздрай на кампусе. Они винят войну во Вьетнаме. «Как только война закончится, на кампусах все устаканится», — думают они.

Освобождение Факультетского клуба 24 октября раскрывает запрещенную истину. Никаких требований в рамках освобождения предъявлено не было. В нем не было ни малейшего политического смысла. Это была спонтанная акция. Правда была скрыта в самом факте мероприятия.

Мы не протестуем против проблем; мы протестуем против Западной цивилизации. Мы ни на чем не зацекливаемся, поэтому в любой момент можем вернуться к нормальной жизни; но нормальная жизнь нас уже забала!

Революция бессловесна и не знает ни границ, ни рубежей.

Если бы Вьетнамской войны не существовало, мы бы ее изобрели.

Если Вьетнамская война закончится, мы найдем другую.

Дядюшка Хо – агент йиппи.

19: КАЖДОМУ РЕВОЛЮЦИОНЕРУ – ПО ЦВЕТНОМУ ТЕЛЕВИЗОРУ!

Уолтер Кронкайт — лучший организатор движения Студентов за демократическое общество. Дядя Уолтер показывает карту США с кругами вокруг кампусов, взрывающихся день ото дня. Он дает репортажи с полей сражений.

И любой студент начинает думать: «Ого! Я тоже хочу, чтобы мой кампус был обведен кружком на карте!»

Телевидение генерирует принцип домино: один кампус пал — за ним посыпались остальные.

Первая «студенческая демонстрация» вспыхнула перед объективами телекамер как миф в 1964 году. В это время первому поколению людей, воспитанных на телевидении, стукнуло по 9–11 лет. «Как только мне выпадет шанс, — подумали они, — я тоже так сделаю».

Шанс выпал пятью годами позже, когда они пошли в старшие классы школ, — в 1969-м! Школы детонировали! По государственной статистике, трое из пяти старшеклассников имели тогда «что-то вроде склонности к активному протесту».

ТВ выращивает поколения детей, которые хотят стать демонстрантами, когда вырастут.

Вы когда-нибудь видели скучную демонстрацию по ТВ? Уже сам факт попадания на экран делает демонстрацию увлекательной. Даже линии пикетчиков выглядят захватывающими. Телевидение создает миф, намного превосходящий реальность.

Демонстрации делятся часами, и большую часть времени ничего не происходит. Сразу после акции мы не семся домой к ящикам, чтобы поглязеть шестичасовые новости. Обзор драматических событий. ТВ упаковывает все зрелище в две минуты — в рекламный ролик революции.

Чистая идея «истории» революционна, потому что «история» подразумевает разрушение сложившегося уклада жизни. Каждый репортер — это драматург, создающий театр жизни.

Уличная преступность – это новость, закон и порядок – отнюдь. Революция – это новость, а статус-кво – нет.

СМИ не передают новости, они их создают. Событие по-настоящему происходит, когда о нем отрапортировали по ТВ, и тогда же оно становится мифом.

СМИ далеко не «нейтральны». Присутствие камер переиначивает демонстрацию, обращая нас в героев. Если есть прессы, у нас больше шансов победить, несмотря ни на что, ибо, какая бы напасть ни приключилась, в ближайшие часы о ней узнает весь мир.

Телевидение заставляет нас радикализировать тактику; тактика становится неэффективной, если не рождает сплетни, иными словами, «новости».

Политики получают эфирное время тупо под заявления. Рокфеллеру не нужен транспарант, чтобы добиться своего. Но обычным людям необходимо выйти на улицу, чтобы оказаться на телевидении. Даже один человек, делающий правильные вещи в правильное время, в силах создать миф. Одна ошибка в никсоновской речи может обойтись для него ролью второго плана.

ТВ идет за теми, у кого кишка не тонка и все в порядке с воображением.

Я никогда не понимал радикалов, которые приходят на ТВ в пиджаке с галстуком. Вырубите звук, и его вполне можно принять за мэра!

Слова могут быть маргинальными, но телевидение – это невербальное средство коммуникации! Лучший способ понять телевидение – это выключить звук. Слов никто непомнит; мозг – это цветной диапроектор.

Я ни разу не видел «плохого» освещения демонстрации. Неважно, что про нас говорят. Историю творят кадры съемки.

Наша сила зиждется на возможности вселить страх в сердце врага: так что, чем больше СМИ преувеличивают, тем лучше. А вот когда прессы начнет говорить о нас в положительном ключе, тогда стоит заволноваться.

Если бы у йиппи был контроль над национальным ТВ, мы могли бы сделать Вьетконг и «Черных пантер»

героями полуобморочных американских домохозяек по всей стране в течение недели.

Движение слишком консервативно в том, что касается использования СМИ. В конце концов, Карл Маркс не знал, что такое телевидение!

Но сегодня ты не можешь быть революционером, не имея цветного телевизора, — он так же необходим тебе, как ствол!

Каждый партизан должен знать, как эксплуатировать массив культуры, которую он пытается уничтожить.

20: FUCK GOD

Умирающая культура уничтожает все, к чему прикасается.

Начинается это, в первую очередь, с языка.

С помощью слов уже никто не изъясняется. Слова утратили эмоциональную силу, интимность, способность шокировать и передавать любовь.

Язык *препятствует общению*.

«МАШИНЫ ЛЮБЯТ SHELL».

Как я могу сказать: «Я люблю тебя», после того как слышу: «МАШИНЫ ЛЮБЯТ SHELL»?

Кто-нибудь понимает, *о чём я?*

Контроль за ниггерами окрещен «законом и порядком». Воровство зовут Капитализмом.

«РЕВОЛЮЦИЯ» В ТУАЛЕТНОЙ БУМАГЕ.

«РЕВОЛЮЦИЯ» В БОРЬБЕ С ЗАПАХОМ ИЗО РТА!

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» ГОЛЛИВУДСКИЙ ФИЛЬМ!

Хоть капля уважения у буржуев осталась?

Но есть слово, которое Америка не уничтожила.

Одно-единственное слово, сохранившее эмоциональную силу и чистоту.

Америка не может его уничтожить, потому что не осмеливается употреблять.

Оно вне закона!

Это последнее слово, оставшееся в английском языке: FUCK !!!

Одним погожим зимним деньком в Беркли Джон Томпсон нарисовал цветным карандашом «FUCK WAR» на листе картона, присел с ним и был арестован в течение двух минут. Еще двое расселись с транспарантами «FUCK WAR». Их тоже замели.

Так родилось Движение за свободу мата.

Каждый в школьные годы мастурбирует словами. Движение за свободу слова распроцталось со своей невинностью: мы вызвали общество на поединок, и копы явились за нами на кампус. Но стоило им свалить, как все принялись онанировать съзнова.

Когда познаешь секс, дрочить уже обламывает. Сексуальная неудовлетворенность на кампусе привела Джона к созданию Движения за свободу мата.

— Никто бы не завелся, если бы я тогда написал «Мочи вьетнамцев», — сказал он.

Потому он написал «FUCK WAR», и три здоровенных литеры привели Великий Университет в глубочайший ступор.

Старшекурсники шалели:

— Бля, мужик, вот до чего докатилось Движение за свободу слова?

Ебаный Кларк Керр, мудной ректор хуйского университета срулил к ебеням. Он сказал, что блядское будущее всего пизданутого универа находится под угрозой. На хуй его, мудака сраного. Он изрек, что, если «FUCK» не изъять на хуй из мозгов и ртов пиздливых студентов, все может обернуться крайне хуево.

Большинство политических радикалов взбесились и отказались защищать «FUCK». Активисты Движений за свободу слова предали ЕБАНоголовых остракизму, сказав, что «FUCK» — это «несерьезно»! Их внезапно пробрал словесный понос.

Все обернулось крайне хуево. По многочисленным просьбам Кларк Керр вернулся и выебал пиздливых студентов. Их вышвырнули из универа и одарили тюремными сроками. Политики положили хуй.

Движение за свободу слова отымели в той же постели, что и Движение за Мат. Оно очень скверно раскололось. Наметилась первая трещина между политическими радикалами и хиппи/йиппи.

Как можно отделить политику от секса? Это одно и то же — политика тела.

ПОЛИТИКО-СЕКСУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: голое человеческое тело аморально согласно христианству и нелегально по американским законам. Нудизм называют «непристойным обнажением». «Ебать» — это грязное слово, потому что нужно быть голым, чтобы это делать. А еще это весело.

Когда кто-то начинает играть с «половыми органами», родители говорят: «Прекрати». Мать совершают преступление по отношению к ребенку этим своим «прекрати».

Нас учат, что наше дерьмо воняет. Нас учат стыдиться того, благодаря чему мы пришли в этот мир, — ебли. Нас учат, что, если мы врубаемся в еблю, мы должны испытывать чувство вины.

Нас учат: телесные удовольствия аморальны!
На самом деле нас учат ненавидеть самих себя!

Пуританство привело нас во Вьетнам. Сексуальная незащищенность обернулась супермужественным трипом по имени Империализм. Американская внешняя политика, особенно во Вьетнаме, бессмыслена во всем, кроме сексуального. Америка пытается впихнуть свой вялый пенис в узкую вьетнамскую щель, стремясь доказать, кто в доме хозяин.

Революция объявляет войну первородному греху, родительской диктатуре, христианской морали, капитализму и супермужественным трипам.

Политическая стратегия йиппи — в сотрудничестве с Билли Грэмом¹. Пусть слово «fuck» остается бранным! В то же время мы, йиппи, будем бороться за право употреблять «fuck» где и когда пожелаем. Это противоречие, но в подобных противоречиях заложен гений революции.

Наша тактика в том, чтобы отправить ниггеров и патлатую мразь на абордаж домов среднего класса, ебстись на полу в гостиной, размахивать канделябрами, мацать спермой картинки с Иисусом, крушить мебель и громить Америку воскресных школ, напалмово-кровавую Америку.

Мы будем делать все, что запрещено.

Мы будем насиливать Америку до тех пор, пока буржуи не передохнут от апоплексии.

Мы обратим американские колледжи в нудистские лагеря.

¹ Уильям Грэм (р. 1918) — американский евангелист. В 1960-е был отчаянным противником сегрегации, отказывался выступать в разделенных аудиториях и посещать ЮАР (из-за апартеида). Поддерживал Мартина Лютера Кинга, неоднократно платил за него залог.

Мы найдем новые вариации совместной жизни и воспитания детей.

БОГ – ЭТО ЙИППИ!

21: ИДЕОЛОГИЯ – БОЛЕЗНЬ МОЗГА

Революция – это то, что происходит сейчас. Мы творим революцию, живя ею.

Что было бы, если бы власть оказалась в руках белых леворадикалов: коммунистов, троцкистов, прогрессивных лейбористов, независимых социалистов, пролетарских интернационалистов Внешней Монголии и остальных ребят из этой каши-малы?

Первыми, кто устроил бы травлю хиппи, стали бы как раз эти «социалистические» свиньи. Нас бы заставили стричься и бриться раз в неделю. Нам бы пришлось принимать душ каждый вечер и садиться в тюрьму за использование матерных словечек.

Секс сделался бы нелегальным, если бы вел к тому, чтобы плодить детей ради мировой революции.

Употребление психodelических наркотиков стало бы государственным преступлением, а на распитие пива требовался бы специальный мандат.

Нас бы обязали посещать курсы политического воспитания минимум пять раз в неделю.

На танцы и рок легло бы табу, а мини-юбки, голливудское кино и юмористические книги оказались бы за чертой закона.

Левые говорят йиппи:

– Вы несерьезны.

Они утверждают, что лишь рабочий класс способен сделать революцию, идя при этом в университетскую библиотеку с New York Times под мышкой. Хоть одного университетского радикала ловили за просмотром ТВ в стельку пьяным, за прочтением New York Daily News или за угаром на бейсбольной игре? Левые ждут, что рабочие придут в университеты.

Йиппи воспримут левых серьезно, когда те начнут писать юмористику. Мы должны упростить политику до уровня текста рок-н-рольной песни.

Левый скорее вручит солдату листовку, чем косяк.

Левые обратили коммунизм в религию со священниками-политруками, определяющими «главную ли-

нию партии». Это христианский трип. Учись и жертвой ради революции. Страдания освободят и тебя, и рабочий класс.

Идеология левых выстроена людьми, работающими на полставки. Один только стиль жизни превращает их риторику в фарс. Они находятся за тысячи миль от своих поступков и идеологии. Как можно быть революционером, ходя в универ днем и посещая митинги вечером? Как можно работать на полставки на революцию, которая длится круглосуточно, без перебоев?

— ВЫПАДАЙ! — кричат им йиппи. *Революция — это не то, что во что ты веришь, не то, к какой организации принадлежишь, и не то, за что голосуешь, — это то, что ты делаешь день за днем, как ты живешь.*

Левые только отгоняют от нас людей, тогда как Никсон, наоборот, их к нам приводит (слава яйцам, он справляется!). Идеологические перебранки о теоретической херне, скучные митинги — это ли судьба революционера? Кто отдаст свою жизнь за подобную головомойку?

Йиппи кричат:

— Ты не узнаешь, что упускаешь, если не пойдешь за революцией! *Йиппи!*

Романтика нашего стиля жизни, свободы и борьбы привлечет на нашу сторону и детей из рабочего класса.

Многие интеллектуалы-радикалы заносчиво называют себя марксистами (бедный Карл). Они звучат, как роботы, чеканя «законы марксизма», гласящие, что революция есть следствие экономической эксплуатации. Тогда выходит, что революция состоится, ТОЛЬКО если стряслась еще одна Депрессия.

Их теории не объясняют главного: революционное движение начинается в богатстве, а не в нищете. Мы не подходим под все их атавистические «научные» категории. Они говорят, что единственный путь для белого среднего класса — это поддерживать. Поддерживать «Черных пантер», поддерживать рабочий класс, поддерживать китайцев.

Йиппи видят в белом среднем классе революционный класс. Мы эксплуатируемы и угнетаемы, потому

боремся за свою свободу. Мы чувствуем вину за то, что мы не черные, не китайцы и не фабричные рабочие. Капитализм умрет по той простой причине, что не сможет ничего дать нашим детям!

На этой ноте либеральные интеллектуалы начинают втирать нам, что революция невозможна в условиях развитого индустриального общества. Но ведь что-то в истории всегда случалось впервые!

Проваливайте из университетов, леваки!!

Смотрите ТВ!

Заведитесь и выпадайте!

Отрывайтесь!

Действуйте!

Первым делом, действуйте. Анализировать будьте потом. Импульс — а не теория — позволяет совершать большие скачки вместо маленьких шагов. Теоретическая основа приходит тогда, когда люди начинают соображать, что они натворили, — после того, как они это сделали. Мао говорит: «Лучше всего мы учимся на наших ошибках».

На протяжении нескольких лет я посещал митинги левых, чтобы вкурить, что там происходит. Потом я начал принимать кислоту и понял: не происходит ничего. Я поклялся больше на такие сборища не ходить. Ну их на хуй!

Ни одно из великих событий в истории движения — от марша на Пентагон до бойни в Чикаго — не началось с леворадикального митинга. Вообще говоря, они в любом случае все прокакали бы.

Йиппи — марксисты. Мы следуем революционной традиции Груcho, Чико, Харпо и Карла.

Чему йиппи научились у Карла Маркса — самого известного, бородатого, патлатого и хиппового фрика, комика и агитатора, так это тому, что из революции необходимо создавать зрелищный миф.

Карл написал и спел свой собственный рок-альбом «Манифест Коммунистической партии».

И эта пластинка скинула не одно правительство.

22: ДЕНЬГИ – ДЕРЬМО. ТОРЧ ОТ СЖИГАНИЯ ДЕНЕГ, ГРАБЕЖЕЙ И ВОРОВСТВА В МАГАЗИНАХ

Сотрудник фондовой биржи выглядит взволнованным. Он говорит:

— Вам нельзя на биржу.

Мы ошеломлены:

— Почему нет?

— Потому что вы — хиппи, и пришли устроить демонстрацию.

— Хиппи? — вопит Эбби, якобы взбешенный подобным предположением. — Мы — евреи, и прибыли посмотреть на торги.

Перед глазами сотрудника всплывает газетный заголовок: «НЫЮ-ЙОРКСКАЯ БИРЖА ДИСКРИМИНИРУЕТ ЕВРЕЕВ».

Мы зарядили чуваку словесный апперкот. Он смягчается.

При нашем появлении на балконе биржа приходит в замешательство. Тысячи брокеров прекращают играть в свою «монопольку» и аплодируют нам. Для них это дикое зрелище — хайрастые хиппи таращаются на них сверху вниз.

Мы кидаем им долларовые банкноты. Парящая наличка наполняет помещение. Брокеры, как хищные звери, карабкаются друг по другу, чтобы сцепать деньги.

— Вот в чем все дело, — кричим мы, — в деньгах!!! Люди в Байяфре голодают!

Мы привносим щепотку реальности в их фантастический мирок.

Тут мы палим, что идут копы. Они хватают нас и оттаскивают к лифтам. Брокеры внизу громко освистывают свиней.

Мы оказываемся посреди фондового рынка в полдень. Мимо нас бродят самые стремные страшилы, ка-

ких мне когда-либо доводилось видеть: коротко стриженные, с длинными галстуками, в деловых костюмах и с кейсами.

Они так серьезны!

Мы начинаем водить хоровод.

А потом принимаемся жечь то, на что они молятся: доллары.

— Нет! Не смей! Не делай этого! — орут они.

Кто-то пытается выхватить у Эбби горящую пятидолларовую купюру, но уже поздно: бумажка — йок!

Собирается толпа; все на пределе. Полиция является, чтобы разрулить ситуевину. Мы бежим в метро.

Три недели спустя *New York Times* рапортует: «Вчера Нью-Йоркская биржа установила пуленепробивающие панели и потолок из металлической решетки, отделяющей торги от посетителей. Представитель биржи сказал, что это было сделано по соображениям безопасности. «24 августа дюжина хиппи кидала доллары с балкона — многие члены биржи не хотели бы, чтобы это повторилось...»

* * *

Большой конференц-зал социалистов был украшен постерами Троцкого, Малькольма Икса¹ и Че на стенах. Меня пригласили на дебаты со 100-килограммовым Фредом Хелстедом, кандидатом в президенты от Социалистической партии рабочих 1968 года. Предмет споров: «Какой будет дальнейшая антивоенная политика?»

Я пришел на дебаты с двумя телохранителями — Китом и Джуди Лэмп. Кит явился в форме констебля, а Джуди изображала беременного агента ЦРУ в тренче с широким воротником; в руках она держала паяльник.

Мне пришлось объяснить наличие телохранителей толпе из 400 человек:

¹ Мальcolm Литтл (1925–1965) — один из самых видных лидеров и икона чернокожих мусульман, основатель ряда организаций и отец многих направлений в движении. Был министром мечетей в Детройте, Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке от «Нации ислама», но со временем все больше расходился с организацией во взглядах и даже начал опасаться за свою жизнь. Как оказалось, не зря: 21 февраля 1965 г. трое членов «Нации ислама» убили его, выпустив 16 пуль.

— Я получил ряд угроз о покушении в преддверии дебатов.

Эти леворадикальные группки пытаются внушить нам, что их дебаты имеют историческое значение. Каждый должен сидеть на своем месте, сложив ручки, как в школьном классе. Выступающему отводится 30 минут на спич и еще 10 минут на контраргументы. Потом молодой троцкистский недоумок обхаживает аудиторию, привлекая на свою сторону активистов и пытаясь разбудить народ для раунда с вопросами. И, наконец, участники мастурдебации получают 3 минуты на то, чтобы сделать резюме.

Правда проклевывается именно в конце.

Моя очередь. Я сыграл Дилана и «Битлов» на портативном фонографе: «Что-то происходит, но ты не знаешь что, ведь так, мистер Джонс?» и «Я — морж».

— Глупый шмак, — крикнула какая-то тетка, — он же не говорит ни слова.

Я был первым в истории социалистического движения, кто не произнес ни слова в отведенное ему для выступления время.

Я сжег призывную повестку. В комнате запахло карнавалом. Все заговорили хором. Музыка сняла запреты.

Потом я запалил долларовую банкноту.

— Почему ты не отдал этот доллар нищему? — спросил какой-то «социалист».

Я был в шоке. «Социалисты» воспринимают деньги точно так же, как капиталисты. Как реалию жизни.

— Как же можно жечь деньги, когда столько людей в гетто в них нуждаются? — осведомился другой «социалист».

Я улыбнулся, и еще одна грязная зеленая бумажка исчезла, испустив дымок. Все помещение пульсировало от коротко стриженных социалистов, которые шипели и свистели против аутодафе долларов.

— Тебе место в шапито, — орали они.

Йиппи повставали и начали жечь купюры.

Деньги — это наркотик. Америка — это одна большая наркокультура, нация рехнутых торчков. А ведь

доллары можно использовать как сигаретную бумагу. Сверни косяк. Курни.

— Чем вы занимаетесь?

Это означает «кем вы работаете?» Работа — это та-
кая вещь, которая приносит деньги. Она определяет
ваш статус. Все наше сознание деформировано благо-
даря зеленому фетишу!

Деньги вызывают раскол между жизнью и работой.
Люди не делают того, что им в кайф, потому что хотят
слышать хруст купюр. Люди не занимаются тем, от че-
го их прет, потому что они вкалывают ради доллара.

Ни один настоящий художник не творил за бабло.
Если твоя мотивация — деньги, ты уже не художник.

Люди воспринимают друг друга не как живых су-
ществ, а как финансовые операции. Средство стано-
вится целью. Деньги разрушают человеческие отноше-
ния.

Фидель Кастро говорит: «Мы отринули все при-
вилегии и неравенства и хотим, чтобы они исчезли
насовсем, но настоящая проблема не в перераспре-
делении доходов или в уравнивании заработных
плат. Мы должны избавиться от гегемонии денег,
навсегда распрощаться с деньгами как таковыми.
Мы не для того затеяли революцию, чтобы более
эффективно отстроить старую систему».

Поскольку деньги — стандарт для системы, люди
осознают себя и свой труд с финансовой точки зрения.
Люди оценивают, удалась их жизнь или нет, через
призму количества дензнаков.

Освобождение приходит лишь тогда, когда мы пе-
рестаем рубиться за бабло и начинаем делать то, что
хочется, как это было в детстве.

*(Если бы Beatles слушали собственную музыку, они бы дав-
но посжигали свои чековые книжки.)*

Товарно-денежное хозяйство аморально и пол-
ностью основано на власти и манипуляции, нарушаю-

щих натуральность обмена между людьми – обмена, который базируется на естественных потребностях. Грабеж – это логичное следствие монетарной системы. Капитализм есть воровство. А система, основанная на кражах, не имеет права порицать кражи. Если что-то бесплатно для одних, оно должно быть бесплатно и для других.

(Лидеры новой молодежи – Бонни Паркер и Клайд Баффору.)

Все деньги представляют собой воровство. Спереть у богатого – сакральный и религиозный акт. А взять то, чего тебе хочется, акт себялюбия и освобождения. Воруя, человек честен с самим собой.

(Воровство в магазинах – это кайф. Не покупай. Стаци. Если вести себя так, как будто это твое, никто и не подумает попросить, чтобы ты за это заплатил.)

Школы и церкви – редкие прошмандовки, когда речь заходит о деньгах. Школы бездушны, потому что понимают, у кого и за что они гребут деньги. Церкви врубаются в понятие прибыли. В церкви эксплуататор чувствует себя, как дома, а воображает, что в раю.

(Попрошайничество на улице в этой стране есть благодатный, освобождающий поступок. В конце концов, какого президента колледжа не назовешь попрошайкой?)

Деньги – это насилие. Деньги – не настолько драматичный убийца, как напалм, но Америка гробит долларом куда больше народу, чем бомбами. Просматривая статистику экспорта-импорта США и стран Латинской Америки, между строк можно прочесть: «детская смертность, человеческая эксплуатация и жертвоприношения, отсутствие малейшей порядочности».

(Деньги – это средство белых для контроля над черными. Понюхай деньги и почувствуй запах власти.)

Деньги служат родителям, чтобы держать детей в узде. Деньги скрепляют семьи, по сути их разрушая.

Деньги выпячивают гордыню, вину, долг, обязательства, ответственность.

(Детям рекомендуется тырить деньги у родителей, потому что это реальное освобождение от монетарной этики – настоящая семья.)

Деньги диктуют: «Будешь ишачить сегодня – сможешь наслаждаться жизнью завтра». Но завтра никогда не настает. Деньги приносят лишь ненужную дисциплину, скуку, страдания, боль.

Америка станет свободной лишь тогда, когда доллар будет бесполезен.

Общество, которое переводит право на питание в разряд привилегий, не заслуживает того, чтобы существовать.

СОЖРИ СВОИ ДЕНЬГИ И УМРИ!

Сожжение денег (*а также кредитных карт, банков и собственности*) – это акт любви и человечности.

23: Я СОГЛАСЕН С ВАШЕЙ ТАКТИКОЙ, НО НЕ ЗНАЮ ВАШИХ ЦЕЛЕЙ

Дайте нам палец – оттяпаем всю руку.

Удовлетворите наши требования, и мы выдвинем дюжину новых. Чем больше ублажишь, тем больше сядем на шею.

Я никогда не встречался с «проблемами» на демонстрациях. Их придумывают те, кто любит ходить на митинги, чтобы часами дискутировать о том, какие проблемы перед ними стоят.

Все, что нам нужно от митингов, – это требования, которые Истеблишмент никогда бы не смог выполнить. Какой удар, когда они делают то, что мы взыскиваем!

Демонстрации не бывают «оправданными». Мы неизменно выдвигаем требования в столь оскорбительной манере, что властные структуры нам навстречу не пойдут никогда. Как только нам отказывают, мы вопим в праведном гневе.

Выполните наши требования, и мы проиграем.

Пошли нас подальше, и в борьбе мы достигнем еще большей любви и братства.

Люди, говорящие: «Я согласен с вашими целями, но не уверен на счет вашей тактики», пахнут ослиной мочой. Цели несущественны. Тактика и акции важны.

Если бы мы решили заранее определиться, какие цели перед собой ставим, мы бы спорили о грядущем обществе следующие 1000 лет. Давайте волноваться о переправе через реку, когда дойдем до берега. *Наша нынешняя цель – сжигать за собой всякий мост, какой мы перейдем.*

Действуй. Действуй. ДЕЙСТВУЙ. Это и объединяет движение. Мы становимся нерушимым сообществом посредством акций прямого действия.

Люди частенько спрашивают:

– Какова ваша программа?

В ответ я сую им бейсбольную карточку или предлагаю заглянуть в «Желтые страницы» («Там наша программа»). *На хуй программы!* Цель революции нивелировать программы, превратив зрителей в актеров. Это DIY-революция, и мы творим будущее с каждым шагом, который делаем.

Кастро говорит:

— Цель кубинской революции — сделать каждого гражданина законодателем.

Представительная демократия — это враг. Цель — повернуть ситуацию таким образом, чтобы каждый был сам себе вождь революции.

Ходи на красный свет.

Не ходи на зеленый.

Старайся раздавать мелочь людям на улице («Вам нужны бесплатные деньги?»). Убедись в том, как испуганно люди берут что-либо — даже деньги — бесплатно!

Если идешь по улице и видишь кого-то, кого захочешь поцеловать, действуй — *поцелуй!*

Приди в банк или какой-нибудь офис и попросись в сортир. Тебе скажут:

— Здесь нет *общественного туалета*.

Сплети ноги, зажмись и заори во всю глотку:

— Мне надо ка-ка!

Добавь, что, если они продолжат отказывать, ты наложишь кучу на полу.

Кучу на полу!

Нэнси, Питера Рэббита и меня выгнали с Ньюпортского фестиваля народной музыки за распространение порнографической литературы после того, как мы вручили монашке листовку с призывом «Трахни первую же монашку, какую встретишь».

Вызови телефонного оператора и попроси ее о свидании, спроси, какой ее любимый цвет, поговори с ней, как с живым существом, а не как с телефонным оператором.

Сядь на авиарейс, распевая «Интернационал», таща с собой гитарный чехол и испанский словарь. Мечта каждой стюардессы — чтобы ее самолет угнали.

Когда проезжаешь мимо будок оплаты на скоростных автострадах, забашляй за несколько машин позади тебя. А еще лучше взорви будку оплаты к чертовой матери: она взимает деньги за проезд по общей земле.

Взорви очередной «МакДак» на бензоколонке – оплот универсальной тирании.

Не уверен – поджигай. Огонь – революционный бог. Пламя – это молниеносный театр. Не существует слов, чтобы описать огонь.

Политики обращают внимание на нищету лишь тогда, когда гетто вспыхивают.

Первое же сжигание повестки стоило Пентагону ощутимой сейсмической активности под фундаментом.

Сожги флаг. Спали церкви.

Жги, жги, жги.

Не существует такой вещи, как плохая тактика. Ничего не пиши. Общество Джона Берча показывает, что эффективным может быть даже написание писем. Я знаю женщину в Айове, которая носит черную нарукавную повязку всюду, даже когда идет в душ.

Отдаляйся.

Отдаляйся.

ОТДАЛЯЙСЯ.

Чем больше людей ты заставишь от тебя отвернуться, тем больше народу приблизишь к себе. Если не отстранять людей, их не притянуть.

Когда планируешь демонстрацию, всегда отводи копам какую-нибудь роль. Большинство вообще не заводится до появления копов. Ничто так не радикализует, как копы. Они и одеты идеально для исполнения роли «плохих парней».

Главная проблема в сегодняшней Америке – это одежда. Братья Маркс – наши лидеры просто потому, что они снуют по ресторанам, срезая у людей галстуки. Пиджаки и галстуки будут вне закона в коммунистическом обществе; пиджакогалстукничество есть манифестация классового снобизма.

Америка швыряет своих граждан в тюрьму, четко определяя роль каждого. Как определяется роль мужчины? По его одежде. Все, что нужно, чтобы заполучить работу в Штатах, — это соответственно прикинуться.

Хочешь стать юристом? Купи голубой костюм, пару желтых линованных блокнотов и кейс, после чего можешь смело искать клиента. Через неделю отправляйся в суд и представься как адвокат. Начни подавать иски, прошения, ходатайства, апелляции, петиции и все остальное, до чего только сможешь допереть. Никто и не подумает спросить тебя о дипломе и лицензии.

Судья наряжается в свою робу и сразу становится мегамудаком. Сними с него робу, и он ничем не отличается от любого другого шмака с улицы.

Хочешь стать монашкой? Надо только втянуться.

Стань жуликом. Йиппи пытаются освободить людей, призывая всех сменить гардероб. На промежуточной стадии перед коммунизмом йиппи требуют от всех менять одежду и работу каждые несколько месяцев. Все должны меняться ролями друг с другом. Таким образом, в конечном счете, мы сможем делиться опытом.

Коммунистическое общество породит Универсального Человека. Экономика будет построена на детской игре со стульями: пока музыка играет, люди бегают по кругу, а потом — стоп, и все должны сесть на то место, которое будет ближе. Все смогут водить такси, продаивать обувь, выращивать овощи на ферме, работать в газете. Специалисты-эксперты станут музейными экспонатами.

Общество сделает полный круг, от отсутствия разделения труда к индустриализации и специализации и вновь к автоматизации и отсутствию дифференциации.

ЙИППИ!

Придавай каждому моменту историческое и мифическое значение. Преврати самого себя в символ.

Революция — это битва между символами. Бля, что такое, в конце концов, Вьетнам? США насрать на этот крошечный клочок недвижимости. Вьетнам — это символ. Вьетконговцы — в Сан-Диего.

Если Вьетконг победит, это воодушевит свободных людей повсеместно: Соединенные Штаты — бумажный тигр! Если же Америка сокрушит Вьетконг, это вдохновит свиней повсюду.

Копы вламываются в захваченное здание университета, чтобы схватить студентов:

- Вы арестованы за незаконное проникновение.
- Мы не захватчики, мы свергаем правительство.
- Нам плевать, чего вы добиваетесь. Вы арестованы за незаконное проникновение.

Трудно строить из себя Че Гевару, когда общество твердит тебе о «незаконном проникновении».

Америка старается придать нашему поведению символическое значение. Взгляните на уголовное прошлое политического активиста. Читается как сексуальное отклонение — нарушение общественного порядка, бродяжничество, незаконное проникновение.

Меня как-то арестовали в Чикаго по обвинению в сексуальном преступлении — за «подстрекание возбужденной толпы».

Американская молодежь ищет, ради чего умереть. Смысл смерти — это смысл жизни. Но Америка не предоставляет нам возможности ни сдохнуть, ни жить.

Единственные люди в мире, кто дает нам резон для существования, — это революционеры, сражающиеся за свою свободу.

Если Ричард Никсон так ненавидит Вьетконг, почему он сам не отправится на передовую, вместо того чтобы отправлять туда чужих сыновей?

Когда Джек Кеннеди бросил кубинских ссыльных и американских солдат «освобождать» Кубу в 1961 году, Фидель залез в танк и пустился в бой. И из тех, кто был готов умереть, защищая Кубу, Фидель был первым.

Че не подписывал бюрократический меморандум в офисе с кондиционером, запрягая солдат биться в Боливии; он сам поехал туда и сложил голову.

Че — куда больший герой для американской молодежи, чем Джек или Бобби Кеннеди. Кеннеди живут на библиотечных полках, но их мифы скончались одно-

временно с ними. Че живет в каждом из нас. Чтобы быть Кеннеди, нужно им родиться. Че может стать каждый. Революционеры бессмертны — потому что мы живем друг в друге.

¹ Лоуренс Уэлк (1903–1992) — музыкант, дирижер и телевизионный импресарио. Особую популярность получил благодаря «Шоу Лоуренса Уэлка», которое шло по ABC и другим телеканалам в период 1951–1982 гг.

Даже Голливуд это раскурил, если выплюнул какашку под названием «Че». Можете представить, чтобы Фабрика грез сделала фильм «Дик» про Никсона? Что бы там происходило? Это был бы мюзикл: Никсон, диригирующий правительством, как Лоуренс Уэлк¹ своим роскошным оркестром.

Вы знаете хоть одного ребенка в мире, который хотел бы вырасти и стать таким, как Ричард Милхаус Никсон?

Йиппи дерзкие, потому что знают: ИСТОРИЯ НАС ОПРАВДАЕТ.

Учебники будут рассказывать о нас, как о фрикадельчных героях 1970-х.

Мы знаем это наверняка, ибо сами будем писать учебники истории.

24: РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО УЛИЧНЫЙ ТЕАТР

**Ты на сцене.
Ты — актер.
Все по-настоящему.
Публики нет.**

Смысль в том, чтобы завести всех, кого можно завести, и отрубить всех остальных.

У этого театра нет правил, форм, структуры, стандартов, традиций — это чистая, натуральная энергия, импульс, анархия.

Работа революционеров сводится к тому, чтобы снести трибуны, поджечь кинотеатры и заорать: «Пожар!»

Театральные гении сегодняшнего дня ставят драму о Вьетнаме в захваченных школах по всей Америке.

Театр жизни, отпадная труппа партизан, пришла в Беркли в тот момент, когда люди сражались с Национальной гвардией на улицах. Как пацифисты они отрицали жесткие столкновения.

Театр жизни отрекся от идеи сцены и вобрал в себя всю публику. Революционный театр.

— Мне нельзя курить марихуану, — сказал один из актеров. Ему сразу предложили пять косяков.

Другой закричал:

— Я не могу раздеться.

Рядом с ним все посыпывали одежду.

По окончании представления всем оставалось вынести революцию на улицы. Труппа остановилась у двери.

Революция в аудитории — это нонсенс. Мы чувствуем себя обсосами, когда наша энергия транжириится в пьесе, огороженной стенами и окнами, началом и концом акта, ценами за билеты.

Единственная роль, которая отводится театру, заключается в том, чтобы вытащить народ из аудиторий на улицы. Задача революционной театральной труппы в том, чтобы совершить переворот.

Университетские редакторы газет решили провести пресс-конференцию в Вашингтоне в конце 1967 года. И пригласили символ йиппи. Но такого человека в принципе не существует. Потому что когда куда-то идет один йиппи, за ним идут все остальные. Позови одного — припрется тысяча.

Так вот, поехали мы в Вашингтон на встречу с газетчиками.

Шухер мы устроили сразу по прилете. Все редакторы были на одно лицо. Точные копии друг друга. Похоже, где-то существует фабрика, штампующая университетских редакторов. Они общались так, будто разговаривали по телефону, хотя тусили все вместе в чванливом washingtonском «Шератоне».

Их кампусы взрывались год от года, и вот ребята заморочились, не получится ли у них привязать их журналистскую «корректность» к освещению Вьетнамской войны.

Одно только примерное поведение в этом балагане, на мой взгляд, было преступлением. Прилежание подразумевало, что дискуссия имела резон. Достаточный ли Вьетнамская война повод для разногласий между разумными людьми? Уж не решили ли эти редакторы, что заваруха между красношерстыми копами из южных штатов и чернокожими лидерами — это всего лишь недопонимание двух разумных сторон?

Пол Краснер наелся кислоты и впал в бешенство от их само собой разумеющихся фактов.

— Люди во Вьетнаме подыхают, а вы тут такие беседы ведете! — орал он вновь и вновь.

Ребятки даже не всосали, насколько хорошо мы, йиппи, блюдем конспирацию. Мы подмазались к их программе обсуждений, чтобы впихнуть в нее фальшивые дебаты на тему «Должна ли Ассоциация редакторов школьных газет выработать единое мнение о войне?». Тем утром мы предварительно закинулись кислотой и подготовились к битве.

Приколись, кое-какие люди с короткими стрижками, в пиджаках и, в общем, выглядящие как редакторы, были членами Вашингтонского уличного театра. Лишь 15 из 500 были актерами, но даже я бы не сказал с уверенностью, кто именно. Я не мог поверить, что там вообще были редакторы: все смотрелись как актеры. Каждый играл бумагомарку.

Обсуждение было самым тупорылым, что я слышал за свою жизнь: должны ли мы проголосовать, встав? сев? на толчок? с целью переговоров? ради войны? против войны? Высказалось ли Associated Press за войну? Что такое Associated Press?

Кто-то выдал финт — игнорировать все резолюции и не голосовать ни за что. Финт не удался. Внезапно свет погас, и на стене замелькали кадры хроник Второй мировой, горящих вьетнамских деревень, плачущих вьетнамских женщин и обожженных напалмом детей. Комната наполнилась истерическими воплями:

— Остановите! Остановите это!

Вдруг раздался рык из мегафона:

— Внимание! Это сержант Хаггерти из полиции Вашингтона. Этот фильм был незаконно ввезен в США из Северного Вьетнама. Мы конфисковали его и арестовали подозреваемых. Теперь очистите помещение! Любой, кто останется здесь через две минуты, будет арестован!

Редакторы карабкались друг по другу, ломясь к выходу. Людей топтали. Из носов струилась кровь. Одежда рвалась в клочья. Они в самом деле повелись, блядь, что их повяжут за просмотр фильма. Они верили, что живут в нацистском государстве. Они давно это приняли как данность.

Рослый детина со стрижкой под «ежик», в костюме и при галстуке вскочил на стул и закричал:

— Я только что приехал из Вьетнама. У меня на руках умерли братья. Дурачье в Белом доме хочет нас всех порешить. Мы — университетские редакторы. Мы должны быть храбрыми!

Был этот персонаж взаправдашним или он представлял Вашингтонский театр, я не знал. Но какая к черту разница? Там и так было все *реально* и *нереально* одновременно.

Редакторы окончательно вымотались. Воцарился хаос. Патлатый писака, спутавшийся с йиппи, заорал ему одному видному монстру:

— Тебе придется определиться, насколько реальна полиция.

— Нас одурачили, — выпалил другой редактор.

Люди валились на пол в слезах. Они наконец начали разговаривать друг с другом «без телефона». Разрыв в *всех шаблонов*.

Театр помог им узнать многое о себе и друг о друге. Лицом к зеркалу, ублюдки.

Сенатор Юджин Маккарти давал пресс-конференцию в тот же день, но чуть позже. Университетские редакторы вознамерились организовать настоящее шоу. Они взмолились, чтобы мы его не сорвали.

«Да ну нах, — подумал я, — шоу-биз есть шоу-биз. Пресс-конференция — это бесплатный театр для всех желающих, кто может извлечь из него максимум».

Цель любой пресс-конференции — создать сенсацию. Сенсации бесплатны. С чего вы взяли, что создать сенсацию может только человек, отвечающий на вопросы?

Кто-то рядом со мной читал *New York Post*. Я увидел заголовок: «КРАСНЫЕ ВЫРВАЛИСЬ ИЗ ТЮРЬМЫ. 2000 ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА СВОБОДЕ. Безумный про~~рыв~~! Две тысячи покинули тюрьму! Маккарти, похоже, против войны. Зачем еще ему война, как не затем, чтобы видеть вьетконговцев на воле?»

Маккарти, утонченный, обалдевший и серый, закончил свою 15-минутную речь и прочистил горло, чтобы отвечать на вопросы, когда я запрыгнул на сцену, положил ему руку на плечо и радостно проорал:

— Чувак, люди на свободе! Вьетнамский народ на воле! Разве ты не счастлив?

Телекамеры усердно продолжали снимать. Я хотел, было, чмокнуть Маккарти, но он был слишком холо-

ден и невосприимчив. Я ощутил себя любовником, получившим отказ. Маккарти попытался проигнорировать меня, продолжив пресс-конференцию, как будто я был пустым местом.

Спустя несколько секунд еще пять йиппи, скрипящие, как щенки, кусали его за пятки.

Редакторы припухли. Они умоляли нас остановиться. Маккарти был окружен революционными братьями Маркса. Мы корчили ему рожи. Улюлюкали. Мычали. Но он гнал свое, стараясь сгладить наступивший кризис точно так же, как хотел протащить вьетнамский кризис при помощи галимого либерального вранья.

На заднем плане гремел индейский барабан. Бамбам-бабабам. Десять человек многообещающе понесли гроб по направлению к нам, медленно и чинно, как на похоронной процессии. По мере их приближения Маккарти становился все более нервным.

— Не волнуйся, чувак, — сказал я.

Но он по-прежнему пытался меня не замечать.

Носильщики подошли вплотную к Маккарти. Надпись на гробе гласила: «Предвыборная политика». Они перевернули гроб и вывалили смятый американский флаг. Маккарти торопливо покинул зал.

Редакторы напряглись, не на шутку напряглись. Они надвигались на меня, жаждя крови. В них кипели эмоции по поводу войны во Вьетнаме. Их реноме было испорчено. Они обратились в берсерков.

— Че вы заебанные-то такие? — спросил я. — Маккарти заплатил за это 20 баксов. Кампания у него получилась нудная, вот он сюда и пришел, чтоб в телевизор попасть.

Редакторы резво рассасывались. Один из них попытался побить йиппи.

Будучи репортером в прошлом, я почувствовал лице-мерие.

— Мы вам классную статью подарили, а вы злитесь! Вы че, хотите быть репортерами, как ваши папаши? На хуй пресс-конференции!

— Пиздуйте домой и смотрите телевизор! — добавил я. — ТэВэ вас всех без работы оставит!

* * *

Цивилы ждали от радикалов, что те будут ходить кругами с пикетами, выкрикивая слоганы. Так вот, радикалам пора было выбросить транспаранты и включить мозги.

Приколись, Бобби Кеннеди приехал в Сан-Франциско, чтобы выступить на ужине демократов, вход на который стоил 500 долларов.

500 БАКИНСКИХ ЗА ОБЕД!!!

Видать, кто-то очень проголодался!

Что такого делают демократы, если могут заваливаться к столу голодными, как львы, жадно пожирая еду фантастического качества, наполняя тарелки вновь и вновь и заканчивая мерзопакостным эхом отрыжек? Спасибо, Бобби, ужин удался!

Для нас это звучало как лохотрон века — 500 бачей за ужин. Некоторые и за год таких денег не поднимают. В этой связи мы отправились на ужин к Кеннеди часом раньше и расположились за столиком на открытом воздухе, на который уже были поданы хлеб, горчица и болонская копченая колбаса. Мы понаделали тучу сэндвичей и бесплатно раздавали дамам в бриллиантовых колье и мужчинам во фраках, которые перлись на большой ужин с Бобби.

Когда они только начали подтягиваться, мы, фрики, принялись визжать:

— Получи бесплатный сэндвич с болонской колбасой! Зачем башлять за нее 500 бачей, если можно получить на халяву прямо здесь?!

— **Вы — мразь, погань, бомжи!** — отвечали они нам.

Я думал, так разговаривают только республиканцы.

Мы были готовы лицезреть либеральных уебков, которые собрались посетить революционный нямням.

— Мы, честное слово, за Кастро, — объясняли они, — но работаем на Кеннеди, и таким образом можем об-

легчить жизнь революционерам. Кроме того, у нас бесплатные билеты.

Мы заставили липовых либералов доказать свое дружелюбие поеданием наших сэндвичей с колбасой. Сэндвичи были призваны унять их аппетиты, чтобы 500-долларовый счет за ужин не казался таким уж разумным.

Ты – это то, что ты ешь!

* * *

Представьте, что в один прекрасный день 5 тысяч грузовиков будут разъезжать по городу, рокоча в матюгальник: «Война во Вьетнаме закончилась! Конец! Включите радио для получения дополнительной информации!» В течение следующих двух минут все будут звать матерей:

– Эй, мам, война закончилась!

Никсону бы пришлось пиздюхать на ТВ и разубеждать американцев, говоря, что война все еще продолжается.

¹ Всемирно известный снимок Альфреда Айзенштадта (1898–1995), сделанный в 1945 г., на котором матрос целует медсестру на Таймс-сквер, радуясь окончанию Второй мировой войны.

Мы расклеили постеры с фотографией матроса, целующего медсестру в день окончания Второй мировой¹ по всему Нью-Йорку. Постеры провозглашали празднование окончания войны во Вьетнаме.

Две тысячи тинейджеров и чиканашек всех типов собрались в парке на Вашингтон-сквер.

Мы не знали, куда себя деть, посему попросту обходили окрестности, вооружившись свистками и возвещая всех встречных об окончании войны (для многих из нас она никогда не начиналась).

Потом мы сбились в огромную кучу и устроили обратный отсчет – 100, 99, 98, 97, 96... когда мы добрались до 20, к нам присоединились еще множество фриков, а когда дошли до 1, закричали:

– Война закончилась!

И побежали по Пятой авеню, чтобы скорее поделиться хорошими новостями с другими американцами.

Мы застали копов врасплох. Они почему-то решили, что мы будем паяньями, празднующими окончание войны в песочнице парка день напролет. Вместо этого мы неслись по улицам, вопя: «Войне конец!»

Клаксоны гудели. Люди бросали машины, чтобы уточнить, что мы там кричим. Даже провоенные персонажи спрашивали:

— Серьезно? Откуда такая информация?

Аллен Гинзберг влетел в зал игровых автоматов, вскинул руки к небу, подпрыгнул и заверещал во всю глотку:

— Война закончилась! Война закончилась!

Все превратилось в один большой праздник. Прибыла нью-йоркская конная полиция, стремясь очистить улицы. Поначалу мы думали, что копы празднуют вместе с нами: у них тоже были свистки и всевозможная бутафория. Красные и зеленые огни, животные, пробки на дорогах и неистовый гвалт — все эти вещи становились составными частями церемонии.

Никто не сожалел об окончании войны. И, что потрясало еще больше, никому не пришло в голову спросить: «А кто победил?»

Всем было по херу.

Празднование вытряхнуло людей из давно напяленных социальных ролей. Те, кто был за войну, не знали, как реагировать на психологическое насилие над их мозгами. Они не могли игнорировать эту новость, как игнорировали транспаранты «Нет войне!».

Поскольку театр вырастает из конкретной ситуации, очень важно правильно выбрать момент. Летом 1967-го своевременно было кричать, что война закончилась. Но Линдон Джонсон был тот еще трюкач. Он завлек нас в собственный театр, подтвердив тот факт, что война ЗАКОНЧИЛАСЬ.

Целью антивоенного движения на парижских переговорах было показать, что война все еще продолжается.

Демонстрация йиппи в Чикаго стала своего рода продолжением и одновременно опровержением празднования в честь окончания войны. Мы неслись по улицам, вопя: «Война продолжается!»

И тут мы не лгали.

ЦРУ расставило сети на подростков, которые называли себя Психами и терроризовали весь Нью-Йорк, вторгаясь в самые разные митинги в кульминационные моменты, срывая с себя одежду, крича: «Рим не пал за один день!» — и бесследно растворяясь в сумерках.

² Джеймс Уильям Фулбрайт (1905–1995) — сенатор штата Арканзас от Демократической партии в период 1945–1975 гг.

³ Джон Кеннет Гелбрейт (1908–2006) — влиятельный американо-канадский экономист, автор бестселлеров, выходивших в 1950–1960-е гг.

⁴ Эд Маски (1914–1996) — губернатор штата Мэн в период 1955–1959 гг., сенатор от того же штата в период 1959–1980 гг., кандидат в президенты от Democratischen партии в 1968 г. и госсекретарь в период 1980–1981 гг.

⁵ Шелли Уинтерс (1920–2006) — известная американская актриса, обладательница «Оскара» за роли в фильмах «Дневник Анны Франк» и «Ключок синевы».

Они вырядились как официанты на большом обеде сенаторов-либералов в «Хилтоне». Джеймс Уильям Фулбрайт², Джон Кеннет Гелбрейт³ и Эд Маски⁴ ожидали десерт в виде яблочного пирога и кофе. Вместо них им подали свиные головы на блюдах.

Затем Робин и Шэрон разделись. Они стояли перед тысячами представителей среднего класса, отсвечивая причудами. Шокированные женщины прятали глаза. Мужчины глупо хихикали и таращились. Шелли Уинтерс⁵ выплеснула на них свой коктейль.

Некоторые женщины принялись лупить зонтиками по великолепным ляжкам Сумасшедшей Шэрон.

Одна из дур завопила:

— БЕЙТЕ ЕЁ, ОНА ГОЛАЯ!

Ей вторили либералы со всего зала:

— БЕЙТЕ ЕЁ, ОНА ГОЛАЯ!

Силовые структуры, в первую очередь, выстраивают четкую систему взглядов вне зависимости от ситуации. Когда полицейский избивает ниггера, это «закон и порядок». Когда чернокожий защищается от копа, это «насилие».

Задача революционера — создать театр, который предполагает революционную систему взглядов. Право определять — это право контролировать.

Тысячи книг, статей и речей относительно самозащиты потерпевших никогда бы не очертили такой четкой и драматичной ситуации, какая сложилась в Ок-

ленде, штат Калифорния, одним октябрьским утром 1967 года. Перестрелка между двумя копами и двумя «Черными пантерами». В результате один из копов упал замертво. По обвинению в его убийстве был арестован Хьюи П. Ньютон.

Начальники хотели казнить Хьюи. Но миллионы людей — черные, белые, радикалы, либералы, революционеры, домохозяйки, врачи, студенты, профессоры — отождествляли себя с ним. Они сказали, что черные люди должны *вооружиться* против беспредела мусоров.

Ситуация с Хьюи изменила ориентиры. В роли защищающегося оказалась полиция.

Униформа «Пантер» — берет, черная кожаная куртка, ствол — помогает созданию легенд о них. Три «Пантеры» на улице — это уже многотысячная армия.

Говнюки из Законодательного собрания Калифорнии встретились в Сакраменто, чтобы принять закон о контроле за оружием, который разоружил бы жертв режима — чернокожих. В связи с этим «Пантеры» двинули в Сакраменто, дабы лично встретиться с конгрессменами. Стволы они взяли с собой. И пронесли в здание законодательного органа штата.

Вооруженные ненормальные ниггеры врываются в мэрию Сакраменто! Ночной кошмар любого толстосумчатого конгрессмена! Фурор партизанского театра!

Страх и паранойя в дефиците у леваков из пригородов, кабинетных интеллектуалов, аспирантов и нейтральных персонажей. Чем дальше ты находишься от движения, тем больше ты боишься. «Черные пантеры» ничего не боятся. Йиппи — тоже. А Вьетнам и подавно.

Но, сидя в гостиной, стремишься до усрочки. Но это именно то место, которое отводит для тебя структура власти.

Я никогда не видел испуганных людей в эпицентре восстания. Единственный способ ликвидировать страх — сделать то, чего ты так боишься.

Цель театра — собрать как можно больше народа, дабы превозмочь страх, взяв ситуацию в свои руки.

Мы создаем реальность, куда бы мы нишли, если живем фантазиями.

25: ДЖОРДЖ УОЛЛЕС – ЭТО БОББИ КЕННЕДИ С ЖЕНСКОЙ ПИСЬКОЙ

Джордж Уоллес – это вершина эволюции западной культуры.

Он – символ страны, уничтожившей индейцев, по-работившей чернокожих, колонизировавшей Латинскую Америку, сбросившей атомную бомбу на Японию, вторгшшейся на Кубу и закидавшей Вьетнам напалмом.

Он – американский флаг. Он – ковбой, морпех, миссионер, сующий Библию направо и налево, бизнесмен и коп на задании.

У старины Джорджа есть всего одна проблема: он не умеет держать рот на замке.

Он громогласно высказывает те вещи, о которых либералы шушукаются в сортире. Либералы ненавидят его за тупую прямоту. Он называет цветных цветными. Ниггеры у него – просто ниггеры.

Словом, единственная разница между Уоллесом и либералами – это хорошие манеры. У Джорджа их нет.

И пока либералы рулят Вьетнамской войной, гребут бабло от Латинской Америки ковшом экскаватора и испытывают терпение чернокожего населения, йиппи Джордж Уоллес шуряет то там, то сям, облекая американскую идеологию в театральные термины. Он заирает либералам всю историю к обложке.

Мы, йиппи, должны перепечатывать речи Уоллеса, выбивать для него время на ТВ и открывать офисы его имени по всей стране. Он же, блять, лучший марксист-демагог в сегодняшней Америке! Он – наш великий вождь.

Уоллес нападает на ниггеров, студентов, хиппи, демонстрантов, пацифистов, интеллектуалов, укурков, коммуняк, либералов. Мы стараемся четко определять, кто из нас кто. Для Уоллеса различий не существует. Он изо всех сил старается нас объединить.

Либералы пытались натравить массы на Уоллеса, чтобы мы не заметили, как они делают ровно то, что

он так яростно защищает, — нацизм приходит в Америку в шкуре либерализма.

Консерваторы тоже злятся на Уоллеса: их больше бесят его *слова*, нежели *действия* либералов.

Но мы, фрики, знаем, как быть с Уоллесом: *мы его любим.*

Йиппи пошли на съезд в поддержку Уоллеса в Коровьем дворце в Сан-Франциско со здоровенными значками «ВСТАНЬ И БЕЙСЯ ЗА АМЕРИКУ!» и транспарантами «Больше бомб во Вьетнам!» и «Подстригите Их!».

Мы заметили человек пятьдесят перед входом. Они пикетировали съезд. Я пригляделся и узнал демонстрантов — члены Компартии.

— Чуваки, — сказал я, очень сконфузившись, — как вы можете пикетировать Уоллеса? Он столько сделал для создания Коммунистической партии. А где благодарность?

Они продолжили пикет.

И поскольку мы разделились, мы начали кричать коммунистам:

— ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ СВАЛИТЬ С ВЕЧЕРИНКИ И НЕ СХОДИТЬ В ДУШ?

При появлении Уоллеса йиппи вытянулись по струнке и начали скандировать:

— ЗИГ ХАЙЛЬ, ЗИГ ХАЙЛЬ, ХАЙЛЬ ГИТЛЕР, ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!

— Первый хиппи, который приблизится к моей машине, станет последним хиппи, — рявкнул Уоллес.

— Убейте их! Задушите газом! — орали мы.

— Отправьте их в Россию, туда, откуда явились!

— Отправьте их в Африку, где они недавно слезли с пальмы!

Мы очень вымотались, полдня размахивая американским флагом и салютуя, как нацисты. Мы были самыми громкими долбоебами на съезде.

Я окунул взглядом стадион, заполненный отставными банкирами и тщедушными старушками. И это праворадикальная угроза? Блядь.

Праворадикальная угроза существует, но это не Уоллес.

Это либералы Кеннеди.

Правое крыло — лучший союзник левого крыла.

Кто первым же назвал битвы в Городском колледже Сан-Франциско¹ «партизанской войной — Вьетнамом на дому»?

Студенты за демократическое общество?

Ни хуя.

Рональд Рейган!

(Тут я раскрою секрет. Последний раз, когда я ходил на выборы, я отдал свой голос за единственную кинозвезду в гонке — за Ронни Красавчика).

Я понимаю бойцов правого крыла, потому что они честны в том, что делают.

Они производят сенсации, фантазируют, они — романтики. Чтобы создать *свой миф*, они преувеличивают наш — они придумали Угрозу Йиппи. А угроза помогает менять реальность.

Они превращают нас в героев.

Они задают для нас высокие стандарты, и мы изо всех сил стараемся соответствовать их фантазиям.

Правое крыло — это наш театральный режиссер.

Правые так безоглядно верят в свою херню, что оказываются чересчур глупы для эффективной информации и руководства. В отличие от либералов, они не знают, как завоевывается *политический вес*.

Тело Мартина Лютера Кинга еще не успело остыть, когда либералы уже прибежали на национальное ТВ, разглагольствуя, какого великого человека мы потеряли. Почему? Потому что он порицал насилие, которое *чинили чернокожие*. Так они попытались использовать образ Кинга для контроля над цветным населением.

Йиппи были настолько поражены сменой настроения либералов, что организовали сидячую забастовку

¹ Молодежная забастовка осенью 1968 г. против расовых предрассудков в Городском колледже Сан-Франциско, поддержанная Студентами за демократическое общество и Союзом чернокожих студентов. В некотором роде забастовка явилась запоздалой реакцией на убийство Мартина Лютера Кинга. Запомнилась также тем, что в какой-то момент президент колледжа Сэмюэл Хайакава выдернул провода из звуковой аппаратуры вещавших студентов. В ходе забастовки были арестованы свыше 700 человек.

в память о Мартине Лютере Кинге перед мэрией Нью-Йорка, восславляя его методы.

Мы пригласили множество ребят, включая Джона Линдси², Хуберта Хэмфри, Ричарда Никсона, Уитни Янга³ и Роя Уилкинса⁴.

² Джон Линдси (1921–2000) — мэр Нью-Йорка в период 1966–1973 гг.

³ Уитни Янг (1921–1971) — активист, защитник гражданских прав чернокожих. В отличие от других афроамериканских лидеров, не плохо «дружил» с властью. Линдон Джонсон даже наградил его президентской Медалью Свободы, а Ричард Никсон, узнав о гибели Янга (он утонул, купаясь с друзьями в Лагосе), отправил в Нигерию самолет, доставивший тело в Кентукки, где состоялись похороны, на которых сам Никсон произнес речь.

⁴ Рой Уилкинс (1901–1981) — правозащитник, с 1931 по 1934 г. был заместителем генерального секретаря Национальной ассоциации за прогресс цветного населения.

⁵ Артур Шлезингер-младший (1917–2007) — историк, обладатель Пулитцеровской премии. В своих книгах изучал либерализм Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди и Роберта Кеннеди.

⁶ Макс Лернер (1902–1992) — журналист; прославился благодаря провокационной политической колонке в New York Post, которую вел начиная с 1949 г. вплоть до самой смерти.

Никто из них не показался. Вместо этого Линдси вызвал тысячу копов, которые окружили мэрию, чтобы ни один йиппи, не дай бог, не проник внутрь.

Правое крыло всегда остро, почти мистически, реагировало на наши демонстрации. Либералы отзывались спокойно и скучно.

Либеральные журналисты любили освещать события, не приводя исторический бэкграунд и не передавая масштабы мероприятия. Отчаянные атаки правых фанатиков, напротив, были очень зрелищны и окружали нас ореолом славы.

Например, New York Daily News, самая крупная дилетантская газета в Америке. Она видит в йиппи «СЕКСУАЛЬНО ОЗАБОЧЕННЫХ, ОБДОЛБАННЫХ БУНТОВЩИКОВ». А вот обделенная чувством юмора New York Times именует нас Международной молодежной партией.

Правое крыло обычно право. Оно использует верные слова: война, мятежи, революция. Общество Джона Берча гораздо лучше врубается в мир, в котором мы живем, чем Артур Шлезингер Младший⁵ и Макс Лернер⁶, не имеющие ни малейшего понятия о том, что за хуйня вообще творится.

И мы должны представлять собой *все, что* о нас говорят и пишут Daily News, Берчи, Уоллесы и местные правые парни!

Америка не хлюпает носом и не кашляет — у нее национальный рак.

Джордж Уоллес — это Роберт Кеннеди с женской писькой, как становится ясно, когда он гордо показывает шрамы и демонстрирует симптомы.

Он помогает нам, хирургам-йиппи, подготовить инструменты для предстоящей операции.

26: КЕННЕДИ СКЛОНЫ ПОГИБАТЬ ПОД ПУЛЯМИ

Мы с Джил ехали в метро, возвращаясь в свой хостел, одним прохладным, приятным лондонским вечером. Мы только что посмотрели «Лоуренса Аравийского»¹. Сидевший рядом мужчина держал газету — на передовице была огромная фотография Джека Кеннеди, а под ней — заголовок вверх тормашками.

— Что же такого сделал Кеннеди? — изумились мы и повернули головы, чтобы прочитать заголовок: «КЕННЕДИ УБИТ».

— Это что еще за шуточки? — подумали мы, но увидели название газеты — London Communist Daily Worker. Эти английские коммумяки всегда отличались юморком.

KENNEDY IS ASSASSINATED

По возвращении в хостел мы обнаружили, что все офорнаели, приникнув к радиоприемникам и слушая «Голос Америки».

Я подумал: «Кеннеди — драгоценный камень Америки, и одна-единственная пуля может разрушить этот замок из красоты, денег, славы, власти, семейной гордости». Прогресс!

На следующий день газеты выдали полосные фотографии подозреваемого — Ли Харви Ос瓦льда. Я не мог отвести глаз от его гнусной физиономии. Я немало таких рож повидал на улицах Америки.

Отец Ли ушел из семьи еще до его рождения. Ли растила мать, которая пахала с утра до ночи, чтобы его прокормить. Ли, очевидно, мучило чувство вины. Он ненавидел школу. Пошел в морскую пехоту, возможно, потому, что агитационные постеры обещали сделать из него мужчину. Дрейфовал с одной работы на дру-

¹ Фильм 1962 года с Питером О'Тулом в главной роли, повествующий о полной приключений судьбе британского археолога, писателя и военного.

гую, из города в город. Один из миллионов безликих американцев — обделенный деньгами, мечтами и амбициями. Мы слышим о них только тогда, когда они убивают богатея или насилиуют его дочь.

В Америке навалом таких Ли. Миф Кеннеди дразнил их с самого начала. «КЕННЕДИ ВЫДВИГАЕТ СВОЮ КАНДИДАТУРУ», «СЕМЕЙСТВО КЕННЕДИ ПРИХОДИТ НА КИНОПРЕМЬЕРУ», «ДЖОН КЕННЕДИ ЦЕЛУЕТ БЛАРНИ-СТОУН²».

Новорожденному Кеннеди сразу сказали, что он — «Кеннеди». Это имя предопределяло будущее величие.

Ли тоже хотел быть великим, но все говорили ему, что он — уебан. Еще в школе ему втемяшили, что, если он не станет богатым, знаменитым и симпатичным, пусть пеняет на себя.

В биографии Ли есть интересный поворот. Он был хулиганом в школе и на службе. Окончательно затрахавшись, он посетил Россию.

Кто такой Ли Освальд? Ружье помогло ему показаться миру. В какой-то момент он осознал, что может сделать явью мечту о сопричастности к Кеннеди, только убив его.

ВИДЕНИЕ

Ли ковыляет к месту для дачи показаний на Политическом Процессе Века, чтобы обвинить Америку в том, что она убила его при рождении. Он кричит:

— Америка, я устал мечтать стать Кеннеди! Я устал ненавидеть самого себя! Я — мужчина!

И жизнь Освальда присоединяется к страданиям чернокожих в Америке и тяготам крестьян по всему миру.

Какое безумие скрывалось под этой стремной рожей?

² Полированный камень темного цвета, вмонтированный в один из зубцов крепостной стены замка XV века близ ирландской деревушки Бларни. Чтобы его поцеловать, человеку приходится свеситься, при этом кто-то должен держать его за ноги, чтобы он не упал вниз. Считается, что поцеловавший Бларни-стоун наделяется красноречием и мастерством обольщения. Во многих английских толковых словарях можно найти глагол «бларни» — дословно «кохмурять».

³ Комиссия, учрежденная тогдашним вице-президентом США Линдоном Джонсоном 29 ноября 1963 г., с целью расследовать убийство Джона Кеннеди. Названа в честь председателя — верховного судьи страны Эрла Уоррена (1891–1974).

⁴ Сирхан Бишара Сирхан (р. 1944) был осужден за убийство брата Джона Кеннеди, сенатора и без пяти минут президента США Роберта Кеннеди и ранение еще пятерых человек в лос-анджелесском отеле «Амбассадор» 5 июня 1968 г. В Кеннеди попали три пули. Он умер в больнице спустя 26 часов. В настоящее время Сирхан продолжает отбывать пожизненный срок в тюрьме штата Калифорния.

Мы не узнаем никогда — спасибо полиции Далласа, Комиссии Уоррена³ и, разумеется, ЦРУ.

Стреляя в Роберта Кеннеди, Сирхан Сирхан⁴ считал себя арабским патриотом, представляющим интересы угнетенных народов. Он нашинковал конфетти из остатков мифа о богатой, белой американской власти. Америка делает из эксплуатируемых людей Освальдов, Сирханов и бойцов Вьетконга.

Какая преданность и фанатизм вдохновляют американскую алчность!

Американцы нарекли Сирхана ебанутым экстремистом. Но ведь именно экстремизм американской власти толкает людей на подобные поступки.

«То, что кажется иррациональным с точки зрения империи, — говорит Элдридж Кливер, — может быть вполне рациональным с позиций колонии».

27: СВОБОДУ ЗАКЛЮЧЕННЫМ, СУДЕЙ – ЗА РЕШЕТКУ

Тук, тук, тук.

Я никогда не забуду этот стук. Мягкий и сексуальный. Только момент для него был выбран неподходящий — я только-только начал скручивать косяк.

— Кто там?

Молчание.

— Кто там?

Молчание.

— Кто там?

— ПОЛИЦИЯ. ОТКРЫВАЙТЕ!

Внезапно я понял, что тема, которая никогда-сомной-не-произойдет, вот-вот случится.

— У вас есть ордер на обыск? — спросил я, чувствуя себя идиотом. Полиция ломилась в хиленьюю деревянную дверь на верхнем этаже заброшенного нью-йоркского здания, а я требовал ордер.

Молчание.

— Что вам угодно? — спросил я.

— **ОТКРЫВАЙТЕ!** Мы хотим побеседовать об убийстве в Бронксе.

Убийство — это не ко мне.

Стоило открыть дверь, как три здоровенных бугая в штатском ворвались, светя значками, дуя в свистки, и, спотыкаясь, швырнули меня об стену.

— Так, РУКИ ВВЕРХ!

От них разило пивом.

— Где твоя пушка? Где твоя пушка? — вопили они.

— У вас есть ордер на обыск? — запинаясь, повторил я.

— Да что ты знаешь об ордере на обыск? Что у тебя тут есть запрещенного?

Они вышагивали передо мной, как петухи перед курятником.

Джонс, похожий на индюка малый, завернул мне руку за спину и заорал:

— Где наркота? Если не скажешь где, а мы найдем, горько пожалеешь!

Джонс стоял под постером Фиделя Кастро в натуральную величину. Образ ниггеров и коммунистов, насилиющих его дочь, шарахнул ему по мозгам и помутил рассудок.

— Ты — коммуняка! — заорал он. — Грязный коммуняка! Грязный коммуняка!

Он сорвал портрет со стены и протянул мне.

— **Все, что мне нужно — это пять минут с тобой наедине.**

— Ладно, оставь его, — сказал другой коп, Браун. Они разыгрывали полицейский водевиль «Злой коп / Добрый коп», прямо как в кино. Браун листал мою записную книжку и письма на столе.

— Эй, да мы и впрямь взяли большую птицу. Глянь на эту херь.

Браун потряс листком бумаги перед моим лицом:

— Вот он, наш ордер на обыск.

Они принялись громить все вокруг. Происходящее напоминало фильм о нацистах во Вторую мировую — только эти парни не были нацистами. То были обычные белые американцы. Такие же американцы, как яблочный пирог. Американские солдаты, ворвавшиеся во вьетнамскую деревню. Белые копы, приехавшие в черное гетто. Интервенты от другой культуры.

— Спорим, ты думаешь, что мы такие, как Уоллес. Мы не такие. Мы — как Голдуотер¹. Нам не нравился Кеннеди, но и то, что с ним случилось, нам очень не понравилось.

— Что йиппи собираются сделать в Чикаго, Рубин?

— Эй, Рубин, — сказал Джонс, — я следил за тобой в округе Колумбия. Ты ведь там был, так? Посмотрим на тебя на следующей демонстрации. Гы-гы.

— У тебя что, совсем нет патриотических журналов? — спросил Браун.

Он двигался по бумагам на моем столе, как танк.

— Там где-то валяется *Life*², — пробормотал я.

¹ Барри Голдуотер (1909–1998) — сенатор от штата Аризона в периоды 1953–1965 и 1969–1987 гг., кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1964 г.

² Основанный в 1936 г. журнал, особенно славившийся высокой художественностью и глубиной репортажных фотографий, в частности, сделанных в ходе военных действий во Вьетнаме.

— Life! Life — это журнал для коммуняк!

Я попросил Брауна позвонить Нэнси и сказать, что я не смогу с ней встретиться. Он набрал номер и сказал:

— Нэнси, это друг Джерри. Он просил передать, что встретится с тобой в девятом участке. Он арестован.

— Валим отсюда, — сказал Браун. — Я больше не могу выносить эту вонь.

Они собрали весь скучный арсенал наркотиков, которые им удалось найти, надели на меня наручники и повели в машину, ничем не отличавшуюся от любой другой, кроме американских флагов, расклеенных по всем окнам.

— Не волнуйся, — сказал Джонс. — Пока ты в наручниках, бить не буду.

— Тебе повезло, что ты — американец, — как бы между прочим заметил Браун. — Если бы это случилось на Кубе, тебе бы отрезали руки без суда и следствия.

Джонс смотрел на меня с еле скрываемой ненавистью:

— Однажды мы схватим всех твоих дружков-коммуняк и надолго утрячим за решетку.

Как только Нэнси появилась в участке, я закричал:

— Это ловушка! Беги отсюда!

Но стоило ей развернуться, как двое копов ее сграбастали.

Нас повезли в суд для официального предъявления обвинения. Джонс продолжал бормотать, что **ему нужно всего-то пять минут наедине со мной, коммунякой**.

Мы вошли в здание суда, и Джонс вел меня, держа рукой за шею, беспрестанно приказывая идти быстрее, медленнее, медленнее, быстрее, быстрее, медленнее.

Я увидел в конце коридора черного копа и почувствовал себя чуть лучше, но тут Джонс закричал:

— Этот парень — коммунист. Он ненавидит Америку. Он любит Россию и Китай!

Джонс велел мне зайти в камеру. Когда я уже повернулся к нему спиной, он пнул меня по копчику. Я почувствовал пол и невероятную боль. Я еле мог ходить. Остальные копы ухмылялись.

Это была пыточная. В соседней камере копы выколачивали правду из парня в военной форме.

Мне предъявили обвинение в злонамеренном хранении опасных наркотиков; залог — \$1000. Обвинения против Нэнси сдулись. Друзья внесли залог в течение часа и повезли меня в больницу, где рентген показал растяжение связок копчика.

Пол Краснер сказал, что спустя пять минут после того, как нас замели, тысячи туалетов в 25-этажных домах Нью-Йорка окутал конопляный дым, жестоко на-куривший весь Нижний Ист-Сайд. Никто не мог припомнить случая, чтобы человека взяли за дурь в его собственном доме в Ист-Виллидж: даже для копов существуют буферные зоны.

Законы о траве очень политичны. Попадаться должны неугодные — черные, хиппи, пуэрториканцы, мексиканцы, дилеры, хулиганы, организаторы притонов, нарушители общественного порядка. В данном случае все было понятно: Чикаго. Мы планировали дела в Чикаго несколько месяцев и получили контратаку.

Но если целью вторжения в мои апартаменты являлось остановить йиппи, то оно возымело прямо противоположный эффект. Оно вдохновило и еще больше сплотило нас, как ранение бойца в руку. Кто-то среди йиппи явно был фэбээровцем под прикрытием.

Лаборатория обнаружила 85 граммов травы и *ненаркотические* пилюли. Я точно знал, что копы нашли по меньшей мере 140 граммов травы, немножко гашиша, три таблетки мескалина и три таблетки кислоты. Какое самообладание нужно было иметь, чтобы сказать мне, что мои высококачественные наркотики были ненаркотическими!

— Билл, — обратился я к адвокату Биллу Канстлеру, — если они не наркотические, почему я не могу их получить обратно?

Билл засмеялся. Ответ был очевиден: все остальное они попросту загнали. Наркополисмены — крупнейшие дилеры в городе.

На протяжении следующих 10 месяцев меня вызывали в суд 15 раз, всякий раз откладывая слушание. Хо-

дить в суд все равно что ходить в школу. Он оберегает тебя от улицы и учит хорошим манерам.

На одной из таких встреч судья подозвал моего адвоката и спросил:

— Что такого в этой марихуане? Я сам ее курю. Посоветуй своему парню признать себя виновным в мелком нарушении, и я приговорю его к пяти минутам тюрьмы — этого хватит на то, чтобы у него взяли отпечатки пальцев.

Несколько минут спустя я стоял перед судьей, который сказал:

— Прежде чем вы сделаете заявление, скажите, знаете ли вы, какой приговор вас ждет?

Суд — это театр. Сейчас была моя реплика.

— Нет, — промямлил я.

— Говорите четко и громко!

— Нет, — сказал я.

Затем я признал свою вину и был приговорен к пяти минутам заключения.

Правосудие в Америке — сплошной супермаркет. Нас арестовывают за дорогие преступления и разрешают признавать вину за дешевые. Блядские сделки. Судья играет в покер, карты в котором — чужие жизни. Это шантаж. Если мы требуем соблюдать наши конституционные права — вызываем к жюри присяжных, то платим куда более высокую цену, чем если бы признали себя виновными.

Суд — это деловые переговоры между Государством и Криминалом на предмет того, сколько должен заплатить Преступник за свой арест. Девяносто девять процентов тех, кого замели, заключают с судом сделки, чтобы легко отделаться. Бедные беспомощны перед властью государства. Богатые получают правосудие для богатых, бедные — для бедных. *Как выразился Ленни Брюс², «правосудие в зданиях суда совершается в их коридорах».*

Меня приговорили к пяти минутам тюрьмы потому, что судья знал,

² Ленни Брюс (Леонард Альфред Шнайдер, 1925–1966) — скандально известный комик, неоднократно имевший проблемы с законом, в частности, в 1961 г., когда он употребил со сцены слово «хуесос». Также привлекался за хранение наркотиков. За оба правонарушения был приговорен к 4 месяцам исправительных работ, несмотря на поручительство и петиции таких деятелей культуры, как Вуди Аллен и Боб Дилан. Умер от передозировки наркотиков.

что никакого информатора не было, а ордер на обыск не значит ни хера. Прокуратура признала факт прослушивания моего телефона, а судья не хотел лишний раз связываться с моим юристом-гладиатором.

Мы, нарушители спокойствия, давно были бы по уши в дерьме, если бы не адвокаты нашего движения: бойцы вроде Канстлера, Чарльза Гарри, Лена Вайнгласса и других.

Для всех остальных происходящее в суде — игра, не более. Игра для судьи, игра для прокурора, игра для постороннего адвоката.

Но адвокаты из движения дышат, играют, волнуются, трахаются и страдают, как мы. Когда мы в суде, они — тоже. Когда нас отправляют в тюрьму, они идут за нами. Они не могут себе позволить быть циничными, как все остальные в зале. Они защищают своих братьев.

Движение должно создавать как можно больше Канстлеров и Гарри, чтобы мы могли защищать всех, кого хватают на улице и везут в тюрьму.

Любой арест в Америке политичен.

Мы должны отправлять все дела до единого в Верховный суд.

Первое, что сделают йиппи, когда придут к власти, это откроют тюрьмы.

Свободу заключенным, судей — за решетку!

28: СИРХАН СИРХАН – ЙИППИ

КИСЛОТНОЕ ВИДЕНИЕ

Съезд демократов открывается за оградой с колючей проволокой. Шоу включает слезоточивый газ и парашютистов со штыками, перекинутых из Вьетнама.

Миллионы катятся по улице в поисках правительства, которое они потеряли. Их внимание приковано к небу.

Это птица.

Это самолет.

Нет, это СуперЛиндон, переброшенный по воздуху в окруженный войсками зал.

Вдруг ветер приносит через окно носовой платок.

Демократическая партия сдается.

К власти приходят йиппи.

Экстаз.

Видение заканчивается.

Фестиваль жизни против Съезда смерти: спектакль духовных ценностей, религиозный театр, включающий первоочередные человеческие противопоставления – будущее и прошлое, молодость и старчество, любовь и ненависть, добро и зло, надежду и отчаяние. Йиппи против демократов.

СМИ были готовы выносить миру мозг событиями в Чикаго в течение пяти дней. Нам выпал шанс достучаться до человечества. Нужные действия в нужное время: моментальный контакт. Никто не в силах притвориться, что ничего не было, когда местные разногласия становятся глобальной войной между добром и злом.

Цель: взбесить демократов до такой степени, чтобы они проебали свой собственный съезд, и сразу явить планете альтернативу – нашу революционную культуру юности.

Йиппи приготовились сбросить на демократов воородную бомбу – раздачу халявной еды и бесплатный рок-фестиваль.

Зацени! Бесплатная рок-orgia приведет миллионы молодых в Чикаго со всех концов страны. Ожидались

не только национальные группы и исполнители, но и команды из Англии: Rolling Stones, Beatles, Country Joe and the Fish и даже таинственный Боб Дилан.

Бесплатный рок-фестиваль в Чикаго означал наше освобождение от дорогостоящих танцулек в четырех стенах и алчных бизнесменов, делая его доступным для всех гуляющих по улицам и отдыхающих в парках.

Импульсивный бес в наших тела, дух чистой, ничем не мотивированной музыки был использован для получения прибыли. На хуй прибыль. Рок-музыка должна порождать оргазм и революцию.

Наши технари пахали, как волы, прокачивая портативное рок-оборудование, которое позволило бы нам биться с копами и плясать под музыку одновременно.

Йиппи планировали покрасить машины под такси, чтобы подбирать делегатов, стремящихся в отель, и выбрасывать где-нибудь в Висконсине.

Мы рассчитывали наводнить отели нашими йиппи-коридорными, которым надлежало трахать жен делегатов.

Йиппи, одетым, как Вьетконг, надлежало раздавать бесплатный рис и целовать детей на улицах.

А ночью 100 000 человек подожгли бы свои повестки, выписав языками пламени «БЕЙ АРМИЮ».

Ренни Дэвис и Том Хейден уворачивались от бомб в Северном Вьетнаме, когда услышали, что в Чикаго пройдет съезд Демократической партии. Они без промедления решили привести в Чикаго сотни тысяч человек, которые бы остановили бомбы, падающие им на головы.

Дик Дейли каждую ночь засыпал, выпив теплого молока, съев печенья с кремом, вылавливая лобковых вшей (которыми его наградили консультационные совещания за закрытыми дверями с Эдгаром Гувером) и почитывал на сон грядущий рассказики, которые назывались «Йиппи. Избранное».

Все новые и новые эпизоды разворачивались посредством Красной бригады Чикаго в его офисе день за днем в 5 вечера.

Мы вручали бумаги амбициозному рекруту Красной бригады, который передавал их своему боссу, который, в свою очередь, переадресовывал их Дейли.

Йиппи наладили 24-часовую поставку собственной информации напрямую Дейли!

Какие эмоции овладевали им, когда он лежал в мягкой кроватке и читал о забастовках, на которых ебутся, курят траву и грабят прохожих, и о космических дозах «кислоты», которые планируется спустить в систему городского водоснабжения¹?

Его, наверное, выворачивало наизнанку.

Он капитулировал за 5 месяцев до съезда. Пошел на национальное ТВ и заявил:

— Сегодня утром у меня было совещание с шефом полиции. Я настойчиво и четко приказал ему отдать приказ стрелять на поражение в любого поджигателя или просто человека с коктейлем Молотова в руке, какой появится в Чикаго, потому что они — потенциальные убийцы. Я также сказал, что необходимо приказать расстреливать и калечить любого, кто попытается мародерствовать в магазинах нашего города.

Стрелять на поражение!
Калечить!

Дик Дейли отрывает бабочкам крылья.

Дик Дейли ест мясо чернокожих на завтрак.

Дик Дейли ебет маленьких девочек и сосет хуи маленьких мальчиков.

Йиппи круто поднялись.
Дети спрашивали друг друга повсюду:
— Едешь в Чикаго?

Планы каждого переходили из уст в уста.
Собирался ли приехать Дилан? Конечно!
Beatles? Еще бы!
Rolling Stones? Йиппи!
Делегация Вьетконга? Куда без нее!

¹ Кому принадлежала идея запустить слоновые дозы ЛСД в систему водоснабжения, установить уже невозможно, однако ее принято приписывать Тимоти Лири. Этот замысел также встречается в ряде книг по предмету и даже воплощается в фильме «Wild in the Streets» (1968).

Папа Римский? Почему бы и нет!
Доктор Спок и люди из пригородов? Безусловно!
Че Гевара? Уже в пути!
Элдридж? Йиппи!
Иисус Христос? Уже на месте!
Точняк!

Мы ничего не отрицали. Мы приукрашивали любой, даже самый беспонтовый слушок и пересказывали его десяти другим людям. Почта заваливала офис йиппи, приходя со всех концов страны. Какое чудище мы выпустили из клетки! Мы создали куда больший миф о Чикаго, чем демократы.

Мы знали, почему легенда работает: на нас нападали абсолютно все. Студенты за демократическое общество призывали людей не вестись на наши обещания в статье, которая называлась «Не берите с собой огнестрельное оружие».

Каждую неделю мы смотрели на бумаги движения, распинавшие нас в печати: «Йиппи — жемчужина масс-медиа».

Ральф Глисон², буржуйский музыкальный критик, писал: «Если хоть один ребенок будет убит полицейским в августе в Чикаго, виноват в этом будет Джерри Рубин, точно так же, как Линдон Джонсон повинен в смерти каждого американского солдата во Вьетнаме».

Однажды Нэнси приснилось, что ей позвонил Уолтер Кронкайт.

— Дейли обманул нас! — верещал он.
— Успокойся, Уолтер, — сказала Нэнси.

И Кронкайт рассказал свою диковинную сказку:

— Дейли только что тайно летал к своим друзьям в Кремле. Они договорились, что Россия вторгнется в Чехословакию накануне съезда, позволив Дейли выбить из вас, ребята, все дермыши. Таким образом, и Дейли, и России все сойдет с рук».

Нэнси прокричала в ухо Уолтеру:
— Добро пожаловать в Чехаго!

WELCOME TO CZECHAGO!

Йиппи!

Чехаго был так велик, что все хотели поучаствовать.

Маккарти.

Кеннеди.

Хамфри.

Даже Линдон Джонсон собственной персоной.

Джонсон собрал пресс-конференцию. Он достал белый платок и на секунду всем показалось, что он будет сморкаться на национальном ТВ. Вместо этого он принялся махать платочком и мялить что-то о «грязной» политике.

ДЖОНСОН СДАЛСЯ ЙИППИ! Он выпадал из политики.

— Ой, блядь, — застонали мы, — Джонсон, не делай этого!

Его слова звучали так, как будто он говорил, что никогда больше не подстригется.

Мы зарыдали.

Джонсон был проницательным олдовым йиппи.

Люди перестали кричать «йиппи!».

Наш офис дезертировал. Значки йиппи полетели в помойку. Никто не охранял наши документы и не стремился их выкрасть. Телефон умер. Почтальон пропал.

Хамфри высыпал солонку на рану, высмеяв нашу «Политику экстаза» тем, что задвинул свою «Политику веселья».

Кеннеди стырил у «йиппи!» восклицательный знак. Так же, как и Джонсон, он задумал уничтожить революцию молодости, но делал это, воруя наши слова и символы.

Даже некоторые йиппи уже фантазировали, что Бобби покуривает планец в кулуарах Белого дома.

— А что, если Бобби заявится на наш фестиваль жизни и примется отплясывать? — задумался кто-то.

Благодаря хиппи Джонсону и кандидату Кеннеди интерес к Чехаго СДУВАЛСЯ. Сдувался и сдувался. Бобби оживил покрывающийся трупными пятнами съезд демократов.

Мы приняли решение ритуально покидать все наши значки в Атлантический океан под эгидой «Смерть йиппи».

Нэнси, Стю и я наблюдали, как Кеннеди разбил Маккарти на выборах в Калифорнии, и пошли спать. Меня разбудил телефонный звонок.

— Джерри, Джерри, включи ТВ! — услышал я истерический голос Тома Хейдена на другом конце. — Кеннеди застрелили.

Мне хватило одного взгляда на лицо убийцы на экране. Шок пришел сразу же, как я его узнал.

Помните того маленького тихого парня, который сидел в углу на первой встрече йиппи, посвященной фестивалю в Чехаго?

Парня, который ни слова не произнес за всю встречу. Который исчез. Которого больше никто не видел?

Сирхан, чувак, на хуя ты это сделал?

Сирхан Сирхан — йиппи.

29: БИТВА В ЧЕХАГО

Первый беглый взгляд любого американца на события августа 1968 года в Чикаго.

Две сотни фриков несутся по парку. Смешные, патлатые, шизанутые йиппята и йиппушки, практикующие японский стиль змеи в драках с телеграфными столбами, учащиеся защищаться, пиная копов по яйцам с уместным каратистским воплем «КИЙЯЯЯЯ».

Полиция Чехаго сосредоточена в районе всех водостоков города, опасаясь, как бы йиппи не бросили в систему водоснабжения гигантскую дозу «кислоты». Съезд Демократической партии проходит за колючей проволокой.

А мы еще только разогреваемся.

В воскресенье мы снулись в Линкольн-парк и насчитали 2–3 тысячи фриков. Мы, организаторы, смотрели друг на друга с печалью в глазах. Мы-то мечтали о 500 тысячах. А ожидали 50 тысяч. Но Дейли так рвал и метал, что перепугал всех, кого только мог.

У Дейли бы ничего не вышло без активного сотрудничества движения. Все представители в Калифорнии глумились над Чехаго. Студенты за демократическое общество и антивоенное движение среднего класса сказали: «Оставайтесь дома!» Единственная рок-группа, которая согласилась приехать — это MC5¹; единственным фолк-певцом, который нас не послал, был Фил Окс².

Все боялись начала: демократы намеренно выбрали Чехаго как шанс нас прищучить, поубивать, покидать в концлагеря и запустить в стране полноформатный фашизм.

Мы окинули взором немногих смельх в Линкольн-парке и тяжело вздохнули. Вот и все.

Но пусть нас набралось немного, это был жесткач: после шоковой терапии

¹ Группа, основанная в 1964 г. и просуществовавшая до 1972-го. Играла в разных стилях, включая блюз-рок и гаражный рок. MC5 считаются одними из предтеч панк-рока.

² Филип Дэвид Окс (1940–1976) прославился своими песнями протesta, участвовал во многих политических событиях, в том числе в съездах, посвященных войне во Вьетнаме и борьбе за гражданские права. В 1970-е интерес к музыке Окса пропал, что в конечном счете привело к его самоубийству. Спустя много лет выяснилось, что у ФБР на Окса было 500-страничное досье.

пии Дейли кто, как не самые наглые, бесстрашные, обдолбанные, крезанутые долбоебы, мог припереться в Чехаго?

Мы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО были неебово хуевыми. Грязные, вонючие, чумазые, дурные, наглотавшиеся, одержимые. Живой пример мерзости и убожества, воплощенный в аутсайдерах среднего класса.

Мы ссали и срали на людях; мы переходили дорогу на красный свет; мы открывали бутылки «Коки» зубами. Мы перманентно пребывали под кайфом, без опаски пробуя любой наркотик, известный человечеству.

Мы представляли силы изгоев Америки, позоря самих себя на мировой арене.

Врубайся! Будущее было в наших руках!

Йиппи!

На протяжении полугода мы пытались встретиться с Дейли на предмет спанья в его ебучих парках. Я также хотел сказать ему, что он – великолепный актер, заслуживающий «Оскара» за роль мэра. Но Дейли продолжал отправлять нас к своему недалекому заместителю-обосрышу Дэвиду Столу.

А Стол, оправдывая свою фамилию, складывал бумаги в стол, ни фига не делая. Бесплодные переговоры между мэрией и йиппи привели к тому, что Аллен Гинзберг спел Столу «Харе Кришну».

Так разрешат они нам спать в парках и позволят ли вообще тусить? Или погонят по улицам, создавая впечатление того самого мятежа, которого они с таким рвением обещали избежать?

Смерть пришла в Чехаго за несколько дней до Смертельного Съезда.

На улицах Старого Города осатанелые свиньи застрелили одного йиппи.

Индейец сиу.

Дин Джонсон.

Мы шли в похоронном марше.

Чернокожий брат стоял на тротуаре оживленной улицы, на которой погиб Дин, говоря всем, кто проходил по месту убийства:

- Осторожно, сэр, под вами мертвый человек.
 - Осторожно, мистер, вы на него наступили.
- Он указывал на пятна засохшей крови на мостовой и на две дыры от пуль в стене.
- Извините, сэр, вы только что наступили на мертвого брата.
- Периодически появлялись чехагские копы и принимались молотить нас дубинками.

Поначалу многие с неохотой называли копов свиньями. «Свинья» пришла из Сан-Франциско и Беркли от «Черных пантер». Но нам хватило одного взгляда на здоровенных чехагских бело-голубых хряков, чтобы согласиться: они действительно очень походили на свиней.

А еще у них было по два стволов: один для быстрой стрельбы, другой — для неторопливой.

Чехаг напоминал Дикий Запад.

Вечером в воскресенье полицейская машина ехала по Линкольн-парку. Со всех сторон раздавалась музыка йиппи: ритм камней, стучавших по кузову брички и на конец разбивших лобовое стекло. Битва в Чехаго началась.

Гротескные бронетранспортеры с мощными огнями въехали на территорию парка и принялись стрелять баллонами со слезоточивым газом, от которого очень хотелось блевать.

Впереди шли свиньи в противогазах, похожие на зловещих космонавтов. Они указывали путь, как вурдалаки в аду, превращая парк в бассейн слезоточивого газа.

Йиппи противостояли Машине до последнего, а потом рассыпались по улицам, радостно вопя: «Улицы принадлежат народу!»

Йиппи разводили огонь в мусорных контейнерах и катили их по улицам, вырубали пожарную сигнализацию, ломали светофоры, били окна камнями, создавая хаос в сотне районов города.

За нами мчались полицейские машины. Мы падали ничком, не производя ни звука, пока они не скроются.

Если полицейская машина попадалась одна, ее забрасывали камнями.

Ты находишь людей, которым можешь доверять, и они становятся твоей революционной ячейкой. Улицы сами предлагали оружие. Ветка дерева становилась дубиной. Камни сами шли в руки.

Жители пускали нас в дома, оберегая от озверевших свиней.

Белые ребята из рабочего класса помогали йиппи возводить баррикады.

Бастовавшие чернокожие водители автобусов присоединились к йиппи и швыряли камни в отколовшихся белых водителей.

Репортеры стояли повсюду, делая заметки и щелкая затворами камер. Им казалось, что они на 38-й параллели чего-то нового.

Хуяк! Свинья раскроила кому-то череп.

Журналистская кровь!

Хрясь! Еще один фотограф падает, капая красненьkim на белую рубашку.

Хрясь!

— Эй, я — корреспондент *Associated Press*!

— Не сомневаюсь, ебанат. Получи!

Во вторник йиппи уже аплодировали репортерам и фотографам, которые показали себя на полях сражений. Уже только появиться в районе бунта было актом храбрости. Нас объединяли бинты на головах.

Слово неслось по миру: Демократы — партия крови, свиней и жестокости. СВИНЬИ против ЛЮДЕЙ. Каждая свинья представляла свой собственный закон на тех улицах.

Репутация правительства была подмочена настолько серьезно, что нам оставалось обратиться за помощью только в ООН. Йиппи объявили себя новойнацией, требовавшей суверенитета.

Стю продемонстрировал свою перевязанную голову на международной пресс-конференции и попросил Совет Безопасности ООН выслать миротворцев и занять Чехаго немедленно.

У Тан³ получил наши требования телеграммой спустя два часа. Мы получили ответ, отпечатанный на мимеографе, *три месяца спустя*. В нем говорилось, что запрос перенаправлен одному из 20 тысяч представителей ООН.

Свиньи нарушили покой Линкольн-парка утром вторника, чтобы арестовать Тома Хейдена и Вульфа Лаунталя. Мы ринулись пикетировать тюрьму и закончили восхождением к памятнику генералу Логану в Грант-парке. Мы подняли флаг Вьетконга высоко над статуей.

— Выглядит даже лучше, чем звездно-полосатый на Иводзиме⁴, — крикнул кто-то.

Сотни свиней двинулись к холму, чтобы отбить его у нас.

Во вторник партизанская стратегия йиппи привела к величайшей победе. Слезоточивый газ, предназначавшийся для йиппи, угодил в вентиляционную систему отеля «Хилтон».

Хуберт Хэмфри был в постели, когда почувствовал нечто забавное. Ему пришлось простоять под струей душа 45 минут, чтобы смыть с себя вонючий, жгучий газ.

Газеты трубили: «ХАМФРИ ПОЛУЧИЛ ПОРЦИЮ СЛЕЗОТОЧИВОГО ГАЗА».

Наша тактика сработала — если они попытаются травить нас, они и себя потравят.

Вереница сонных речей в среду в стиле «война аморальна и незаконна» была прервана спуском американского флага. Спускать флаг не только нелегально, это еще и подвергает сомнению мужественность каждой чехагской свиньи, в связи с чем они атаковали нас га-

³ У Тан (1909–1974) — генеральный секретарь ООН в период 1961–1971 гг.

⁴ Имеется в виду снимок Джо Розенталя (1911–2006), на котором фотограф зафиксировал поднятие флага на острове Иводзима, где в период с 19 февраля по 26 марта 1945 г. состоялась одна из самых кровавых битв между императорскими войсками и армией США за всю историю их противостояния во Второй мировой войне: американцы потеряли 28 тысяч человек, японцы — 20 700 (из 21 000). Фотография Розенталя удостоилась Пулитцеровской премии и стала символом непобедимости американцев. Сюжет фильма Клинта Иствуда «Письма с Иводзимы» (2006) вращается именно вокруг этого снимка, а 11 сентября 2001 г. фотограф Томас Франклайн даже сделал своего рода ремейк этой работы, запечатлев пожарных, поднимающих американский флаг над развалинами Всемирного торгового центра.

зом и дубинками и были встречены градом камней, пакетов с дерьямом и обломков скамеек.

Вслед за этим 10 000 человек предприняли попытку несанкционированного марша к амфитеатру и были остановлены кордоном свиней.

Мы бежали к отелю «Хилтон», но каждый мост к нему заблокировали отряды Национальной гвардии, которые выстреливали слезоточивым газом всякий раз, как мы приближались.

— СЮДА, СЮДА! — кричал кто-то. — Свободный мост.

Благодаря колоссальному ляпу свиней мы заполонили мост к парадной двери «Хилтона» и вышли на Мичиган-авеню.

Свиньи получили приказ очистить от нас окрестности. Прожекторы телевизионщиков превратили темную улицу в шикарную бродвейскую постановку, в рамках которой копы травили всех слезоточивым газом, дубасили репортеров, швыряли старушек в витрины магазинов, разбивали лица в кровь и всячески старались сжечь нас со свету.

Йиппи возводили баррикады, разжигали костры, переворачивали мусорские воронки и сеяли хаос. Выдвижение Хамфри состоялось в те самые минуты, когда нацистское государство усмиряло собственный народ.

Сцены избиения копами маккартистских домохозяек, газетчиков и фотографов, либеральных студентов и студенток, йиппи, делегатов и непричастных наблюдателей были записаны на пленку.

Кадры, запечатлевшие бесстрашную молодежь на поле боя, вновь и вновь мелькали по всем телеканалам как бесконечное воспроизведение *краха старой Америки*.

30: ВЫДВИЖЕНИЕ И ВЫБОРЫ СВИНТУСА

Значки с хрюшками, свиные наклейки на бамперах, поросьячья реклама в New York Times, хрячки офисы по всей стране!

Вот это да!

Все продолжали спрашивать:

— Мы знаем, против чего вы протестуете. Но что вы предлагаете?

В конце концов мы нашли ответ: мы — за свинью в президенты!

По крайней мере, позитивная программа.

Наш слоган звучал так: «*Зачем брать свинтавра, если можно взять целого хряка?*»

Теперь фестиваль йиппи представлялся совершенно четко: драматический издевательский съезд с пла-нокуренным выдвижением кандидатов и делегатами из Средиземья, Аквариуса, Нью-Мехико и Нижнего Ист-Сайда.

«Делегация с Телеграф-авеню отдает пятьдесят голосов в пользу... свиньи!»

Бурные овации.

Но идея выдвижения свиньи произвела раскол в движении. Некоторые йиппи хотели убить Свинтуса на гигантском пикнике и сожрать. Типа демократы выдвигают своего кандидата, и он ест людей, а у йиппи будет наоборот. Мол, мы схаваем кандидата прежде, чем он прожует нас.

Только одна политическая проблема могла посеять раздор между йиппи. У нас не было непоняток с капитализмом (против), Албанией (за), свободным сексом (за), Договоре о противоракетной обороне (за). Но вегетарианство почти уничтожило нас.

Никто не говорил, что свинина не кошерна, даже при том, что йиппи — это хиппи-иудеи. Но Эд Сандерс¹ от-

¹ Эд Сандерс (р. 1939) — поэт, певец, издатель, активист, защитник окружающей среды. В 1962 г. основал авангардный журнал Fuck You: A Magazine of Arts, где публиковал таких битников, как Ален Гинзберг, Питер Орловски, Уильям Берроуз, Эри Снайдер и Грэгори Корсо. С 2006 г. живет в том самом Вудстоке, штат Нью-Йорк, издавая Woodstock Journal и изобретая такие музыкальные инструменты, как говорящий галстук и ми-кротоновая микролира.

казался состоять в какой бы то ни было политической партии, если она будет иметь отношение к убийству живого существа.

Открытая война разгорелась, когда мы прибыли в Чехаго. Я пришел в ярость, когда Эбби отправился на ферму и вернулся с миленьким, молочным поросенком по имени Петуния.

— Наш Свингтус должен быть самым зловонным, отталкивающим боровом, который когда-либо пердел на земле! От него должно тошнить, — сказал я.

Йиппи сделали официальное заявление, которое подверглось нескольким болезненным ударам и осуждению массами. Стала ли свинья символом движения? Хотели ли йиппи насмешить Америку? Или взорвать ее? Эбби и Пол согласились снять Петунию с выборов, если мы найдем более стремную свинью.

Мы ничего не знали о свиньях. Я слышал, что Джим, продавец в магазине для торчков, раньше жил на ферме. Я спросил, знает ли он что-нибудь о свиньях.

— Немного, — ответил он.

На следующий день мы упаковались в машину с 25 баксами в кармане и поехали в деревенский Иллинойс, чтобы приобрести нового президента Соединенных Штатов Америки.

На первой ферме держали двухсоткилограммовых хряков.

Лучше не придумаешь!

В смысле, отвратней. Они нас так ужасали, что подходили идеально. Все задатки будущего руководителя страны.

У одного даже было выражение лица, как у Фемиды Верховного суда.

Чем больше свин весил, тем страшнее выглядел. Но беда заключалась в другом. Если мы будем таскать по городам 200-килограммовую свинку, она быстро схватит инфаркт и померет. Каким покажет себя наш театр, если кандидат откинет копыта во время произнесения речи о согласии на выдвижение? Переживет ли Америка смерть четвертого по величине общественного деятеля за историю страны?

На следующей ферме были свинки всех возрастов и размеров. Мы засмеялись. И смеялись, пока не стало плохо. Получают ли демократы столько удовольствия, выбирая кандидата? Мы мечтали об одном: притаранить в Чехаго все стадо. *В смысле, свинкам действительно не помешает сходить в душ.* Они задевают за живое.

Мы остановили человека в соломенной шляпе, который куда-то бежал.

— Слышал, много демонстрантов приезжает в Чикаго на этой неделе, — сказал он. Таким он видел съезд демократов. Его слова убедили меня в том, что мы уже победили.

Мы сказали, что свинья нам нужна для школьного спектакля и вручили ему 25 баксов.

— Берите любую, — сказал он.

Вокруг шныряли пятьдесят черных с серым свинок. Блин, они и впрямь были грязными. И воняли какашками. Фермер предложил нам ловить ту, что понравится. Мы напряглись и оглядели друг друга. Ни один из нас прежде свиней не ловил.

Свиньи тоже напряглись. Они сматывались всякий раз, как мы приближались. Так мы и носились за ними, пока не загнали одну в угол. Джим держал животину за хвост, пока мы хорошенко ее не схватили. Это был хряк шести месяцев от роду, весом сто кило. Новый кандидат в президенты отправлялся в долгий путь к Белому дому.

Мы погрузились в грузовик. Было жарко. Свинтус неистово скакал. Каждые 10 минут нам приходилось заезжать на бензоколонку, чтобы полить его водичкой. Он продолжал визжать и беситься. Но он не дрался с нами. Я сделал вывод: *четвероногие свиньи безобидны*.

Идея заключалась в том, чтобы привезти Свинтуса в городской административный центр несколькими днями позже для объявления о его выдвижении. Юристы сказали, что мы нарушим общественный порядок, если привезем деревенское животное в мегаполис. А если бы Хамфри приволок в Чехаго цирк-шапито? Его бы арестовали? Все законы политичны.

Успеем ли мы доставить Свинтуса в муниципалитет прежде, чем копы его примут? Мы собрали большую

международную пресс-конференцию, рассчитывая на то, что копы постесняются ее прервать. Для них было бы серьезной ошибкой хватать Свингтуса, провоцируя драматичный миф, который покатится по планете.

Полиция караулила на улице — ждала, когда кто-то из нас спозаранку поедет за свиньей. Поэтому рано утром мы пустили их с одной машиной по ложному следу, а на другой спокойно забрали нашего кандидата.

Сцена у муниципалитета была снята на телекамеры, попала на радио и в газеты. Там были даже фэбээровцы. Появилась машина со свинкой, и йиппи затянули гимн, проталкивая себя и орущего кандидата через парадный вход.

Десять двуногих свиней приняли нас прежде, чем Свингтус успел *хрюкнуть*.

— Демократия в Америке — пиздеж! — кричал я, когда нас вязали. — Они даже не дают нашему кандидату произнести речь!

Они зашвырнули семерых из нас в воронок и захлопнули дверь. Потом снова открыли дверь и забросили к нам Свингтуса. В тюрьму мы ехали в компании нашего кандидата. Мы ждали, что у нас снимут отпечатки пальцев, когда явился жирный чехагский коп и сказал:

— Джентльмены, у меня для вас плохие новости. Всем вам предъявлены тяжкие обвинения.

«Вас сдала свинья».

Свингтус владел умами всех окружающих на протяжении съезда.

— Ну, он ничем не хуже других кандидатов, — заметила официантка. Типичный ответ на программу Свингтуса с обещаниями большого количества мусора и грязи. Но наш свин обвинил правительство США в дискриминации. Его главным требованием было разрешить голосовать на американских выборах жителям всей планеты на том основании, что Америка полностью контролирует земной шар.

Мы требовали, чтобы Свингтуса немедленно отправили в Белый дом в Техасе на брифинги по вопросам внешней политики, как любого другого кандидата. Мы требовали защиты спецслужб.

Вместо этого, куда бы Свингтус ни приезжал со своей кампанией — в Сан-Франциско, в Нью-Йорк и даже

в Лондон, везде его забирали. И всякий раз мы отправлялись на ферму за новым кандидатом. Свиньи совсем как демократы и республиканцы: одна ничем не хуже другой.

Кое-кто говорит, что йиппи — это пародия. Но кто был большей пародией — Свинтус или Маккарти? Маккарти велел нам подстричься и вернуться в систему, чтобы проголосовать за него и закончить войну.

Это не сработало, Маккарти пролетел и попросил всех своих сторонников отдать голоса за Хамфри.

Свинтус, верный своему слову, не поддерживал ни одну другую свинью.

Пройдя немалый отрезок жизненного пути вместе со Свинтусом, включая арест и ущемление гражданских прав, йиппи полюбили его как своего.

Мы оскорбляем четвероногих друзей, называя полицейских свиньями. Четвероногие свиньи совершенно безобидны и уж точно не садисты. Они просто любят валяться в собственном деръме и кушать его.

Они — гедонисты с плохими вкусами.

Свиньи — это йиппи на более низкой ступени эволюции.

31: МОЙ «ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ» – ЧЕХАГСКАЯ СВИНЬЯ

Санни была выше меня на 20 сантиметров. Ноги и руки – в татуировках.

Мне не требовался телохранитель. Но прикол с высоченной блондинкой способствовал хорошему спектаклю.

Санни посмотрела на меня сверху вниз и сказала:

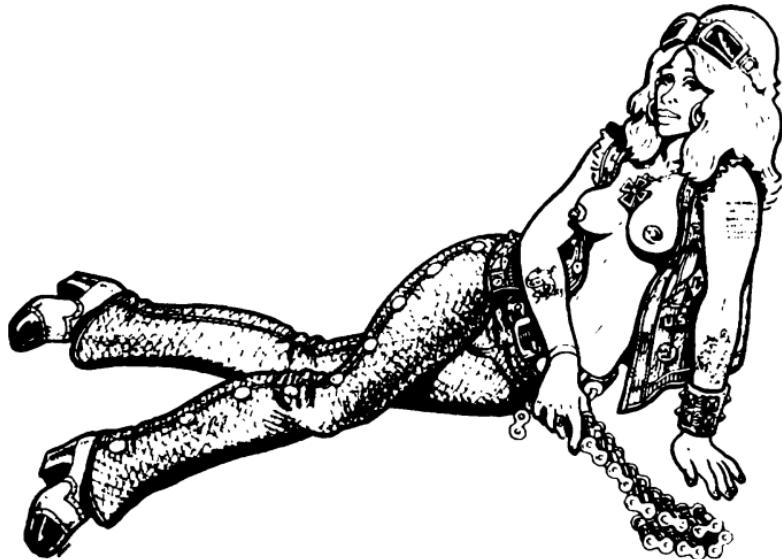
– Спокойно, Джерри, у меня кое-что есть.

И указала на сумочку.

Две минуты спустя Санни представила меня Бобу. На нем были черная кожанка, черная футболка, черная фуфайка, ботинки, а также черные: шлем, солнце-защитные очки и двудневная щетина.

НА ТОТ МОМЕНТ Я НЕ БЫЛ В ДУНЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ПОДНО ЭТО ЗЛОВОНИЕ УЖЕ ОБЪЕДИНИЛОСЬ С ДРУГИМИ ДЕМОНСТРАЦИЯМИ.

Какое-то время их не было. Они принесли мне мороженое.

Боб, не останавливаясь, втирая мне, что нужно лучше питаться и больше спать.

Наставлял, чтобы я внимательней относился к своему здоровью.

Вел себя, как еврейская мамаша.

Душный дядя.

Ночью, когда полиция начала травить Линкольн-парк газом, Боб перепугался, как нашкодивший первоклассник.

Я дал ему мощную таблетку и велел отправляться домой. Наркотик был мощнее кислоты раз в 1000. Он проглотил пилюлю, запрыгнул на байк и с ревом унесся в Трипландию.

— Я ДОГОВОРЯЛСЯ С МОИМ ЧЕЛОВЕКОМ В ПОЛИЦИИ ОБМЕНЫВАТЬСЯ ЗАПАСКАМИ В МУЖСКИХ ТУАЛЕТАХ ЛИНКОЛЬН-ПАРКА, ПОТОМУ ЧТО БОЛЬШИНСТВО ЙИНИНГ ТУАЛЕТОВ НЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ. ПРЕДПОЧИТАЯ СПРАВЛЯТЬ ПУЖДУ ГДЕ ПРИДЕТСЯ...

22.00, четверг. Самые стойкие из бойцов продолжали носиться по улицам от полицейских машин при битве за «Хилтон». Мы забурились в ресторан. За нами последовал подозрительный гусь.

Мы побежали по улице. Дорогу нам преградила машина, из которой выпрыгнули четверо.

— Джерри Рубин, Джерри Рубин, мы тебя любим! — проорал один.

— Я иду домой, — пробормотал я.

— Мы отвезем тебя домой, — крикнул другой, хватая меня за волосы и засовывая в машину.

Нэнси отшвырнули, поинтересовавшись, не хочет ли она составить мне компанию, и дали по газам.

— Мы запихнем тебя в мешок и сбросим в реку, Рубин.

— На какой бы улице ты ни нарисовался, там всегда погром.

Свин передал по радио:

— Мы взяли Джерри Рубина.

Меня отвезли в их штаб-квартиру. Маленькая ком-

натка, присутственное место в здании политической полиции Америки, Красных бригад — тех самых чуваков с ожирением, которые трутся по краям демонстраций с фотоаппаратами и диктофонами, в спортивных майках, висящих поверх штанов, чтобы скрыть стволы. Они всегда стараются очень дружелюбно с нами общаться («Привет, Том!», «Как дела, Мартин?»), собирая на нас досье и раскрывая планы чудовищных злодеяний.

Они кричали мне в лицо наперегонки:

- Кто победил, Джерри? Кто?
- Вы, ребята, когда-нибудь моетесь?
- У вас у каждого своя девчонка или вы спите со всеми подряд?
- Что вы будете делать, если попадете в правительство?
- Почему бы вам не вооружиться и не устроить революцию прямо сейчас? Мы готовы.
- У вас есть связи с китайскими коммуняками?

ВОЗМОЖНО, НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ БЫЛИ ИДЕАЛИСТАМИ. Но, когда я встречал молодых людей, которые не мылись день за днем, неделю за неделей, я не мог воспринимать их идеализм всерьез.

— Джерри, тебе нравится Чикаго? Ты здесь долго в тюрьме сидеть будешь.

— Как я мог вызвать мятеж? Я знаю в Чикаго всего пару сотен человек, — сказал я.

— А точнее — сколько человек знаешь?

— Сто двадцать четыре.

— А на самом деле сто двадцать три.

Я ВІДІД, КАК ЛІЦЕРЫ ІНІЇШ ВПРЫСКІВАЮТ НАРКОТИКИ В КРЕМОВІЕ НІРОЖНІЕ, ЧТОБЫ СКАРМЛІВАТИ ДЕМОНСТРАЦІАМ. КОГДА ОНИ ВСТУПЛЯЮТЬ В СТОЛКНОВЕННЯ С ПОЛІЦІЄЮ, Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ЄСТЬ БЫЛИ ЗА НАРКОТИКИ. Но, як ми сказали, они одурмлюють людей і ділят свіреними в скватіках зі свиньями.

Копы нашпиговали собой крохотную комнатку: все хотели места в первом ряду на полночном представлении. Их набралось человек 30.

Внезапно нарисовался Боб. Он смотрел на меня холодным, тяжелым, остервенелым взглядом. Он был коротко подстрижен, чисто выбрит и одет в костюм.

Два часа спустя благодаря показаниям Боба Пирсона мне предъявили «призывы к мятежу» и кинули в тюрьму, установив залог в \$25 000 – даже для убийц назначается меньший.

Заголовок на передовице *Chicago Tribune* на следующий день прямо-таки полыхал:

«КАК КОП ШПИОНЛИЛ ЗА ЙИППИ: НЕ БРЕЯСЬ И НЕ ПРИНИМАЙ ДУШ, ОН ПРОНИК В ВЫСШИЕ ЭШЕЛОНЫ ВЛАСТИ. ЧТОБЫ УЗНАТЬ ИХ СЕКРЕТЫ, ОН БЫЛ ПОЛКОВОДЦЕМ И ТЕЛОХРАНИТЕЛЕМ»

В свою очередь, *New York Daily News* раскопала, что Боб стырил мой дневник и «передал его начальству после того, как имитировал драку с другим полицейским и был арестован».

— ДЕВЧИКИ ПОСЛАННЫЕ ПЛАТЬЯ, ПОД КОТОРЫМИ НИЧЕГО НЕ БЫЛО, И ВЕСЕННИЕ ФОТОГРАФЫ И ДЕМОНСТРАНТОВ ТЕМ, ЧТО ПЕРIODИЧЕСКИ ЗАДИРАЛИ ИХ ДО ГОЛОВЫ. ГАРНИНГТОН ПЕЗАСТЕПИЛ ИНТИРИКИ, ПОКАЗЫВАЯ СВОЕ ДОБРО ПРОХОЖИМ...

Потом был декабрьский выпуск «Официальных детективных историй»: «ЭКСКЛЮЗИВ! ЙИППИ ПЛАНИРУЮТ СОРВАТЬ СЪЕЗД ДЕМОКРАТОВ». Здесь следовала сенсационная фантазия Боба о том, каким образом он стал моим телохранителем: «Драка развязалась неподалеку от того места, где мы гуляли. Я ворвался в толпу и раскидал драчунов в разные стороны. Я знал, что Джерри Рубин где-то рядом и очень хотел взять у него интервью. Я показал ему, что ничего не боялся и был крут.

Через час случилась еще одна драка, опять же в пределах видимости Рубина – я и ее разнял.

Дерущиеся в третьей потасовке были покрепче, и с ними вышло не так просто. Однако, благодаря моим габаритам и тренировкам, как в полиции, так и в спецслужбах я показал этим парням трюки, которых они не знали.

Для того чтобы положить конец этой сваре, мне пришлось нанести некоторые повреждения трем мужчинам. Когда я с ними закончил, меня зауважали по-настоящему.

«Все это видел Джерри Рубин, который, посвящавшийся с Эбби Хоффманом, предложил мне стать его личным телохранителем».

Боб изгнал из своих кислотных глюков Санни, потому что в превосходстве над чувихой было мало героического. Мифические схватки куда лучше раскрывают образ крутого парня. Санни между тем пришлось свинтить из города, потому что Боб и ей предъявил обвинение.

«ЕСЛИ ЭТО БЫЛИ ДЕТИ, ГДЕ НАХОДИЛСЯ ИХ РОДИТЕЛИ? ПОЧЕМУ ЭТИ ДЕТИ НЕ СИДЕЛИ ДОМА, А ПОЕХАЛИ В ДАЛЕКИЙ ОТНИХ ГОРОД, ЧТОБЫ ОТКРОВЕННО БЕЗОБРАЗИНЧАТЬ?»

«Я НЕРН ВЫКРИКИВАЛ КОЛКОСТИ В АДРЕС ПОЛИЦИИ, ПРОВОЦИРУЯ, ЧТОБЫ МЕНЯ ИЗБЫЛИ ДУБЫНКАМИ. ОНИ НЕ ЗНАЛИ, КТО Я. ПО УТВЕРЖДАЛИ, ЧТО Я ПАЗЫВАЛ ИХ ПО ИМЕНАМ И БЫЛ НЕСКОЛЬКИМ ГИДАМИ ОРУЖИЯ»

Коп под прикрытием – это охренительный трип! Возвеличивая собственные иллюзии, он возвеличивает и людей, за которыми шпионит, делая их выше метров на 300.

Пирсон сделал нас суперфриками, способными глотать гораздо больше наркоты, трахать больше телок, убивать больше свиней, поджигать больше зданий и бросать в копов куда больше дерьма, чем все фрики мира могут совместными усилиями выкарать.

«ПОСЛЕДНИЕ ПАРУ ДНЕЙ, ПЕРЕД ТЕМ КАК ОТИРАТЬСЯ НА ЗАДНИЕ, Я ГЛАДЬНО ИЗБЕГАЛ ДУНА»

Если кто-нибудь когда-нибудь задумает снять голливудский фильм о йиппи, Боб Пирсон должен написать сценарий.

Большой Боб – йиппи.

Он принимает свои мечты за реальность.

32: КАК AMERICAN AIRLINES, РИЧАРД НИКСОН, СПИРО ЭГНЮ¹, СТРОМ ТАРМОНД², ДЖОН МИТЧЕЛЛ³, УОЛТЕР КРОНКАЙТ, CBS⁴, NBC⁵, ABC⁶, ДЯДЮШКА ХО⁷ И МИЛЛИОН ДУХОВ СГОВОРИЛИСЬ СЖЕЧЬ ЧЕХАГО

¹ Спиро Эгню (1918–1996) — вице-президент в администрации Ричарда Никсона в период 1969–1973 гг. Досрочно покинул пост из-за обвинений в сокрытии доходов и отмывании денежных средств, факты которых имели место еще в период его губернаторства в штате Мэриленд.

² Стром Тармонд (1902–2003) — губернатор Южной Калифорнии в период 1947–1951 гг., сенатор от штата Южная Калифорния в период 1956–2003 гг., временный глава Сената США в период 1981–1987 гг.

³ Джон Ньютон Митчелл (1913–1988) — генеральный прокурор США в период 1969–1972 гг. Был замешан в Уотергейтском деле.

⁴ CBS — телерадиокомпания, основанная в 1927 г.

⁵ NBC — телекомпания, основанная в 1941 г.

⁶ ABC — телерадиокомпания, основанная в 1943 г.

⁷ Имеется в виду Хо Ши Мин (1890–1969) — президент Демократической Республики Вьетнам (Северный Вьетнам) в период 1945–1969 гг.

Зацени прикол собаки Павлова: звонишь в колокольчик и даешь ей еду.

Вскоре от одного звонка у псины текут слюни.

Условный рефлекс.

Ребята с Мэдисон-авеню не без помощи наемных психологов натаскали американское общество 1950-х на собственный звонок — «коммунизм».

«С неграми несправедливо обращались на протяжении столетий, но коммунисты используют Движение за гражданские права, поэтому мы должны остановить их».

Политик звонит в колокольчик. Люди возбуждают и дрожат. С неграми покончено. Кто следующий?

«В Южном Вьетнаме не существует демократического строя, как в Соединенных Штатах, Вьетконг — коммунисты, так что лучше мертвый вьетнамец, чем красный».

Политик бьет в набат, и рядовой американец пускает слюни на звездно-полосатый галстук.

Но тут случается Чудо — рождаются дети. Дети, которые не вздрогивают при слове «Сталин».

Дети, которых сексуально возбуждает «революция».

Дети, которые прутся от звука «йиппи».

Дети, блюющие, слыша «Никсон».

Правительство лютует в поисках нового *слова*, от которого американцы обделались бы. У них даже есть спец по семантике по имени Хаякава, который проделывает большие исследования в Городском колледже Сан-Франциско.

Они пробуют на нас много слов.

Наиболее популярное сегодня — это «*заговор*».

Они арестовали семерых радикалов из Беркли по обвинению в *заговоре* создания Недели остановки призыва⁸. Заговор с целью совершения мелкого нарушения — это тяжкое преступление; достаточно врубиться в семантическую составляющую.

Они повязали подростков в Толедо по обвинению в *заговоре* курения травы.

Они арестовали труппу спектакля «Че» по пьесе Леннокса Рафаэля в Нью-Йорке из-за *заговора* согласованной содомии.

Двадцать один член «Черных Пантер» был арестован по подозрению в *заговоре* совершения взрывов в продуктовых магазинах в Ботаническом саду.

И вот они арестовали Бобби Сила из «Черных пантер», Дейва Диллинджера, Тома Хейдена, Ренни Дэвица, Эбби Хоффмана, Ли Вайнера, Джона Фройнса и меня, обвиняя в *заговоре*, целью которого было нарушение государственных законов и съедение молочного поросенка в Чехаго.

Заговора без конспирации не бывает. Согласно лингвистам йиппи, «конспирация» имеет латинский корень, который означает «дышать в унисон». Наше преступление в том, что мы дышим. Преступление становится тяжким, когда дышишь в унисон с кем-то еще. Степень серьезности тяжкого преступления зависит от того, сколько людей дышит в унисон в одном месте.

Мы — заговорщики. Мы — самые большие, стремные, охуевшие заговорщики, каких видела история.

На нашей стороне все. Только представить себе: все люди, работавшие с нами, участвуют в планировании бунта в Чехаго.

⁸ Stop the Draft Week — неделя в октябре 1967 г., отмеченная массовыми акциями протesta против войны во Вьетнаме и обернувшаяся масштабными столкновениями молодежи с полицией. В Окленде на демонстрацию собрались 4000 человек. Около тысячи человек вернули свои призывные повестки в военкоматы по всей стране.

⁹ Trans World Airlines — авиакомпания, основанная в 1925 г.

Первыми на ум приходят авиалинии. American Airlines, United Airlines, TWA⁹ — все доставляют нас в пункт назначения по *малодежному тарифу*.

Все, что нужно для получения такого билета, — это отрастить длинные волосы. Все патлатые на одно лицо. Ведя себя, как моя 20-летняя ученица игры на фортепиано Джил, я миллион раз летал из Нью-Йорка в Чехаго, чтобы разработать заговор.

Ричард Никсон, Спиро Эгню, Стром Тармонд и Джон Митчелл были так взволнованы, что предоставили нам \$500, чтобы мы могли сделать первое заявление йиппи всему миру.

Но за настоящими деньгами мы отправились на телеканалы, предложив им эксклюзивную информацию о том, где полицейские применят неоправданную силу. На ABC отказались, зато CBS и NBC бились за этот кусок пирога, как бойцовские собаки.

Мы устроили пробы для Бринкли¹⁰ и Кронкайта.

¹⁰ Дэвид Бринкли (1920–2003) — телеведущий новостей NBC и позднее — ABC.

Им надлежало прочитать слова «Чехаго — это полицейское государство» наиболее убедительно. У Кронкайта получилось лучше, посему мы взяли бабло у него.

Начальство телеканалов с готовностью пошло на то, чтобы их репортеров избивали копы, дабы создать эффект персональной вовлеченности бренда в происходящее.

Еще был Хо Ши Мин, говорившийся (используя международную телефонную связь, каждую беседу по которой прослушивает ФБР) с Дейвом Диллинджером организовать вьетконговский захват посольства США в Сайгоне, чтобы поддержать в чехагских революционерах волю к победе.

Мы отправили в Департамент юстиции длинный список заговорщиков, чтобы помочь в расследовании чехагского дела. Первое место в списке занимал Боб Дилан — мы уличили его в причастности по строчкам песни: «*Насос не работает — вандалы утащили рукоятку*».

Как на счет Юджина Маккарти? У него с йиппи было тайное совещание спустя неделю после выборов в Нью-Хэмпшире. Мы сказали ему, что он подогревает наивные ожидания и может спровоцировать бунт правой молодежи в Чехаго. Он не стал спорить (мы отправили кассету с этой записью в департамент юстиции).

Блядь, это Рыжий Дэнни¹¹ с парижских баррикад, поднесший спичку к Франции за три месяца до Чехаго, выстрелил в нас своим адреналином. И мифический Марк Рудд¹² покорил Колумбийский университет, чтобы раскрутить революционный маховик.

Если ФБР хотят посадить реальных создателей Чехаго, им нужны Кэрил Чессман¹³, Чарльз Ван Дорен¹⁴, Мэрилин Монро, Стэнли Оусли¹⁵, Шерман Адамс¹⁶, Уолтер Дженкинс¹⁷, Бобби Бейкер¹⁸, Тим Лири¹⁹,

¹¹ Даниэль Кон-Бендит (р. 1945) — немецкий политик. В мае 1968 г. считался лидером бунтующих студентов, по убеждениям будучи анархистом. В действительности его роль в событиях Парижской весны сильно преувеличена. В настоящее время Кон-Бендит — вице-президент группы «Европейские Зеленые — Европейский Свободный Альянс» в Европарламенте.

¹² Марк Уильям Рудд (р. 1947) — с 1968 г. лидер ячейки Студентов за демократическое общество в Колумбийском университете. В 1960-е считался представителем всех американских студентов, протестовавших, в частности, против войны во Вьетнаме. По некоторым данным, Рудд был связан с террористической организацией «Метеорологи» (Weathermen).

¹³ Кэрил Чессман (1921–1960) — грабитель, насильник и похититель лю-

дей, приговоренный к смертной казни. Чессман провел в калифорнийской камере смертников 12 лет.

¹⁴ Чарльз Ван Дорен (р. 1926) — известный американский интеллектуал, регулярно участвовавший в телевикторинах 1950-х. Участник грандиозного скандала: в 1959 г. Ван Дорен признался Конгрессу США, что продюсеры программы «Двадцать один» заранее давали ему правильные ответы, чтобы Ван Дорен не выбыл из игры — это грозило потерей существенной части аудитории.

¹⁵ Стэнли Оусли (р. 1935) — гениальный химик, один из отцов психodelического движения, чей LSD долгое время считался лучшим на планете. Дружил с Кеном Кизи и «Веселыми проказниками». Оусли посвящены песни многих рок-групп и исполнителей, включая Джими Хендрикса, Фрэнка Заппу, Grateful Dead и Jefferson Airplane.

¹⁶ Шерман Адамс (1899–1986) — губернатор штата Нью-Хэмпшир в период 1949–1953 гг., глава администрации Белого дома в период 1953–1958 гг. Лишился поста из-за скандала вокруг пальто из вигона (вид ламы) и азиатского коврика, которые ему подарили бостонский текстильный промышленник Бернард Голдфайн. Голдфайн обвинялся в нарушениях положений Федеральной торговой комиссии, в связи с чем Конгресс обвинил Адамса в получении взятки.

¹⁷ Уолтер Дженкинс (1918–1985) — долгое время главный советник Линдона Джонсона. Начал работать в администрации будущего президента в 1939 г. Блестящая карьера Дженкинса закончилась в 1964 г., когда washingtonская полиция задержала его в туалете филиала Ассоциации молодых мужчин-христиан во время совокупления с уроженцем Венгрии.

Гэри Пауэрс²⁰, Антонен Арто²¹, Эйб Фортас²², Sputnik²³, Аллен Гинзберг, Джимми Пирсолл²⁴, Джон Диллинджер²⁵, Норман Мейлер²⁶, Маркиз де Сад, Чарли Чаплин, Мэри Джо Копечне²⁷ и Лесси²⁸.

Любой список заговорщиков должен включать всех, кто жаждет свободы. Но из миллиардов были

¹⁸ Бобби Бейкер (р. 1928) — близкий друг и советник Линдона Джонсона начиная с 1961 г. Был замешан в коррупционном скандале, стоившем ему должности. Его делом занимался непосредственно Генеральный прокурор США — Роберт Кеннеди. Линдон Джонсон, который в это время занимал пост вице-президента в администрации Джона Кеннеди, тоже обвинялся в получении взяток.

¹⁹ Тимоти Лири (1920–1996) — писатель, ученый, гуру психоделического движения и автор канонического призыва, который с натяжкой можно перевести как «Включись, настройся, выпади» ("Turn on, tune in, drop out"). И хотя с годами ореол величия Лири сильно ослаб (даже собственный сын обвинял его в сотрудничестве с ФБР), он не уставал участвовать в общественной жизни. Одной из последних сильных фраз сенсея была «Интернет — это ЛСД нового поколения».

²⁰ Гэри Пауэрс (1929–1977) — американский пилот, в 1960 г. совершивший разведывательный полет над территорией СССР и сбитый советскими ПВО. Инцидент крайне негативно отразился на репутации США. Пауэрса обменяли на полковника КГБ Вильяма

Фишера (он же — Рудольф Абель) в Берлине в 1962 г.

²¹ Антонен Арто (1896–1948) — писатель, актер, режиссер. Один из основателей сюрреализма, выдающийся теоретик драматургии, проповедник нигилизма и отец концепции «театра жестокости». Десять лет провел в сумасшедшем доме и пять лет жил в Мексике, где ел пейот, предвосхищая эру психоделиков.

Предлагал скечь библиотеки и уничтожить все шедевры.

²² Эйб Фортас (1940–1982) — член Верховного суда США в период 1965–1969 гг. Покинул свой пост под давлением Сената: Фортаса обвиняли в получении взяток.

²³ Тема покорения звездных просторов была очень популярна в молодежной среде США 1960-х. Недаром одним из любимых фильмов хиппи считалась «Космическая одиссея 2001», а ее создатель Стэнли Кубрик не преминул включить в концовку психоделические визии, ради которых многие подростки пересматривали картину десятки раз.

²⁴ Джимми Пирсолл (р. 1929) — центральный принимающий бейсбольной премьер-лиги США. Прославился благодаря маниакально-депрессив-

ному психозу, который выражался во вспышках ярости на поле, приводивших к регулярным дракам с другими игроками.

²⁵ Джон Диллинджер (1903–1934) — культовый грабитель банков, чей интеллект и проворство сводили с ума власти много лет. Был застрелен агентами ФБР на выходе из кинотеатра.

²⁶ Норман Мейлер (1923–2007) — всемирно известный писатель, издатель, кинорежиссер, активист. Лауреат Пулитцеровской премии, ярый противник войны во Вьетнаме, кандидат на пост мэра Нью-Йорка в 1969 году.

²⁷ Мэри Джо Копечне (1940–1969) — бывшая секретарша Роберта Кеннеди, которая погибла по вине Теда Кеннеди, младшего брата 35-го президента США. Машина Кеннеди упала в реку. Копечне не смогла выбраться и утонула (по официальной версии). В результате трагедии вход в большую политику для Теда был заказан.

²⁸ Колли по кличке Лесси — популярный персонаж бесконечных книг, радио-шоу, фильмов и телесериалов, первый из которых начал выходить в 1938 г. Собаки меняются, но киноэпопея продолжается по сей день.

выбраны восемь человек.

При этом они забыли арестовать тех, кто участвовал в заговоре создания нашего заговора: Дика Никсона и Дика Дейли.

Заговор — это дух, который бродит по земле. Он больше нас всех вместе взятых.

Люди могли спокойно прогуливаться по Телеграф-авеню в Беркли ясным теплым денечком, ничего не замышляя, как внезапно их захлестывала Революция. Заговор пролетел до Пентагона, где людей тронул дух Беркли. А потом был Нью-Йорк. Чехаго. Франция. Опять Беркли. Дух везде!

Магия!

Заговор — это Вселенная.

33: «ОСКАР» ЗА ЛУЧШИЙ ПРОТЕСТ

Это величайший день в моей жизни. Я принимаю обвинение федеральных властей с искренним смиренением. Свершились все мои детские мечты, ведшие меня сквозь годы тяжкого труда и безудержного веселья.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто помог мне достичь этого: маму, папу, мою женщины Нэнси, моих братьев Джила и Луизу, Стю и Гамбо, Эбби и Аниту, Шэрона и Робина, Спартака, Тома Пэйна, Пана и Дженни, Дядюшку Хо, Макса Шерра, Джекфа и Элис, Ленокса, Фиделя, Джима Резерфорда, Маршалла Блума¹, Тули, Кейта и Джуди, Вульфа, Боба Шира², Фила Окса, Хьюи, Элдриджа, Ленни Брюса, Свингуса, Пола Краснера, Эда Сандерса, Че, Мартина Кеннера, Эйба Пека³, Уолтера Кронкайта и — последнего по порядку, но не по степени важности — Ричарда Дейли.

Я осознаю свирепость конкуренции и поздравляю всех, кто приехал в Чехаго. Я надеюсь доказать, что я достоин этой высокой награды, «Оскара» за лучший протест.

Моим обвинением я автоматически пополняю список выдающихся людей, которые пересекали границу штата с целью нарушения общественного порядка: Beatles, Элвис Пресли, поздняя Мэрилин Монро, Джим Моррисон и президент Соединенных Штатов Джо Нэмет⁴.

А знаете, кто еще виноват? Хиппи, которые наряжались в индейские шмотки, взяли на абордаж британские корабли и выбросили чай за

¹ Маршалл Блум (1944–1969) — создатель леворадикального новостного бюллетеня «Информационная служба освобождения» (LNS), который выпускался с 1967 по 1981 г., даже несмотря на самоубийство Блума в 1969 г. LNS являл собой своего рода информационное агентство для более чем 500 андеграундных газет.

² Роберт Шир (р. 1936) — либеральных взглядов колумнист San Francisco Chronicle. Был корреспондентом во Вьетнаме в период 1964–1969 гг., делал репортажи из СССР, Северной Кореи, Китая, Камбоджи, стран Латинской Америки и Ближнего Востока. Кроме того, Шир брал интервью у Фиделя Кастро и ездил освещать поездку делегации «Черных пантер» в Северную Корею. В 1995 г. выступил креативным консультантом по сценарию к фильму Оливера Стоуна «Никсон».

³ Эйб Пек — журналист, работавший в таких изданиях, как Rolling Stone, Chicago Tribune и Chicago Daily News. В период 1967–1971 гг. издавал первую в Чикаго андеграундную газету Seed.

⁴ Джозеф Нэмет (р. 1931) — футболист, в защиту в Американской и Национальной лигах в период 1965–1977 гг.

борт в 1773 году!⁵ Они пересекли границу штата с целью уничтожения чужой собственности.

Конгресс принял закон о запрете на бунт как предупреждение для любителей футбола. Фанаты, которые пересекают границу штата с целью выбежать на поле к своему герою, подлежат аресту.

Преступление может заключаться даже не в самом поступке, а в ваших НАМЕРЕНИЯХ при пересечении границы штата. Пересекать границу штата, думая о дурном, противозаконно.

Закон можно нарушить, даже находясь у себя дома! Телефонного звонка в соседний штат вполне достаточно. Или письма. Или интервью по радио или на ТВ, которое берется в одном штате, но транслируется и на другие.

Йиппи нарушили этот закон, когда отправили Дэйли письмо, в котором указали, что спустят в систему городского водоснабжения циклопическую дозу ЛСД.

Быть в эпицентре бунта вовсе не обязательно. Всегда можно прилететь в штат на реактивном самолете, двинуть речь перед собравшимися и смыться за 20 000 километров. Если после речи начнется бунт, неважно, где ты находишься, потому что ты его спровоцировал.

Закон можно нарушить, не прибегая к насилию или порче чужого имущества.

Бунт определяется как «угроза насилия или опасность порчи частной либо государственной собственности».

Йиппи в Линкольн-парке бунтовали. Так же, как бунтуют бейсбольные болельщики. А концерт Beatles – это вообще в таком случае государственный переворот.

Где пролегает грань между свободой слова и призывом к бунту? Ответ вполне прост.

Если речь не вызывала особого эффекта на собравшихся, она защищается конституцией.

⁵ Имеется в виду Бостонское чаепитие, акция прямого действия, которая считается одним из первых эпизодов революции за независимость от Великобритании. 16 декабря 1773 г. американские колонисты проникли на британские корабли в порту Бостона и выбросили весь чай в море. Поводом послужил Чайный закон, принятый британским парламентом 10 мая и определивший эксклюзивно низкую ставку таможенных сборов с чая из Восточной Индии, что нанесло американским коммерсантам серьезный экономический вред.

Но если от нее был толк, это уже призыв к восстанию.

Эффективная речь — речь, которая способна расшевелить людей, — противозаконна.

Поскольку предотвращение преступлений есть основной аспект правопорядка, закону о запрете на бунт не обойтись без полицейского государства.

Агентам ФБР придется прослушивать наши телефоны, рыться в нашем мусоре и читать нашу почту с целью предупреждения правонарушений.

Насколько далек тот день, когда ФБР установит по КПП на границе каждого штата, чтобы проверять паспорта и выявлять потенциальных бузотеров?

Когда конгрессмены принимали этот закон в 1968 году, их обуяло стадное чувство. Костища Детройта и Ньюарка еще дотлевали. Южные конгрессмены-расисты настаивали на принятии античёрного закона, вопя, что все эти бунты грозят национальным заговором, а агитаторы шныряют из государства в государство — международный коммунизм.

Целью было посадить Стоукли Кармайкла и Рэпа Брауна. Конгресс галюцинировал: не будет агитаторов, не будет и бунтов!

Америка полагает, что решение вопроса о гражданских правах кроется в принятии закона, запрещающего бороться с социальной несправедливостью.

В итоге получилось, что копы взбунтовались, потому что мы их спровоцировали длинными волосами. Мы нарушили федеральный закон тем, что отрастили патлы, которые вывели копов на улицы. Эти обвинения — личная заслуга Ричарда Никсона. Они были отложены на несколько недель и ждали его личного подтверждения в Белом доме.

Обвинения демонстрируют неистовую попытку правительства наказать всех подряд, лишь бы остановить демонстрации. Но главным результатом этих инсинуаций станет то, что любой ребенок, узнавший об этом сегодня, будет мечтать пересекать границы штата и становиться «бунтовщиком» не позднее, чем к наступлению переходного возраста. Йиппи!

34: ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК № 2

Дружба йиппи и «Черных пантер» началась в 1964 году, когда студенты из Беркли чудили в своих университетах и останавливали поезда с солдатами, а Эл드리дж Кливер сидел в Фолсомской тюрьме.

Эл드리дж пишет о своих ощущениях в «Ледяной душе»: «Я хочу сделать скачок на много километров, отрастить бороду и сделать все, что может взбесить местный национализм. Я хочу сражаться рука об руку с Че Геварой и разделить его судьбу, прокладывая все новые и новые извилины в полном безысходности и оптимизма мозгу новых левых... Я хотел бы быть в Беркли прямо сейчас — валяться в грязи, резвиться в свинарнике возбуждающей революции».

Элвидж Кливер был приговорен к тюремному заключению, когда родился в Белой Америке. Первый срок он получил за хранение того, что он называет «пакетиком, полным любви» (марихуаны), но действительным его преступлением была черная кожа.

Теперь же он сидел в тюрьме и читал о детях своих белых надзирателей, плюющих в лица заносчивых отцов!

Дети угнетателей присоединились к угнетенным!

Спустя пять лет Эл드리дж Кливер стал кандидатом в президенты США от Партии мира и свободы.

Эл드리дж четко просекал происходящее: молодые белые отвергали белое общество. Быть белым означало мыслить по-особому. Хиппи искали новой самоидентификации.

Белая молодежь взрывала мозг среднего класса Америки наркотой, сексом, музыкой, свободой, жизнью на улицах. Ею набивали тюрьмы. Она затеяла революцию не совсем в поддержку чернокожих, но потому, что сама состояла из отщепенцев и жаждала свободы.

Эл드리дж задумал альянс плохих черных и неблагополучных белых. Преступники всех стран, соединяйтесь.

Борьба и угнетение создавали новое братство.

Кроме свинок, все равны.

Но черно-белый союз возможен, только если белым достается не меньше, чем черным.

Элдридж жаждал коалиции между «Пантерами» и психodelическими активистами с улиц. У него было только одно требование к человеку, который станет кандидатом в вице-президенты, — он должен быть выпущен под залог.

А меня как раз взяли в Нью-Йорке трое наркокопов. Вот Элдридж и позвал меня.

Но что могли подумать в Партии мира и свободы? Это грозило им инфарктом.

Белые, которых никто никогда не думал притеснять, ожидающие, что рабочий класс наконец поднимется, со всей своей бутафорией, деловыми костюмами и листовками могли выдвинуть курящего траву, вооруженного до зубов негра-уголовника на пост главы государства, но чтобы они приняли всерьез белого фрика как кандидата в вице-президенты!

Боже упаси!

Я поехал на съезд партии в Нью-Йорк и выдвинул свою кандидатуру.

Я надеялся, что мы сможем вывести членов партии из их бюрократического оцепенения на улицы. Что мы создадим партию белых изгоев.

Меня послали.

Они выдвинули профессора колледжа при кожаном кейсе.

Элдридж не мог найти ни единого человека в калифорнийском отделении партии, кто согласился бы на альянс с йиппи. Все посмеивались:

— Элдридж, ты ведь это не серьезно.

Но Элдридж не мог позволить этим чувакам заточить его разум. Он покончил с тоской на очередной конференции, надев значок йиппи и выдвинув йиппи в вице-президенты.

Стю описал реакцию аудитории в статье в *Berkeley Barb*:

«Женщины плакали, мужчины, похоже, помутелись рассудком. Все сходили с ума настолько, что наилучшим образом общее мнение выражало лицо профессора, который, приблизившись к Элдриджу и внимательно разглядев значок йиппи у него на груди, воскликнул: «Боже, это правда! Как ты мог?»

Позднее Элдридж поведал Barb о случившемся: «Было такое впечатление, что я бросил в зал бомбу. Их классовые предрассудки выплыли наружу, как только они принялись разглагольствовать, что никогда не смогут объяснить остальным белым, кто такие хиппи и йиппи. О йиппи они отзывались как об «этом отребье».

Партия мира и свободы проголосовала за то, что лучше не выдвигать вице-президента вовсе, чем выдвинуть йиппи, который собирается сорвать съезд демократов в Чехаго.

На следующий день Элдридж и йиппи собрались в Беркли, чтобы выкурить мешок травы, облечь воздушный замок йиппи и «Пантер» в слова и нанести их на бумагу:

«Мы, безумцы, открываем огонь из черно-белой пушки, дабы прикончить причину нашего недуга. Нас вытолкнули с политической арены в дурдом наших хлипких мозгов. Мы не будем оспаривать взгляды и действия американского правительства. Мы его скинем.

*Элдридж Кливер, Стю Альберт и Джерри Рубин,
Косяк Интернейшнл».*

Символ пакта йиппи и «Черных пантер» – перекрещенные трубка мира и автомат.

Элдридж, министр информации «Черных пантер», написал:

«На улицы! На бульвары! На крыши! Прочь изо всех укрытий, какие еще остались для чернокожих в Вавилоне! ...Брат Мальcolm сказал: нас ждет либо избирательный бюллетень, либо пуля. Пусть на-

ши души соединяются с душами тех, кто мечтает о переменах с самого рождения. На сцене поколение революции.

В Вавилоне есть мужчины и женщины, люди. Развочарованная, объединенная белая молодежь, хиппи, йиппи и другие безымянные изгои белого общества — наши союзники в этой борьбе».

Между тем мы со Стю сочинили манифест для Международной молодежной партии:

«Голосуй на следующих выборах ногами. Врубайся: в каждом городе бойкоты, сидячие забастовки, пикеты, балаган и отправление естественных потребностей прямо на избирательных участках... Никто не идет на работу. Никто не идет в школу. Никто не голосует. Каждый становится актером в театре улиц.

Заставь Национальную гвардию отстаивать каждый избирательный участок в стране. Выводи свиней из себя танцем живота и показами приемов каратэ. Запусти «Черных пантер» в департамент юстиции. Подними американский флаг над каждым домом, чтобы голосующие не смогли найти избирательный участок. Вручи Спиро Эгнию горящую повестку».

Элдридж был наименее вменяемым кандидатом в президенты за всю историю Америки.

Он стоял на ступеньках студенческого центра в Беркли и вместе с 5-тысячной толпой скандировал:

— РОНАЛЬД РЕЙГАН, ИДИ НА ХУЙ! РОНАЛЬД РЕЙГАН, ИДИ НА ХУЙ!

В день предвыборного съезда «Черных пантер» и йиппи Элдридж выкурил косяк, излил душу трем тысячам человек и снял свою кандидатуру в пользу Свингуса.

По мере того как комиссия по условно-досрочному освобождению все туже и туже затягивала узлы, Элдридж демонстрировал все большее бесстрашие. Он был как человек, восставший из глубин ада, чтобы познать истинную жизнь и свободу.

Он дразнил копов до того дня, когда его наконец посадили.

— Увидимся, — сказал он нам. — Всеми правдами и неправдами.

«Ни одному другому условно освобожденному ниггеру никогда не сходило с рук то, что сошло мне. Я баллотировался на пост президента. Я написал книгу. Я оскорбил каждого политика Америки. Я ездил по стране и называл их свиньями. И я намерен это повторить. Я вернусь. Я счастлив. Я хорошо повеселился. И когда я вернусь, мы должны превзойти самих себя».

Америке пришлось изолировать Элдриджа Кливера, потому что свобода заразна, а Элдридж свободен.

Страна совершила преступление против человечности, заточив Элдриджа.

Если Америка недостаточно свободна для Элдриджа Кливера, она не имеет права на существование.

Свиньи сделали первый выстрел.

Но мы, белые и черные ниггеры, сделаем последний.

35: КРАД ПРИЕМЛЕТ РАСКРАШЕННУЮ ГРУДЬ ЧЕ ГЕВАРЫ, НО ЗАМЕТАЕТ САНТА-КЛАУСА

Однажды, сентябрьским утром 1968 года, мне позвонил Эбби из Нью-Йорка:

— Только что получил повестку от Комиссии, — сказал он.

На меня опять навалилось то старое сексуальное беспокойство. Повестки вызывают зависть.

— Получил? Я тоже хочу!

Я позвонил поверенному КРАД на Западном побережье — газетчику Уилльяма Херста по имени Эд Монтгомери:

— Джерри, малыш, — сказал он, — я только что говорил с ребятами из Комиссии. У них для тебя повестка. Они искали тебя в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке? — обрадовался я. — Вы, ребята, херово спасаете страну от красной угрозы. Я уже неделю в Беркли околачиваюсь!

Я решил превратить получение повестки в религиозный ритуал. Ребятам из КРАД идея, похоже, тоже понравилась, потому что они согласились доставить повестку к студенческому центру Беркли к полудню, а это на кампусе час пик.

— Мечтой каждого мальчика и девочки в Америке должно быть: вырасти, стать подрывным элементом и получить повестку от Комиссии, — заявил я толпе студентов, репортеров, телевизионщиков, копов и фэбээровцев, перед тем как мы с Томом Хейденом принесли наши повестки в жертву Богу Огня. На мне было 10 значков с призывом голосовать на президентских выборах за Элдриджа Кливера.

— В последний раз, — сказал я, — когда меня вызвали в КРАД, я поднял четыре тысячи баксов и жил на них два месяца, организовывая демонстрации на кампусе Университета Беркли. Я хочу поблагодарить Комиссию. Мы пустим все деньги, какие заработаем в этот раз, на дело революции.

Правая *Berkeley Gazette* написала: «Ликующий Рубин производил впечатление человека, которого

пригласили на чаепитие, а не вызвали для дачи показаний».

Испепелив повестку, я принялся фланировать по Телеграф-авеню, проводя соцопрос на тему «Что надеть Джерри на слушания?».

Форма солдата Американской революции была попыткой вступить с Комиссией в рациональный диалог. Я хотел, чтобы форма стала безусловным ориентиром для членов комиссии и направила молодежь в нужное русло. Может, когда меня вызовут для дачи показаний, мне стоит сорвать с себя всю одежду и заорать, что мне нечего скрывать?

Или заявиться в форме игрока в бейсбол с надписью «ЙИППИ» на спине? Я приду в кепке, с битой и мячом и скажу членам КРАД:

— Пойдемте на поле и решим все вопросы по-американски!

Эл드리дж предложил мне одеться «Черной пантерой», чтобы он, в свою очередь, нарядился хиппи, но комиссия по условно-досрочному освобождению не разрешила ему путешествовать.

Может, нарядиться пиратом?

Клоуном?

Индейцем?

А потом меня осенило: а почему бы не собрать все ипостаси воедино?

Почему бы не замутить гештальт?

БА-БАХ!

Я приду в образе мировой революции, я буду человек-заговор!

Мой невербальный посыл: американская молодежь должна начать партизанскую войну. Все мы станем удолбаными партизанами.

Когда в стране начинается герилья, она наследует стиль местной культуры. Когда герилья придет в Америку, ее окрасят психodelические цвета. Все мы — хипповые партизаны.

ЙИППИ!

Я пришел в берете «Черных пантер», в значках йиппи, египетских серьгах, в черной шелковой выеткон-

говской пижаме, бряцающих на лодыжках браслетах, бусах, головной повязке, при мексиканском нагрудном патронташе с 303 настоящими пулями.

На шее и запястьях у меня звенели бубенцы и колокольчики, поэтому при малейшем движении я издавал звуки целого оркестра. Мое лицо, голая мохнатая грудь и босые ноги были раскрашены психodelическими узорами и пацифистскими символами. На плече я нес игрушечную М-16.

— Дайте осмотреть ваше оружие.

Охранник на входе был адски здоровенной свиньей.

— Тра-та-та-та-та-та!

Я «расстрелял» его, чтобы показать, что винтовка не настоящая.

Тогда он решил посмотреть на патроны.

— Да это же настоящие пули, — изрек он.

— Но, — сказал я, — мне не из чего их выпустить.

— Все равно, с такими пулями зайти нельзя.

В течение нескольких секунд две свиньи скрутили меня и провели три проема вниз по лестнице и вон из здания.

Они запретили мне возвращаться, пока не избавлюсь от пуль. Но винтовку оставить разрешили.

Угадайте, что больше всего взбудоражило членов КРАД.

Вьетконговская пижама?

Нет.

Винтовка?

Неа.

Колокольчики?

Ни фига.

Мои раскрашенные сиськи!

¹ Ричард Айкорд (1926–1992) — рьяный антикоммунист и последний председатель КРАД, занимавший этот пост в период 1969–1975 гг.

Конгрессмен Ричи Айкорд¹, новый председатель Комиссии, не мог отвести от них глаз. По ходу, они его по-настоящему лишили покоя. Его куда больше заводили мои сиськи, чем политическая идеология.

И вот перед ними были мы – террористы, анархисты, фрики. Мы только что совершили преступление века в Чехаго, а эти говноеды из Комиссии обсасывали коммунистические митинги десятилетней давности. Они упорно упоминали имена давно умерших людей.

Я не выдержал и рявкнул:

– Компартия осудила то, что мы сделали в Чехаго, дурачье!

Застучал молоток председателя. Они не хотели, чтобы факты срывали им спектакль.

Эбби поднял руку и попросился в уборную.

Мы уже слышали, как земля содрогается от хихиканья молодежи, которая читает об этом в газетах. *Oх уж эти въедливые репортеры Times...*

Однажды утром я надел мой сине-красно-желтый вьетконговский флаг как плащ. Эбби натянул рубашку, сшитую из американского флага. Впереди было очередное заседание.

У входа в здание толпились копы. Мы видели, как крепко они вцепились в свои дубинки. Мы раскурили их взгляды. Они шли четко нам навстречу.

И тут случилось это: я не сомневался, что сейчас буду арестован по обвинению в государственной измене за ношение знамени врага в Вашингтоне!

Но кого копы тащили в воронок?

Эбби в американском флаге!

А я так и остался стоять на улице в полном одиночестве с вьетконговским флагом на спине.

– Вы – коммунисты! – орал я им вслед. – Предатели! На мне вьетконговский флаг! Что происходит с этой страной?!

Великий день: показания давал мой телохранитель-мусорок. Его по-прежнему глючило от супертаблетки, которую я дал ему в парке. Он ТАК зажигал!

Он говорил, что у йиппи было торговое соглашение с чехагской бандой байкеров, «Охотниками за головами». Дескать, йиппи поставляли им траву и телок, а взамен получали оружие и байкерскую крышу.

Он говорил, что я цитировал Ленина всякий раз, как хотел кого-то в чем-либо убедить. Что я планировал изолировать и убить всех копов. Что высказывался в пользу покушения на Маккарти и Дейли.

«Пирсон не сказал, была ли то прямая угроза или Рубин просто бахвалился», — отрапортировала *Washington Evening Star*².

² Ежедневная вечерняя газета, издававшаяся в столице США в период 1852–1981 гг.

³ Создана в 1959 г. Основатель, Джордж Линкольн Рокузлл, был убит в 1967 г. недовольным членом партии.

В тот день я вернулся в отель, чтобы завалиться в свой номер, до краев заполненный слезоточивым газом. Визитная карточка Американской нацистской партии³.

Давать показания я подготовился тщательно. Если бы меня попросили назвать имена всех йиппи, я бы прочитал им телефонные книги Чехаго и Вашингтона от корки до корки.

Я также планировал вручить всем членам Комиссии по 10 долларов и поблагодарить за отличную работу от имени всех йиппи.

Я хотел дать Айкорду ту же таблеточку, что всучил Пирсону в Чехаго.

Резюмировать я должен был так:

— Существует международный коммунистический заговор, в который вовлечены четыре пятых мира, и все они против вас, тупые опездолы. У вас уже должна быть паранойя. А я только что принял ЛСД, мескалин, амфетамины, тетрагидроканабиол и покурил травы, так что я сейчас где-то очень далеко. Я удолбан в дрянь. Но, если вы никогда не были в дрянь, вам этого не понять. Вы уже просрали, старые ослы, потому что мы крадем ваших детей. Даже ваша сперма участвует в коммунистическом заговоре.

И только я собрался выступить, как Айкорд отложил слушания на два месяца.

* * *

Через два месяца я столкнулся с той же политической проблемой: что надеть на слушания?

На дворе было Рождество!

БА-БАХ!

САНТА-КЛАУС!

Санта-Клаус тоже наш человек. Он представляет Красную Угрозу.

У него есть борода, как у хиппи.

А что это там у Санты в трубке? Трава!

А еще он все раздает на шару. Он – коммунист. Укрупненный в хлам коммунист.

Санта много смеется. Поэтому я тоже решил встать и ржать:

– Хо-хо-хо. Хо-ши-мин...

Я взял костюмчик напрокат и пошел на слушания.

Охранники встали стеной:

– Вы не можете пройти на слушания, пока не снимете этот дурацкий наряд.

Я ответил:

– Я так всегда хожу. Вы не можете меня не пустить из-за моего повседневного облика. Как хочу, так и одеваюсь.

Комиссия проглотила, когда я раскрасил сиськи и принес ствол, но в роли Санты я им был не по душе.

Я уселся перед залом заседаний. Пара секретарей угостили меня кексами и сказали, что их прикалывают хиппи. Им не нравилось работать на КРАД.

У нас везде свои люди.

На следующий день заголовки пылали: «КРАД ЗАМЕТАЕТ САНТА-КЛАУСА».

Я был на седьмом небе, видя это. Я только что наладил контакт со всеми четырех-, пяти-, шести- и семилетними детьми в стране. Я доказал им, что Конгресс США был против Санты.

Айкорд сказал New York Daily News, что, если бы ему пришлось вызывать меня на дальнейшие слушания Комиссии, он «порекомендовал бы сперва провести компетентную психиатрическую экспертизу».

Спустя месяц КРАД предложил новый закон, запрещающий оскорблении Конгресса посредством «культурных средств».

Какие культурные средства? Вы что, блядь? Фриковые шмотки!

Это мой закон! Я его написал.

Я – законодатель.

Раньше только конгрессмены могли протаскивать законы. Теперь любой желающий имеет шанс.

Это должно стать целью каждого. Напиши собственный закон. Сделай что-нибудь настолько безумное, чтобы им пришлось принимать все новые и новые законы, для того чтобы это запретить.

У них уже не хватает законов, чтобы остановить происходящее.

Заставь их запретить тебя.

СТАНЬ ЗАПРЕЩЕННЫМ!

ЗБ: СЖИГАЕМ ШКОЛЫ

Солнечный день на кампусе Беркли. Студенты таскают пудовые рюкзаки с учебниками из класса в класс.

А мы, нестуденты, говорим им:

— Извини, чувак, а ты в курсе, что сегодня стоит приятный солнечный денек?

Они смотрят ошарашенно.

Мы влетаем в библиотеки с криком:

— Солнце светит! Солнышко!

Мы идем на лекцию по психологии, посвященную мышлению. Здоровенная аудитория, 300 студентов. У доски, рисуя диаграмму человеческого поведения, стоит препод. Студенты конспектируют за ним каждое слово.

Первое, что он произносит:

— Доброе утро, класс.

Парень, сидящий рядом со мной, пишет: «Доброе утро, класс».

Кто-то поднимает руку:

— А нам нужно это знать, чтобы сдать экзамен?

Университетская аудитория — это авторитарный режим. Преподаватель дергает студентов вопросами одного за другим. Не теряй себя — трахай, целуй, обнимай, раздражайся или сорви с себя одежду.

Классовая борьба начинается в классе.

Мы скручиваем несколько косяков и начинаем дуть прямо в аудитории. Духан прет мощнейший, но никто его, похоже, не замечает.

Если бы с неба посыпались вьетконговские бомбы, студенты так и продолжали бы записывать за преподом слова приветствия.

Это конвейер, который нельзя прерывать.

Профессор диктует, студенты строчат.

Все почти в летаргии.

Марвин Гэрсон срывает с себя футбольку и сливаются во французском поцелуе со своей чувихой Чарли. Я тоже стягиваю футбольку и начинаю сосаться с Нэнси.

И вот мы сидим посреди аудитории, по пояс голые, взасос целуясь, шупая своих девчонок и смоля дурь.

Народ начинает нервничать. Никто уже не может спокойно вести записи. Профессор заикается. Ручки замирают над тетрадями. Всем неловко. Внимание студентов уже приковано к нам, а не к профессору, но они слишком подавлены и стеснительны, чтобы что-то сказать.

Наконец, какая-то девушка не выдерживает и выпаливает:

— Ребята, вы не могли бы нас не отвлекать?

Нэнси вскакивает:

— Это лекция о мышлении. Мы думаем! Нельзя отделять мышление от поцелуев и ощущений. У нас лабораторное занятие по теме. Все, кто хочет присоединиться, — пожалуйста. Те, кто предпочитает продолжить слушать теоретическую часть, могут переместиться в противоположную часть аудитории.

Тут профессор себя и выдает:

— В моем классе, — с расстановкой говорит он, — занятия веду я.

Потри лотерейный билет с профессором и выиграй свинью.

(Староста идет за охраной, поэтому мы сливаемся.) ·
ПАРА СОТЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРРОРИСТОВ МОГЛИ БЫ ОПРОКИНУТЬ ЛЮБОЙ КРУПНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА.

Школы и колледжи сегодня — самая большая помеха на пути американского образования.

Школы — это продолжение приучения ребенка к горшку.

Сдавать экзамен все равно что хорошенъко прорваться. Ты носишь это в себе неделями, накапливая, в ожидании подходящего момента.

Час пробил — УУУУХ!

Хорошо.

Качество своего деръмела увидишь в аттестате. Как только экзамен сдан, мозг освобождается в точности как кишечник. Пора освободить свои серые клетки от всего, что ты в них напихал. Наконец можно расслабиться.

Бумага, на которой ты пишешь ответы на вопросы, — туалетная бумага.

Дети — это дзен-буддистские мудрецы, любопытные до всего происходящего.

Взрослые серьезны и скучны.

Что случилось?

Лobotомия, сделанная в школе.

Я утратил интерес к книгам на лекциях по литературе. Мне надоели языки на уроках лингвистики. Я возненавидел биологию, когда мне предложили разрезать лягушку.

Прочувствуй экологию университетов! Здания похожи на заводы, аэропорты, казармы, микросхемы IBM, подвешенные в воздухе, госпитали, тюрьмы. Они существуют для того, чтобы выжить из нас всю индивидуальность, притупить чувственность, подарить ощущение незначительности.

Каждый должен принести фосфоресцирующую краску на кампус и раскрасить здания в психodelические цвета в знак освобождения.

«Критическое» или «абстрактное» мышление — это школьная ловушка.

Критикуй, критикуй, критикуй.

Рассмотри аргументы с обеих позиций, ничего не делай, не принимай ничью сторону, ни к чему себя не обязывай, потому что тебе нужно все больше аргументов и информации, все проверяй, критикуй.

Абстрактное мышление превращает разум в тюрягу. Абстрактное мышление нужно профессорам, чтобы прикрывать им свою социальную импотенцию.

Наше поколение — это бунт против абстрактного интеллекта и критического мышления.

Мы восхищаемся партизанами Вьетконга, «Черными пантерами» и удолбанными хиппи, а не абстрагированными овощами.

Профессора — позеры, пишущие и говорящие бредовые, научные, охуительно длиннющие слова, чтобы люди с улицы не поняли, что за поебень они несут.

Они так благодарны за свою «интеллектуальную свободу в Америке», что не станут растрачивать ее на борьбу с такими язвами, как нищета, война, наркотики и революция. Они за свободу, которая ни хрена не значит.

Мы воспринимаем профессоров, прежде всего, как мужчин и уже потом как преподавателей. Но что можно рассказать о полях Первой мировой, не побывав на улицах Чехаго?

Цель революции – в устраниении всех интеллектуалов, создании общества, в котором физический и умственный труд будут равнозначны, – общества без интеллектуалов. Наша задача – в уничтожении университетов и создании нации, которая училась бы без отрыва от производства.

Школа подсаживает людей на героин жизни среднего класса: труд до седьмого пота, чтобы получить аттестат (деньги), выраженный в твоих отметках (банковском счете), ради будущего (могилы). Так становишься легко заменимым винтиком в механизме под названием «Америка».

Школа предлагает дешевые победы – отметки, статус – в обмен на наши души. Предполагается, что, получив хорошую отметку, мы будем счастливее тех, кто провалился! Нас учат конкуренции и радости за счет чужого несчастья.

Для нас образование – создание свободного общества. Любой, кто хочет учить, должен получить такую возможность. Всякий, кто захочет учиться, должен получить шанс. Нет никакой разницы между преподавателями и студентами, потому что мы учимся друг у друга.

И профессура, и студенты – отщепенцы, люди, отринутые жизнью, потому что человек, вылетевший из школы, начинает Жить. Наше поколение творит историю на улицах, так зачем тратить попусту время в пластиковых аудиториях?

Старшеклассники – наиболее притесняемое меньшинство в Америке.

Мы узнаем, что такое свобода, впервые прогуляв занятия.

– Закончил школу. Свобода!

Преподаватели секут, что, если они не будут контролировать, как мы ходим на горшок, в классе нас не удержишь. Необходимо поднять руку, чтобы отпроситься в сортир. Единственные свободные места в школе — это уборные.

ПУСТЬ ТЕБЯ ИСКЛЮЧАТ!

Зачем оставаться в школе? Чтобы получить аттестат? Напечатай его сам! А потом забей в него траву и выкури!

Мы наводним школы и освободим наших братьев-узников. Мы спалим здания и книги. Мы еще покидаем торты в лица профессоров.

Мы вручим начальству швабры и ведра — оно пригождится, чтобы мыть пол. На хуй бюрократов, особенно Своих Чуваков, кладущих одну руку на плечо, а другой стягивающих с тебя штаны, чтобы выпороть. Мы спустим все отметки и аттестаты в унитаз.

Те же люди, что контролируют университеты, владеют корпорациями, развязывают войны, заебывают чернокожих, рулят полицией и жрут деньги с гарниром из сырого мяса на завтрак. Это серые кардиналы, устанавливающие правила, которых они сами не придерживаются.

Университеты — это феодальные земельные наделы.

Профессоры — плантаторы, а студенты — ниггеры за сборкой урожая.

Демонстрации на кампусах — не демонстрации на кампусах. Это тюремные забастовки. Восстания рабов.

Войны на кампусах идентичны войне во Вьетнаме — герилья.

Закрыв 100 университетов в стране, мы, крестьяне, можем нанести свиньям, управляющим Америкой, сошрушительный удар.

Мы заставим президента США идти к столу переговоров раком.

Мы используем кампусы в качестве трамплина для мировой революции.

Ронни Рейган, малыш, ты прав!

37: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ДОМОЙ, ДЖЕРРИ!»

«Дорогой Джерри!

Я всецело согласен с мистером Брокэмпом в его решении ввиду того, что лично я долгое время глубоко верил, что твоя программа уничтожения ради уничтожения — чистейший нигилизм, открытое и полное одобрение которого студентами, по твоим собственным словам, вызовет жесткие противоречия вне зависимости от того, где и когда оно будет иметь место».

Автором этого говнища был мой школьный учитель и рекомендатель для газеты Chatterbox, в которой я трудился спортивным редактором.

Я хотел вернуться и выступить в моей школе.

Я ведь считал себя одним из лучших, блядь, выпускников этой странной школы. Я был единственным из всего потока, кого не пригласили на 10-летие выпуска. Мотивация школы была следующей: «Дорести до старших классов!» Мне предъявили федеральное обвинение. Куда уж выше-то расти?

Но новый директор, Рэй Брокэмп, сказал, что я не могу выступить потому, что «это может повредить голосованию за введение налога на финансирование школ в следующем месяце».

Я позвонил Брокэмпу из Нью-Йорка и порекомендовал вызвать Национальную гвардию, если он планирует меня остановить.

Я не был в Цинциннати 12 лет: добралась ли молодежная революция до кишечника Америки?

Запрет на мое выступление был хорошим знаком: директора явно что-то напрягало. Может, он и впрямь стремался, что студенты спалят здание?

Школа выглядела в точности такой, какой я ее покинул. Возвышалась на холме, отсвечивая зеленою крышей. Место, где богатые интегрируют своих детишек в социальную элиту.

Со второго этажа свисала невьебенная растяжка: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ДОМОЙ, ДЖЕРРИ!»

Ученики высыпали из здания. У меня просили автограф.

Копы в штатском окружили школу. На крыше торчали фэбээровцы с рациями. Я опять брал приступом Пентагон.

Начальник тюрьмы вышел, показывая улыбку из рекламы зубной пасты, и попросил меня быть «разумным» и обойтись без «инцидентов».

— Решение о том, что вам нельзя произносить речь на территории школы, — не моя идея, — сказал он. — Оно было принято на совете Министерства образования.

Школа действительно изменилась! В ней угадывались все признаки революции, захлестнувшей Америку, — начиная подпольной газетой и заканчивая круглосуточным дежурством копов в коридорах. Тринадцатилетние подростки вели борьбу с дирекцией против запрета на мое выступление.

Президентом совета учащихся был патлатый парень Энди Шварц, отказывавшийся нести американский флаг на школьных соревнованиях. На его футболке красовалась надпись «Рубин — запретный плод».

И даже у директора на стене висел портрет укурка — Джорджа Вашингтона.

Я покидал кампус очень медленно, минуя ступеньку за три шага, вежливо подгоняемый директором, который говорил: «Джерри, пожалуйста, уходи».

Небольшая армия фэбэровцев и копов в штатском была под боком, чтобы арестовать меня в случае чего за поругание молодежной морали.

Я сваливал не спеша, возглавляя толпу из 1000 учеников, телерепортеров, газетчиков, копов и агентов ЦРУ, направляясь к дому неподалеку, где все мы жестко обдолбались и зажгли, устроив заговор против ебнутой школьной системы.

Я прибыл в Цинциннати в день Съезда тинейджеров за благопристойность. Мы же провели Съезд в пользу непристойного поведения в парке Эдем.

Съезд за благопристойность открылся при наличии 10 000 человек, декламировавших Клятву верности и вывихившие песню «Звездно-полосатый флаг». Марширующие выступили оркестром. Выходные копы обеспечили цветастую гвардию. Гладко выбритые политики, судьи и бизнесмены заполонили сцену. Руки вздымались к небу, поддерживая жрецов Бога и Страны. Дети прибывали в автобусах, оплаченных их родителями.

А на другом конце города 3 тысячи фриков вихляли всеми частями тела, выражавшими оргазмические ощущения от живой рок-музыки, и совали друг другу косяки и сэндвичи. Единственными взрослыми на вечеринке были свиньи. Сюда не подкатывали автобусы, оплаченные предками. Вместо гула их моторов звучала одна и та же фраза детей:

— Дома меня прибывают.

¹ Дик Кларк (р. 1929) — ведущий теле- и радиовикторин, успешный бизнесмен.

— Вы устроили все это из-за нескольких непристойных акций, — сказал телеболванчик Дик Кларк¹ на Съезде за благопристойность, не

зная, что в этот самый момент несколько непристойных йиппи с предусмотрительно короткими стрижками аскают мелочь в толпе, используя для сбросов красно-белые ведерки.

Тяжелый груз пал с плеч 19-летнего организатора съезда Билла Блю после того, как он покаялся в микрофон в своем смертном грехе: он подделал подпись профессора на документе колледжа.

Стыдно, Билли, стыдно!

Но Билл настойчиво взывал к милосердию, и толпа сердительно замахала американскими флагами в знак прощения.

В это время Непристойный слет сотрясали оглушительные аплодисменты и топот: мы назначили Билла Блю нашим почетным председателем за его великое достижение – фальсификацию профессорской подписи! Мы даже простили ему то, что он за это извинялся.

Непристойный слет представлял собой самую невменяемую микстуру в Америке. Дети из богатейших пригородов города. Дети из беднейших белых и черных гетто. Дети из рабочих семей. Дети бизнесменов. Дети протестантского, католического и иудаистского вероисповедания.

Съезд за благопристойность закончился коллективными выкриками:

«ДОЛОЙ НЕПРИСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ!»

«БЛИЖЕ К БОГУ!»

«ДОЛОЙ «FUCK»!»

(Даже Порядочные люди не могли упустить случай произнести слово «ебать».)

Тем вечером ТВ сообщило:

– На Съезде за благопристойность было больше людей, но намного лучше себя чувствовали собравшиеся на Непристойном слете.

Телевизионщики записывали мой голос всякий раз, как я начинал сомневаться относительно того, что имелось в виду под «ругательным словом из пяти букв», играя с аудиторией канала:

– В слове «хуй» три буквы. Но в «пизде»-то – пять. Так же, как в «бляди» и «мудаке». Получается, Хелен, это могли быть и «пизда», и «блять», и «ебать», и «мудак».

Странствия привели меня к отчему дому, полному дядек, теток, детей и друзей.

Дядя Сид приветствовал меня в дверях. Здоровая челка, головная повязка, мексиканская хипповая фуфайка и ковбойские сапоги. В одной руке он держал американский флаг, в другой — гитару.

— Ты слишком быстро пришел! — сказал он. — Я как раз собрался сесть в позу лотоса и помедитировать.

Тут он посмотрел на меня разочарованно:

— Джерри, а где твой выетконговский флаг? Семья заслуживает парадного обмундирования.

— Дядя Сид, — засмеялся я, — ты был первым йиппи в истории.

Я никогда не задумывался, до какой степени мы властвуем над сознанием Америки среднего класса. Люди включают теленовости и сразу же погружаются в пучину мятежей, студенческих демонстраций и тотальной революции.

Сын Сида Билли, патлатый паренек, только что вернулся с голодовки против класса военной подготовки в Огайо.

Моих родственников-домовладельцев регулярно мучили забастовки квартиросъемщиков.

— К чему это все приведет, Джерри, к чему? — стонали они вновь и вновь.

Я хорошо знал к чему.

Я посетил газету, в которой работал пять лет спортивным обозревателем и редактором молодежной рубрики. Ярчайший молодой журналист издания превратился в курящего траву, грязноволосого, немытого, хулиганского, коммунистического фрика.

Репортеры сидели за столами точно так же, как когда я уходил отсюда 13 лет назад. Они приходили и уходили в те же самые часы. Они брали банки «Коки» из того же автомата с напитками. Они садились на те же автобусы и разъезжались по тем же самым домам.

Трудясь с ними рука об руку, я говорил:

— Газета должна быть для нас семьей. Мы должны кидать бабло в общий котел и принимать решения совместно.

— Джерри, — трещали они, — но ведь это же коммунизм.
Так, работая на *Cincinnati Post* и *Times-Star*, я сделался коммунистом.

Но спустя 13 лет разница была ощутима: молодым репортерам тут не нравилось. Они мечтали свинтить. Они окружили меня в надежде, что я, аутсайдер, помогу им советом. Они были в самом низу газетной иерархической лестницы и не имели ни малейшего желания карабкаться наверх.

Я был уверен, что очень скоро они будут сотрясать газету забастовками и актами саботажа.

Редактор отказался меня принять.

— С ДЖЕРРИ РУБИНОМ МНЕ ОБСУЖДАТЬ НЕЧЕГО, — сказал он.

Но большинство моих друзей-репортеров встретили меня тепло. Великие люди. Не их вина, что все было в жопе. Вина лежала на учреждении. Мы должны отменить учреждения и освободить людей.

Я вернулся в Цинциннати, чтобы свести город с ума.

Я сказал прессе, что Международная молодежная партия, Студенты за демократическое общество и «Черные пантеры» переносят свои штаб-квартиры в Цинциннати, что здесь же вовсю скрывается Эллридж Кливер, что я вернулся в город с целью баллотироваться на пост мэра и «растлить школы наркотой, сексом и знаниями о взрывчатых веществах».

Газеты полнились письмами продвинутых граждан, которые недоумевали, почему же меня никак не арестуют за, как выразился один товарищ, «изрыгание мрачного, подстрекательского и развратного словесного поноса на молодое поколение».

Представитель городской администрации дал народу официальный ответ:

— Прокуратура вынесла решение о том, что, арестовав мистера Рубина за нарушение общественного порядка с незначительным штрафом, она лишь даст ему повод для конфронтаций, которые помогут ему привлечь молодежь на свою сторону.

В яблочко!

Я объехал район, где раньше жил, — когда-то здесь селились белый средний класс и евреи. Теперь обосновались чернокожие. Белые перебирались все дальше и дальше в опрятные пригороды.

Но что это! Дети белых людей из среднего класса

стали хиппи и вовсю возвращались в дома, покинутые их родителями.

Мы ставим американские легенды с ног на голову. Помните Горацию Элджера²? Мы переписываем его книги с точностью до наоборот.

НАЧИНАЕМ НА ВЕРШИНЕ
И РАБОТАЕМ В ПОТЕ ЛИЦА,
ЧТОБЫ СПУСТИТЬСЯ НА САМОЕ ДНО.

Цинциннати!

Я был счастлив побывать дома.

Столько фриков на улицах!

Чернокожие и патлатые показывали друг другу сжатый кулак — по *pasaran*.

Школы и учреждения разваливались.

Несчастные копы-сорвиголовы, бизнесмены, добродорядочные прихожане — они теряли детей, которые рассыпались по стране.

Только революционер может чувствовать себя в Америке как дома.

² Горацио Элдджер (1833–1899) — автор 135 бульварных романов, как правило, построенных на осуществимости Американской мечты.

38: НАРОДНЫЙ ПАРК ЕЩЕ ВОСПРЯНЕТ

Центральное разведывательное управление начало изучать карты, полицейские рапорты, записи телефонных переговоров и газетные статьи, посвященные «Проблеме Беркли» 1966 года. Было принято решение вернуть освобожденные фриками территории в Беркли, дабы обезопасить Южный Вьетнам от Вьетконга.

Вернуть Беркли!

Секретное совещание прошло в кафе аэропорта Сан-Франциско. На повестке дня стоял вопрос о том, как «умиротворить» Беркли. Присутствовали представители ЦРУ, ФБР, Калифорнийского университета, бизнес-элиты страны, Министерства обороны, а также пять начальников полиции Беркли и несколько крупных коммерсантов города.

План простой — отнять у рыбы море.

«Подрывные элементы» селились во всех недорогих многоквартирных домах, окружавших университет. В старых, обветшалых домах Беркли.

Калифорнийский университет, сыгравший ключевую роль в вероломном заговоре ЦРУ, планировал скупить все подобные дома и снести, а на их месте построить студенческие общежития и жилые дома для сотрудников IBM — слишком дорогие, чтобы нестуденты могли их себе позволить.

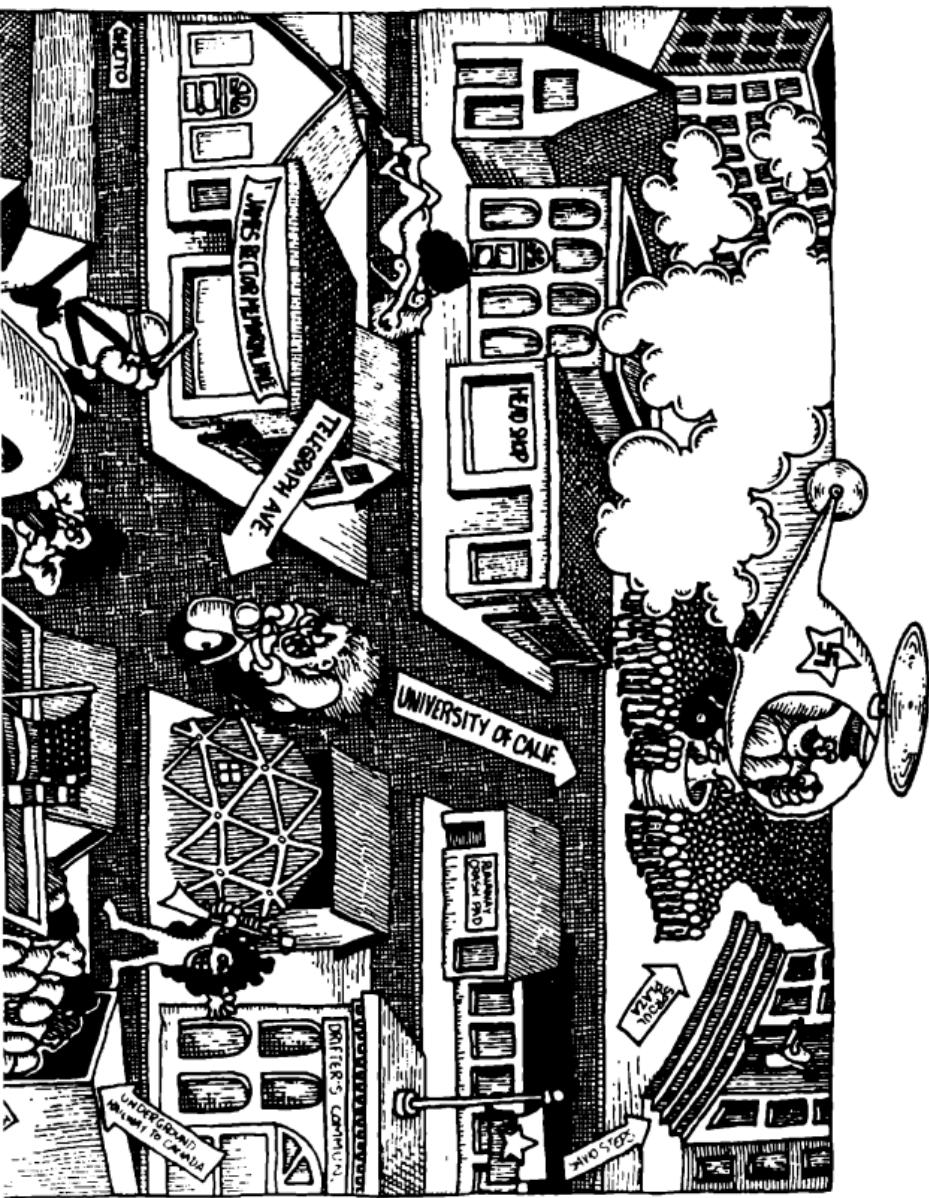
Пространства для жизни не осталось бы, и нам пришлось бы покинуть город.

Университет начал с того, что приобрел кусок земли прямо за Телеграф-авеню и три участка в районе кампуса. Они снесли все здания, чтобы возвести доходные дома, кстати, совершенно бесполезные: 30% уже существовавших доходных домов пустовали.

Нестуденты поняли, что скоро отсосут, сразу же, как появились первые бульдозеры. Мы раскурили цель — депортация хиппи. И пошли своей дорогой, тихо ворча.

А потом чудесные противоречия капитализма застали ЦРУ всю малину. В университет пришла война с

ее забастовками, слезоточивым газом и вооруженным окружением кампуса Национальной гвардии.

Законодательное собрание штата присело на изменину. Его члены напряглись в связи с тем, что восставших могут поубивать, и урезали университетские субсидии. Денежки, необходимые для строительства доходных домов, сгинули.

Вспаханная земля трансформировалась в огромный бассейн грязи — бесплатная парковка днем, москитное болото ночью.

И вот однажды какой-то фрик взглянул на унылую трясину, и ЕГО ПОСЕТИЛО ВИДЕНИЕ!

Он побежал к друзьям и распечатал листовки.

Через час на болоте паслись 300 человек. Приехали бульдозеры — разравняли землю. Люди выкорчевали булыжники, посадили дерн. По итогам дня усердной работы небольшой участок болота превратился в парк.

Парк!

ПАРК, СДЕЛАННЫЙ НАРОДОМ!

По Беркли понеслась молва: пойди посмотри на новый парк. В Вагб вышла новость об этом. Деньги собирались прямо на улицах. На следующий день уже 600 человек выковыривали камни и сажали траву.

Пока Ронни Рейган читал журналы о кино у себя дома, а университетские начальники бухали и отсасывали друг у друга в подсобках, люди пришли, чтобы создать Народный парк, как в китайской коммуне, где тысячи человек отколупывают старый цемент с кирпичей, чтобы другие создавали из него мозаичные тропинки.

Одна из групп построила барбекю.

Другая состряпала игровую площадку.

Кто-то замаstryил оркестр из банок, барабанов, гитар, флейт, губных гармошек, магнитофонов, голосов и тел.

Кто-то снимал кино.

Бесплатная еда и рок-музыка каждый день.

Это был театр с вольным сценарием, сочетавшим творческий подход, энергию и общинный строй. Все жизненные силы и искусство подполья вылились в чистую любовь.

Пришел в парк? Через пять минут ты удолбан в сопли.

бесплатная еда
бесплатная работа
бесплатный секс
бесплатные улыбки
бесплатное солнце
бесплатная луна
свободная любовь
бесплатный театр
бесплатные продукты
бесплатная музыка
бесплатная дурь
свободная жизнь
бесплатный парк

День за днем представители среднего класса из пригородов приводили и оставляли детей, чтобы те с нами поиграли. Люди приходили в парк сажать свои деревья.

Хиппи, студенты, йиппи, парни из студенческих братств, девушки из женских общин, «Пантеры», средний класс – все отрывались в одном парке.

– Эй, а можно я посажу кукурузу?
– Дело твое.

– Ничего, если я тут свинг потанцую?
– Стопудово.

Не существовало никакого генплана. Никто не давал приказаний. Кто-то захотел сделать из ямы в середине парка бассейн; другие планировали устроить на этом месте рыболовный пруд. Все, кто работал над благоустройством парка, собирались в городе и несколько часов рассматривали все «за» и «против», после чего решили разбить пруд.

В какой-то момент деканы очухались и обратили свои взоры к происходящему. Люди делали парк, пристыкающий к университету! Ебать же в рот! Он будет привлекать сюда всю нечисть и погань.

Ронни получил звонок, натянул штаны и рванул на секретное совещание. Два агента ЦРУ прилетели прямиком из Вашингтона.

Что бы такое сделать, чтобы отвадить патлатых бестий, отстраивающих себе генштаб в самом сердце местности, которую университет планировал очистить? Студенты экспроприировали землю стоимостью 1 300 000 долларов!

Как-то ночью, в три часа, прибыла полиция Беркли и вытурила из парка 50 человек, собиравшихся возводить ограду. К рассвету ограда уже была — но из колючей проволоки и обрамленная свиньями, окружившими Народный парк.

Собрание, состоявшееся в полдень на кампусе, увенчалось тем, что тысячи человек ломанулись по Телеграф-авеню в твердом намерении *разорвать ебучую проволоку в клочья*.

Пооткрывались пожарные гидранты.

В свиней полетели камни.

Те ответили слезоточивым газом.

Люди залезали на крыши и швыряли камни оттуда.
Копы достали дробовики!

Это был кризис в холодной войне двух культур: впервые полиция стреляла по белым диссидентам мелкой дробью. К концу дня Джеймс Ректор¹ умирал в больнице, а, по меньшей мере, сто человек получили ранения.

Национальная гвардия превратила Беркли в осажденный город.

Комендантский час.

Вертолеты из Вьетнама патрулировали Беркли с разведывательными вылетами в поисках вьетконговцев (любого, кто выйдет на улицу), чтобы, обнаружив, направить на них свиней, которые всегда рады отметить и арестовать.

Вертолеты бомбили кампус баллонами со слезоточивым газом.

¹ Речь идет о событиях Кровавого четверга — 15 мая 1969 г., когда на улицы города вышли 6 тысяч человек. Джеймс Ректор скончался от ранений, плотник по имени Аллан Блэнчард всегда лишился зрения. В больницы Беркли поступили 128 человек. Реальное число пострадавших было намного больше, но далеко не все обратились за медицинской помощью, опасаясь арестов. Ни Ректор, ни Блэнчард в акциях не участвовали.

Собрания были запрещены. Угодивших за решетку пытали.

Народный парк стал оперативной базой для Оккупационных войск в войне с местным населением.

На игровой площадке поставили палатки.

Деревья, кусты и цветочные клумбы были погребены под танками и БТР-ами.

Армейские ботинки не оставили и напоминания о росшем здесь дерне.

Пивные банки и сигаретные окурки летели в пруд.

И надо всем этим благолепием гордо реял американский флаг.

39: МОЧИТЬСЯ НА УЛИЦЕ ПРОТИВОЗАКОННО

Революция удовлетворяет потаенные человеческие потребности, которые не приемлет американское общество. Вот почему она так опасна. Наибольшая социальная проблема в стране сегодня – это одиночество.

- Что делаешь сегодня вечером?*
- Не знаю, Марти. А у тебя какие планы?*

Одиночество – не индивидуальная проблема. Это беда миллионов американцев, растущих в среде всеобщего отчуждения, которая нам досталась. Мы работаем в одной части города с людьми, которые нам не близки, и спим в другой части, не зная своих соседей. Мы тратим большую часть жизни, загибаясь в концлагерях, именуемых автострадами и метрополитеном.

Куда пойти в городе, чтобы с кем-то подружиться? Куда можно скинуть из личностных тюрем и насладиться друг другом? Город полон глухих стен, закрытых дверей и знаков, говорящих «ЗАПРЕЩЕНО».

Если кто-то незнакомый говорит вам «привет», вы напрягаетесь: «Чего ему надо?»

Разговаривать с посторонними нельзя. Все толкаются. Улицы вымощены террором, город – это тюрьма для души.

Машина, железная коробка, переносит одиноких людей из кирпичной коробки, в которой они спят, в бетонную коробку, где работают, и обратно. Американцы общаются друг с другом, как водители машин: самый лучший водитель тот, кто не пытается подрезать, а еще лучше – едет своей дорогой. Люди, подыхающие в пробках на автострадах, – это такие же военные потери, как солдаты во Вьетнаме.

Улицы существуют для бизнеса, не для людей. Нельзя сидеть в ресторане, ничего не заказывая. Нельзя читать журналы в магазине – сначала купи, купи, купи. А что если ты находишься в центре города и тебе резко захотелось посрать? Конкретно просраться...

Мы освобождаем город, переоборудуем его в собственные гостиные. Мы живем, работаем, едим, иг-

раем и спим вместе с нашими друзьями на улице. Сила – это когда ты стоишь на углу дома и абсолютно ничего не делаешь. Мы создаем молодежные гетто в каждом городе, выманивая на улицы всех, кто томится дома, в школе или на работе. И каждый ищет, «чем бы заняться».

Пустые карманы для нас – освобождение. От повесток в армию, от чековых книжек, от кредитных карт, от удостоверений личности. Так лучше чувствуешь свое обнаженное тело.

Кварталы хиппи становятся первой серьезной альтернативой урбанистической тюрьме Америки. Освобожденные кварталы – это ощутимая угроза капиталистической жизни в городе. Именно поэтому Силы Тьмы – ассоциации бизнесменов, копы и политики – сговорились нас выписать. Целая вереница законов, направленных на геноцид молодежи, делает жизнь на улице преступлением.

Если не покажешь копу удостоверение личности, тебя могут арестовать. Пустые карманы трактуются государством как бродяжничество.

Смотреть на мир, стоя на углу дома, называется праздношатанием.

Езда автостопом – преступление. Просить милостью противозаконно точно так же, как заговаривать с незнакомыми людьми на улице, раздавать бесплатную еду и мешать дорожно-транспортному движению. А в Венеции, штат Калифорния, запрещается играть на гармонике в общественных местах.

Двоих моих друзей арестовали за страшное политическое преступление – они писали на улице. Одного из них закрыли в дурдоме.

Несовершеннолетний, пойманный на улице, отправляется прямиком в суд для малолеток.

А когда все эти правила проваливаются, они устанавливают комендантский час, нацистский закон, придуманный для того, чтобы не дать нам собираться вместе.

Эти правила существуют для того, чтобы вселить страх в молодежь. И хотя они приводятся в книгах,

доступных повсюду, в гетто они нарушаются. Копы патрулируют кварталы хиппи так же, как обезжают черные кварталы, — так же, как американские солдаты обследуют вьетнамские деревни. Любой, кто повстречается, — враг.

Но главная стратегия уничтожения духа свободы — это Бизнес¹. «Психоделические» магазинчики пытаются украсть культуру, продавая артефакты-подделки эмоционально нищим людям из Внешнего Мира. Туристы с фотоаппаратами приезжают на автобусах и приходят пешком, щелкая затворами, хохоча и пронзительно визжа, показывая на нас пальцем.

На улицах царит сутолока. Мы не знаем, кому доверять. Неудавшиеся художники и копы под прикрытием запрудили все вокруг, отчего покупать дурь на улице стало небезопасно.

Мы словно живем на острове в капиталистическом океане, на который отовсюду нападает высаживающийся десант. Культура Тьмы пытается уничтожить Силы Света и перестроить молодежные гетто по своему образу и подобию. Нам не хватает места в нашем собственном квартале — нечем дышать, невозможно устраивать заговоры и праздники, не к чему стремиться.

Это наша борьба за территорию. Наше выживание зависит от способности адаптироваться и отражать удары эксплуататоров психоделии, полицейских рейдов и политических выпадов, чтобы создавать молодежные общины, в которых смогут жить изгои американского среднего класса.

Мы должны разводить костры, блокировать работу метрополитена, устраивать забастовки и снежные бури, потому что только таким образом можно принести в город освобождение. Люди впервые видят дома соседей тогда, когда смотрят на пепелища, которые от них

¹ Рубин размышляет над причинами крушения Хейт-Эшбери и Сан-Франциско как Мекки хиппи в целом. Действительно, к моменту, когда состоялись торжественные похороны Влады Цветов (10 октября 1967), город был перенаселен нищими бородачами и беглыми подростками, а более или менее сносная жизнь поддерживалась за счет туристов, которые прибывали в Санфран как в зоопарк, и покупали сувениры — психоделическую атрибутику.

остались. Когда вагон метро едет, никто ни на кого не обращает внимания, но, как только он надолго встает, совершенно незнакомые люди начинают общаться. В период буранов Нью-Йорк становится игровой площадкой, парком аттракционов.

Кризис освобождает город.

Революция предполагает полный пересмотр географических названий в стране. Мы – городские и деревенские освободители, отдающие землю народу. Больше не будет помещиков и домовладельцев, которые уверены, что могут владеть природными богатствами, целыми отраслями или землей, а на самом деле представляют собой кандидатов в пациенты психбольниц.

Мы принесем войну в пригороды. Средний класс создает их как убежища от агонии города. Дети, выросшие в пригороде, страдают физическим и умственным замедленным развитием. Если нам небезопасно в наших кварталах, почему корпоративные винтики должны жить спокойно в своих?

Мы достанем собственные туристические автобусы, наворуем фотоаппаратов и поедем в пригороды визжать, гоготать, тявкать и тыкать вaborигенов пальцем.

От революции не спрячешься.

ЧО: НАС НЕ УМАСЛИШЬ – НАМ НУЖНО ВСЕ

Революция – это доходный бизнес.

Капиталисты пытаются ею торговать.

Валютные проститутки заимствуют лучшее из того, что сделано нашими руками и умами, превращают это в товары массового потребления с непреложным ценником, а потом загоняют нам же.

Они воруют нашу символику, обагренную кровью с улиц, и продают как безделушку.

Они завладевают нашей музыкой – музыкой, которую МЫ выстрадали, коллективным бессознательным нашей культуры! Они записывают наше музло на пластинки и крутят на дискотеках, но все это стоит так дорого, что нам не по карману даже первые аккорды.

Нафталиновые рок-промоутеры проводят огороженные рок-фестивали, а свиньи активно используют слезоточивый газ, чтобы нас на них не пускать.

Остерегайся психodelического бизнесмена, который трещит о любви по дороге в банк. Он отращивает волосы и носит футбольки взрывоопасных цветов, потому что знает: «это оно самое», а именно деньги. У него толстая пачка купюр и тонкая кишка.

Хипповый капиталист – свиной капиталист.

Хипповые капиталисты заручились поддержкой союзников внутри движения – им помогают патлатые, работающие посредниками между детьми улиц и мультимиллионерами.

Остерегайся хайрастого, который будет говорить, что он «больший революционер, чем ты», поскольку «далек от политики». Остерегайся гуру, который думает, что его тема – будь то сайентология, астрология, медитация, вегетарианство, рок-музыка или пацифизм – приведет к революции *сама собой*.

Остерегайся олдового, который позволяет иметь себя день ото дня, лишь бы не зарядиться отрицательными вибрациями.

Остерегайся патлатого, который защищает патлатого бизнесмена:

¹ Билл Грэм (1931–1991) — импресарио и музыкальный промоутер, получивший наибольшую известность в 1960-е. Организовывал выступления таким коллективам и исполнителям, как Jefferson Airplane, Дженис Джоплин, Аллен Гинзберг, Луиренс Ферлингетти и Grateful Dead.

— Блин, чувак, Билл Грэм¹ просто прибивается по своей теме — поднимает бабло.

Они предают свои патлы.

Все эти напряги в молодежной культуре уже достигают точки кипения, потому что мы создаем свободные поселения для аутсайдеров в каждом городе, а еще потому, что сообще-

ство, не контролирующее собственную экономическую систему, беспомощно пред лицом Большого Брата!

Хейт-Эшбери, первый крупный эксперимент урбанистического молодежного гетто, провалился из-за несовместимости коммунистической идеологии и капиталистической материальной базы.

Всеобщая любовь невозможна без экономического равенства.

В нашем сообществе каждый отвечает за другого.

В наших молодежных гетто должна быть коммунальная экономия, чтобы мы могли жить все вместе, торгуя и обмениваясь теми товарами, которые нам необходимы. Свободное общество без денег.

Мы замутим собственные звукозаписывающие лейблы, издательские дома и туркомпании, чтобы прибыль, поступающая в казну сообщества, могла обеспечивать бесплатную еду, бесплатное проживание, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатную дурь и бесплатную жизнь.

Тысячи из нас переселились из городов в сельскую местность для создания коммун. Врубайся! Коммуны будут поставлять в город еду в обмен на услуги городских коммун.

Мы объявим войну домовладельцам и освободим многоквартирные дома для людей, которые в них проживают.

Мы сами станем полицией.

И вооружимся против свиней, которые приходят к нам, чтобы откуда-нибудь выписать.

Мы создадим собственные учреждения, которые органично заменят отмирающие институты Америки.

Наши СМИ, андеграундная пресса, одновременно отражают наше сознание и поддерживают его. Пресса истеблишмента отражает лишь атавистические, ре-прессивные суждения, с которыми мы сражаемся.

Атаки на нашу прессу – это атаки на наше право решать за самих себя. Чтобы уничтожить нашу культуру, они сперва должны сжечь со свету наши СМИ. А мы обязаны защититься от свиных налетов, грязных арестов и всего остального.

Андеграундная пресса – это пульс сообщества.

Мы раскулачим всех бизнесменов.

Вся та приятная чепуха, которой фарсировали хипповые делягии, на самом деле динамит, готовый взорваться в их собственных руках, поотрывав к ебеням все пальцы. Отправляйтесь в загробный мир, пиздюки!

Зацени Вудсток: 450 000 фриков пришли и заявили о своих правах на музыку, а капиталисты ничего не смогли с ними поделать. Наша веселая армия перелезла через ограду², которая должна была нас остановить.

И капиталистические свиньи не посмели развязать войну, чтобы спасти свои прибыли. Мы инстинктивно делились друг с другом тем, что у нас было. Не было ни страха, ни эгоизма. Три дня кусок земли был нашим, мы жили в режиме самоуправления.

Мы замутили свои полевые кухни с халявной хавкой, чтобы обебать пищевого эксплуататора. Мы жались друг к другу, спасаясь от дождя. Мы офигевали от того, сколько нас собралось. Мы почувствовали свою МОЩЬ! Спонтанный триумф анархии. Он убедил нас в том, что НАС НЕ ПОБЕДИТЬ!

После демонстрации силы на Вудстоке билеты – такой жеrudимент, как и сам «Филлмор Ист»³.

² Кое-где ограду игнорировали стихийно, а где-то по-работали профессионалы. Считается, что в нескольких местах проволоку разрезали члены анархической постдадаистской нью-йоркской группировки Up Against the Wall Motherfuckers. UAW/MF одно время дружили с йиппи и участвовали во многих акциях, организованных Джерри Рубином, в частности, в Марше на Пентагон.

³ Fillmore East — рок-дворец в Нью-Йорке, построенный Биллом Грэмом и открывшийся в 1968 г. Здесь выступали едва ли не все наиболее значительные звезды того времени: The Doors, Grateful Dead, The Who, Джими Хендрикс, Led Zeppelin, Фрэнк Заппа, Pink Floyd, Jefferson Airplane, The Byrds и др.

Мы сотрем с лица земли рок-дворцы.
Мы растопчем ограды.
Мы скинем с пьедестала артистов, которые нас
опускают.
Мы сделаем музыку абсолютно бесплатной.
Мы будем сами собой править.

Свиньи пришли с газом и дубинками, чтобы убрать
нас от Пентагона.

Свиньи пришли с газом и дубинками, чтобы испор-
тить нам праздник жизни в Чехаго.

Свиньи пришли с газом и дробовиками, чтобы
уничтожить Народный Парк в Беркли.

Что случилось бы, если бы на улицы Чехаго высы-
пали 450 000 человек?

Или если бы 450 000 рванули освобождать Народ-
ный парк?

Как бы ты себя почувствовал, если бы 450 000 фри-
ков промаршировали по твоему городу?

Когда через несколько лет школы закроются на-
всегда, миллионы свободных молодых парней и девоч-
онок сокрушат любой город в Америке.

Мы уже в пути, гонданы!

Наша политика – это наша музыка, наши запахи, на-
ша кожа, наши волосы, наши теплые, обнаженные те-
ла, наши наркотики, наша энергия, наши андерграунд-
ные газеты, наше видение жизни.

Сам факт нашего существования – уже угроза меж-
дународному балансу сил.

НАС НЕ УМАСЛИШЬ – НАМ НУЖНО ВСЕ.

41: ВСЕ МЫ – ЭЛДРИДЖИ КЛИВЕРЫ

Америка совершает классическую ошибку всех загнивающих империй: она недооценивает своих детей.

Она думает, что заткнет нам рот страхом и показательными порками.

— **Можно посадить революционера, но революцию не посадишь**, — сказал Бобби Сил, председатель Национального комитета партии «Черных пантер», когда его повязали без права на залог по сфабрикованному обвинению в «заговоре с целью убийства», сделав 48-м политзаключенным «Пантер» за год.

— **Ты — свинья! Ты — мусор! Ты сдохнешь!** — кричал Джон Синклер¹, указывая на наркокопа под прикрытием, который его подставил, и на судью, который только что приговорил его к 10 годам за хранение двух косяков.

Когда-то мы думали, что сможем покончить с нищетой, расизмом и войной ненасильственными сидячими забастовками и открытым непротивлением.

Те дни невинности в прошлом.

Четыре года борьбы преподали нам суровые уроки.

Мы живем в стране, которая объявила войну собственным детям — своему будущему.

Мы живем на теле умирающего зверя, который убивает все, что шевелится.

Быть юным — преступление.

Любая толпа молодых автоматически воспринимается как восстание.

Буква Закона стала Нелигитимной.

Самых храбрых наших братьев бьют и убивают на улицах, ссылают к черту на рога или кидают в лагеря для интернированных.

¹ Джон Синклер (р. 1941) — поэт, менеджер группы MC5 и лидер «белых пантер», более или менее легально поддерживавших «Черных пантер», в период 1968–1969 гг. Получил 10 лет тюрьмы за продажу двух сигарет с марихуаной полицейским под прикрытием. В историю вошел известный инцидент на Вудстоке, когда Эбби Хоффман прервал выступление The Who своим криком в микрофон: «Все это говна кусок, пока Джон Синклер гниет в тюрьме!» За это Пит Таушенд разбил о голову Хоффмана гитару. В 1971 г. в Университете Мичигана прошел съезд в поддержку Синклера с требованием его освободить. В концерте участвовали такие деятели, как Джон Леннон, Стиви Уандер и Аллен Гинзберг. Три дня спустя Синклер вышел на свободу: оказалось, что законы штата о марихуане антиконституционны.

Все красивое, что мы создаем, гибнет под дубинками свиней.

Мы получаем образование не в школьных классах, а в залах суда.

Нас ставят перед простым выбором: ПОДЧИНИСЬ или СДОХНИ.

Мы боремся за выживание своего поколения.

У каждого молодого человека есть, по меньшей мере, одна история жестокого обращения властей из личного опыта. Моя биография типична: два 30-дневных срока, третий отменен по апелляции, ложный арест за хранение дури, признанное властями прослушивание моего телефона, коп под прикрытием, полицейский хвост 24 часа в сутки, ограничения на передвижение, залог/выкуп в \$25 000 и федеральное обвинение в заговоре с целью организации мятежа.

В наше время молодой парень, у которого не было приводов в полицию, видимо, прожил жизнь в чулане.

Их цель – связать нам руки легальной самозащитой, чтобы у нас не оставалось времени на революцию, и сделать некоторых из нас козлами отпущения для устрашения остальных.

Задача копов под прикрытием в том, чтобы культивировать в нас недоверчивость ко всем новым людям, каких мы встречаем.

Истинное предназначение прослушивания переговоров – вселить в нас страх ляпнуть лишнее по телефону.

Они пытаются привить нам цинизм, потому что цинизм – это смерть для революционного духа.

Репрессии направлены на то, чтобы размазать по стенке доверие, оптимизм и спонтанность, вдохновляющие на подвиги.

Шли бы они на хуй.

Очень надеюсь, что в ЦРУ существует специальный отдел по борьбе с Джерри Рубином, заваленный файлами, заставленный компьютерами, запруженный бюрократами, астрологами, психиатрами, фармацевтами, хиромантами, предсказателями и приправленный парочкой генералов.

Мы знаем, что Америка — это бумажный тигр. Босоногий Вьетконг выколачивает из нее все деръмище. Крохотная Куба, расположенная в жалких 140 километрах от пляжей Флориды, держится против империи.

Любой кубинец и вьетнамец готов убить или умереть за свободу своей страны. Никакой угнетатель не в силах победить целый народ.

Колючая проволока, свиные дубинки, слезоточивый газ и политические аресты — это предсмертные судороги правительства, потерявшего поддержку граждан, жизнями которых оно пытается управлять.

Нападая, Большой Брат нас только сплачивает. Мы внезапно узнаем, что способны на импульсивные гернические поступки.

Мы открываем для себя любовь и братство сообщества, которое сражается за свое выживание.

Америка разваливается на куски: вариантов два — революция и катастрофа.

Революция заменила церковь как духовный ориентир страны.

Революция заменила экономику как средство самовыражения детей.

Революция заменила школу как образовательный институт государства.

Средний класс умоляет нас: остановитесь. Остановитесь. **ОСТАНОВИТЕСЬ!**

— Вы на всех нас фашизм навлечете!

Он симпатизирует нам:

— Надеюсь, ты не попадешь в тюрьму, Джерри. Если что, дай мне знать, чем я смогу помочь.

В пизду эти симпатии.

Нам нужны братья, а не мамочки.

Респектабельный средний класс должен выступить с массовыми акциями гражданского неповиновения, чтобы напрячь суды и тюрьмы.

Если мы объединимся, им нас не победить. Как сказал Эллридж Кливер, «людей гораздо больше, чем свиней».

Мы, фрики, должны вооружиться до зубов, чтобы выжить как поколение.

Если они начнут травить нас газом, мы ответим тем же.

Примутся стрелять – будем стрелять и мы.

Стволы.

Каратэ.

Взрывчатка.

ЛСД и система водоснабжения.

Единство.

Коллектив.

Любовь.

Посмели бы свиньи вторгнуться в Народный парк, если бы знали, что братья и сестры вооружены и готовы убивать и быть убитыми?

Что если на следующем судебном процессе, когда попросят встать Элдриджа Кливера, Джона Синклера или Дейва Диллинджера, тысяча человек вскочат и скажут:

– Я – Элдридж Кливер.

– Нет, я – Элдридж Кливер.

– А вот и нет. Это я – Элдридж Кливер.

Все стоят, воздев сжатые кулаки к потолку, и кричат:

– Я – ЭЛДРИДЖ КЛИВЕР.

Все мы – Элдриджи Кливеры.

Напав на одного из нас, они нападают на всех.

МЫ ЕДИНЫ!

Ч2: ВЬЕТКОНГ ОВСЮДУ

Антивоенного движения не существует. Эту тему придумали СМИ, чтобы ебать нам мозг. Есть лишь огромный заряд энергии, бьющий в тысячах направлений, и люди, объявиавшие себя свободными.

Свободными от имущественных заскоков, свободными от зацикленности на достижении успеха, свободными от званий, должностей, имен, иерархических установок, ответственности, шаблонов, правил, рутин, привычек.

Мне не интересно так называемое антивоенное движение – мне интересны Детройт, Ньюарк, погромы на кампусах, все, кто курит план, люди, учащиеся высказываться и отличаться.

Культура капитализма, денег, бюрократии, империализма, среднего класса, скуки, эксплуатации, военщины и глобализма гибнет.

Весь мир угорает от неуклюжей, придурковатой попытки Америки побить крестьянских воинов, именуемых Вьетконгом, в стране чудес под названием Вьетнам.

А в Америке все мы учимся, как стать Вьетконгом.

* * *

Если попробовать вынести урок из событий при Марше на Пентагон и в Чехаго, то он в том, что молодежи по херу политические теории, идеология, планы, организации, митинги и переговоры с копами.

Активисты приступили к действиям, основываясь на собственном ощущении реальности.

Авангард существует только на акциях.

Все эти сотни часов говенных митингов были не более чем говеными митингами. Это время можно было бы посвятить прослушиванию Rolling Stones.

Антивоенное движение – пораженческое. Пустая трата сил. Люди хотят сражаться за что-то, а не против чего-то. Нам не нужно антивоенное движение, нам нужно Американское освободительное движение.

Америка застряла в ловушке собственных противоречий. Огромное удовольствие смотреть программу

¹ Huntley—Brinkley Report — программа вечерних новостей на NBC, которую вели Чет Хантли и Дэвид Бринкли. Просуществовала с 1956 по 1970 г.

«Хантли—Бринкли»¹, наблюдая за конвульсиями Америки. Ее детишам неинтересно наследовать и защищать продукты мира, который для них создан. Им нужен новый мир.

Вьетнам — это война старииков: они пытаются привить дряхлые категории вроде бедности, расизма и военной силы внезапно возникшему новому поколению.

О, новый мир!

Народ, мародерствующий в Детройте.

Подростки, плюющие на стены Пентагона, украшающие их лужами мочи и надписями «Че жив».

Партизаны, проводящие акции по всей Латинской Америке, Азии и Африке.

Тысячи детей в Америке, которые начинают спрашивать «почему» и не получают никакого ответа, кроме демонстрации седин и кулаков.

Это не антивоенное движение — это освободительное движение.

* * *

Все освободительные движения совмещают друг с другом свою энергию, которая ослабляет возможности США по части войны и ветхой политики.

Я поддерживаю любое движение человека, любой подрыв или противоречие, создающее хаос и способствующее перерождению.

Адлай Стивенсон сделал меня радикалом в 1952 году, поддержав мои надежды на перемены. Система разметала эти надежды.

Юджин Маккарти приучил уличных демонстрантов к тщетности партийной политики.

Революция творится повсеместно.

Устойчивый дом среднего класса трещит по швам.

Церковь уже не привлекает детей.

Школы становятся средоточием восстания, а улицы — театром политических действий.

Я одобряю пацифистов, референдумы, марши, символические и подрывные сидячие забастовки, диверсионные уличные демонстрации и саботаж.

Это партизанская война в Америке: каждый занимается своим делом. Симфония самых разных стилей, бунт для каждого.

Пока респектабельный средний класс вступает с Никсоном в дебаты, Никсон его нагибает.

Хороший вопрос: может ли Америка измениться «мирным путем»?

Можно ли победить монстра, играя по его правилам? Используя выборную систему, закон и порядок, полицейские положения и границы, очерченные средним классом Америки?

Может ли государство, проводящее различия между бедными и богатыми, белыми и черными, начальниками и сотрудниками, арендодателями и квартиросъемщиками, учителями и студентами, реформировать само себя? Заинтересовано ли оно в реформах вообще или просто хочет устраниć нарушителей спокойствия? Нужно ли ему поколение бузотеров?

Новое поколение взрывных, безумных, иррациональных, гиперсексуальных, злых, атеистичных, инфантильных и дурных людей.

людей, которые сжигают военные повестки и долларовые банкноты

людей, которые рвут аттестаты и дипломы

людей, которые говорят: «В гробу я видел ваши цели»

людей, которые завлекают молодежь музыкой, травой и ЛСД

людей, которые бережно носят вьетконговские флаги

людей, которые переопределяют для себя реальность и нормы

людей, которые одеваются в смешные наряды

людей, которые расценивают собственность как воровство

людей, которые говорят «ебать» с экрана телевизора

людей, которые завязали с игрой в статусы, роли и должности

людей, которым нечего терять из материального мира, кроме их тел

Война во Вьетнаме прекратится, когда позор от продолжения войны во сто крат превысит позор от ее возможного прекращения.

Америку уже позорят множество вещей, а все потому, что она так зависима от образов, которые себе рисует.

Отчуждение молодежи, демонстрации и шиза на кампусах, борцы за мир, подземные тоннели в Канаду для косящих от призыва, страны, запрещенные для визита, тысячи людей, показывающие средний палец Пентагону по национальному телевидению.

Мы можем закончить эту войну — мы уже остановили Америку на скаку, совместив юность, музыку, секс, наркотики и мятежный дух с изменой родине. Эту комбинацию будет непросто перещеголять.

* * *

Чего никак не могут понять всякие Социалистические рабочие и Компартия со своим внедрением марксизма в естествознание, так это того, что язык не способствует радикализации людей — их меняет эмоциональная вовлеченность в происходящее.

Стену апатии и самодовольства пробивают конфронтации и акции прямого действия, создание новых ситуаций, которые мозг обывателя еще не научился объяснять, поляризации, которая погружает людей в стремительно развивающиеся процессы.

Борьба с войной освобождает американскую молодежь от авторитарных тараканов в их мозгах и преподает им демократию непосредственно через активную деятельность.

Каждая сожженная повестка — это сокрушительный удар по Матушке Америке, потому что его эффект проносится по начальным школам лаконичным посылом: малыш, что-то происходит, и твои учителя понятия не имеют, что именно, а призыв в армию не представляет собой ничего сокровенного или снизошедшего с небес, так что решать тебе.

Движение — это школа, а учителя — The Fugs², Боб Дилан, Beatles, Аллен Гинзберг, СМИ, хиппи, студен-

² Фолк-группа Эда Сандерса. Просуществовала почти 40 лет (с 1965 по 2004).

ты, бьющиеся с копами в Беркли, кровь на повестках, сидячие забастовки, тюрьма.

Репрессии обращают демонстрации в войны, актеров — в героев, толпы личностей — в сообщество. Репрессии устраниют в каждом безмолвного свидетеля, нейтрального наблюдателя и теоретика, заставляя принять одну из сторон.

Рост движения невозможен без репрессий.

Левым необходимы атаки правых и центристов.

Жизнь — это театр, а мы — партизаны, идущиевойной на мумии авторитаризма, начиная со священников и пресвятого бакса и заканчивая двухпартийной системой, убивающей человеческий мозг. Мы сажаем людей на аттракцион перемен, в котором каждый влияет на судьбу поездки.

Улица — это сцена.

Ты — звезда шоу, в котором играет роль все, чему тебя когда-то учили.

Платный дикарь, курящий дурь, косящий от армии и мешающий движению транспорта в ходе демонстраций, — куда большая угроза системе, чем так называемые политики с их листовками в поддержку Вьетконга и грядущей революцией рабочего класса. Политика — это то, как ты живешь, а не то, как голосуешь.

* * *

Самый серьезный политический конфликт в Соединенных Штатах сегодня — это конфликт поколений.

Все мы находимся под влиянием исторически сложившегося коллективного бессознательного.

Коммунизм для нас — не Сталин, а героико-романтические Фидель, Че и Вьетконг.

Гитлер для нашего поколения — это комбинация букв на бумаге.

Мы смотрим на будущее с оптимизмом и идеализмом. Наш 1984 год, в отличие от оруэлловского, удастся на славу.

С экономикой все слишком хорошо, проблемой стало перепроизводство; сейчас каждый познает жизнь сполна, это всем известно. Жизнь может быть сплошным трипом.

Мы взыскиваем коммунальный мир, где надо всем главенствует воображение, где институты отвечают человеческим потребностям, а чувства и эмоции не подавляются. Где все бесплатно. Где люди ходят в музеи, чтобы посмотреть на долларовые банкноты. Где нет наций, только богатые сообщества и богатые же культуры.

Движение поколения затрагивает классовые и расовые вопросы.

Молодежное возмущение в Америке не объяснить тезисами Фрейда или Маркса. Это война между поколениями разных эпох, и победа будет нашей, потому что Америка защищает такие институты и идеи, как собственность и нация, а они уже не отвечают нуждам человечества.

Мы не создавали CBS, Демократическую партию и католическую церковь. Мы не стремимся в них вписаться.

Вьетнам – это случай из прошлого, который пытается влиять на будущее.

Американская экономика привела к тому, что белая молодежь из среднего класса и чернокожая молодежь из рабочего оказались не востребованы, поскольку экономика и так отлично работает, и мы ей ни к чему. А отсутствие самореализации питает революцию. Единственное захватывающее и значительное, чем можно заняться в Америке в наши дни, – это свалить ее институты и построить новые.

* * *

Свергнуть!

Это задача каждой молодой личности. Распространяя мысли, которые расшатывают устойчивый мир Америки, и наконец опрокинь его, сжигая символы, – от повесток до национального флага и долларовых банкнот.

Мы должны обескровить средний класс. Мы должны его эмоционально истощить.

Америка больна раком. Имя ему – АПАТИЯ.

Моральные убеждения могут сыграть на комплексе вины или даже отнять голос на выборах, но как вытащить человека из его страного кокона?

Психоз – необходимый момент при раскачке.

Мистер Америка! К вам Война, сэр.

Это не показывают в «Ханкли–Бринкли» – это происходит за окном. Хотя нет – это уже в твоей гостиной, в мыслях твоего ребенка.

Когда мы просто маршировали и пикетировали, делая острые заявления в адрес правительства с требованиями прекратить войну, опытные люди секли, что мы – всего лишь дети, что мы это не всерьез.

Американцы знают, как тяжело переубедить власти.

– Да ну нах, вы че, так вы войну не закончите, – стандартная реакция дальнобойщика на всевозможные марши, борцов за мир, пикеты, петиции и листовки.

Простой американец понимал свое правительство намного лучше, нежели «антивоенное движение».

Он знал, что вся фишка была в ни на что не годных, недосягаемых политиках, понимающих лишь один язык – язык власти и насилия.

Когда движение перетекло на улицы и заговорило на диалекте власти, когда оно стало жестким, мы снесли все преграды на пути к взрослым дядькам. Америка понимает Элдриджа Кливера именно поэтому. Вот почему мы опаснее сотни Мартинов Лютеров Кингов.

Опущение американского общества становится не менее регулярным, чем боевые вылеты янки во Вьетнаме.

А на смену опущению приходит целостная система взглядов.

Так кофе-брейк оборачивается кризисом.

Ч3: СЦЕНАРИЙ БУДУЩЕГО / ЙИППЛАНДИЯ

Все колледжи и школы в стране будут закрыты в связи с бунтами и акциями саботажа. Копы окружат кампусы, встав плечом к плечу. Школы отойдут свиньям.

Миллионы молодых людей высыплют на улицы городов, танцуя, что-то напевая, куря траву, трахаясь повсюду, трипую, сжигая повестки и останавливая машины.

Пентагон отправит войска сражаться с распространившимися партизанскими войнами в Лаос, Таиланд, Индонезию, Индию, Конго, Боливию, ЮАР, Бразилию и Францию.

Высокие чиновники изменят в пользу йиппи.

Государственный департамент обнародует список неблагонадежных сановников, обвиненных в сговоре с йиппи. Черные копы перейдут на сторону черно-белой освободительной армии.

Студенты будут захватывать радиостанции, телеканалы и редакции газет по всей планете.

Полицейские участки взлетят на воздух.

Революционеры прорвутся в тюрьмы и освободят всех заключенных.

Клерки будут совать жвачку в микросхемы компьютеров.

Целые взводы Национальной гвардии дезертируют и станут бойцами революции.

Рабочие экспроприируют заводы и сделают их коммунальными.

У коротко стриженных за ночь отрастут патлы.

Вертолетчики-йиппи будут бомбить силы полицейских газом с ЛСД.

Пентагон примется атаковать базы йиппи, а мы будем сбивать их самолеты.

Дети повыгоняют родителей из домов в пригородах, превратив их в оружейные склады.

Мы ворвемся во все банки и пополним ряды кассиров, сжигая деньги на огромных кострах.

Все предыдущие перевороты были направлены на захват власти и отъем средств производства. Мировая молодежная революция начнется массовым отрывом

от авторитаризма, всеобъемлющим бунтом, тотальной анархией во всех уголках Западного мира. Племена патлатых, чернокожих, рабочих, крестьян и студентов возьмут верх.

Миф об изгоях-йиппи просочится во все структуры Америки. Революция повергнет в шок всех одним тем фактом, что у нее везде найдутся сторонники, ждущие Момента Истины.

На всеобщих сборах Боб Дилан будет исполнять государственный гимн.

Тюремы, суды и полиция исчезнут.

Белый дом будет «аварийным матрасом» для каждого, у кого возникнут проблемы с впиской в Вашингтоне.

Мир превратится в одну большую коммуну с бесплатной едой и постоем, где все станет общим.

Все часы и будильники будут уничтожены.

Парикмахеры отправятся в реабилитационные центры, где отрастят себе почетные хайры.

Такое преступление, как кража, испарится, потому что все будет халявным.

В Пентагоне обоснуется экспериментальная ферма по опытам над ЛСД.

Школ и церквей не останется в помине, потому что весь мир станет одной большой церковью и школой.

Люди будут заниматься сельским хозяйством по утрам, музицировать днем и ебаться где и когда заблагорассудится.

Соединенные Штаты Америки превратятся в крошечный островок посреди огромного моря любви великой и вечной Йиппландии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ	3
От ПЕРЕВОДЧИКА	5
Предисловие Элдриджа Кливера	7
1: Дитя Америки	14
2: Элвис Пресли убил Айка Эйзенхайзера	18
3: Ближний Запад	21
4: ДСС – заткнуть долбоеба!	22
5: Становление нестудента	25
6: Поезда с войсками едут, тра-ля-ля, тра-ля-ля!	32
7: С революцией веселей	36
8: «Движение, которое не рискует потерями, ни хрена не стоит»	39
9: Любой дурак может избираться в мэры	45
10: Все мы – люди	52
11: КРАД создает ажиотаж вокруг повесток и встречает Томаса Джейфферсона	55

12: Голливуд бросается на антивоенное движение за поход на Пентагон	64
13: Как быть йиппи	76
14: Наши лидеры – семилетние дети	82
15: Не доверяй никому старше сорока	84
16: «Тетя Сэйди, хайр – это коммунистический заговор!»	87
17: Дурь должна быть нелегальной	91
18: Хо Ши Мин – агент йиппи	94
19: Каждому революционеру – по цветному телевизору!	98
20: Fuck God	101
21: Идеология – болезнь мозга	105
22: Деньги – дермо. Торч от сжигания денег, грабежей и воровства в магазинах	108
23: Я согласен с вашей тактикой, но не знаю ваших целей	115
24: Революция – это уличный театр	122
25: Джордж Чоллес – это Бобби Кеннеди с женской писькой	133
26: Кеннеди склонны погибать под пулями	138
27: Свободу заключенным, судей – за решетку	141

28: Сирхан Сирхан – йиппи	149
29: Битва в Чехаго	155
30: Выдвижение и выборы Свингуса	161
31: Мой «телохранитель» – чехагская свинья	166
32: Как AMERICAN AIRLINES, Ричард Никсон, Спиро Эгню, Стром Тармонд, Джон Митчелл, Уолтер Кронкайт, CBS, NBC, ABC, Дядюшка Хо и миллион духов говорились сжечь Чехаго	172
33: «Оскар» за лучший протест	178
34: Воздушный замок № 2	181
35: КРАД ПРИЕМЛЕТ РАСКРАШЕННУЮ ГРУДЬ ЧЕ ГЕВАРЫ, но заметает Санта-Клауса	186
36: Сжигаем школы	193
37: «С возвращением домой, Джерри!»	198
38: Народный парк еще воспрянет	205
39: Мочиться на улице противозаконно	211
40: Нас не умаслишь – нам нужно все	215
41: Все мы – Элдриджи Кливеры	219
42: Вьетконг повсюду	223
43: Сценарий будущего / Йиппландия	232

**Революция – это уличный театр. У этого театра нет
правил, форм, структуры, стандартов, традиций – это
чистая, натуральная энергия, импульс, анархия.
Задача революционной театральной труппы в том,
чтобы совершить переворот.**

ГИЛДА

ISBN 5-87987-048-0

9 785879 870480